

ТРУДЫ
КОЛОМЕНСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ

Выпуск 7

Москва
2012

Т 78 ТРУДЫ КОЛОМЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ. Выпуск 7. – М.:
Русский раритет, 2012. – 160 с.
ISBN 978-5-7034-0326-6

Очередной, шестой, сборник научных трудов преподавателей и студентов Коломенской православной духовной семинарии содержит исследования по широкому кругу вопросов церковной науки.

Сборник открывает публикация материалов дипломной работы выпускника КПДС 2009 г. В.М.Самохвалова, посвященной истории Успенской церкви села Гжель — всемирно известного центра народных художественных промыслов. Теме осмысления подвига христианского мученичества в трудах Великого Вселенского Учителя и святителя Иоанна Златоуста посвящена статья преподавателя семинарии иеромонаха Серафима (Голованова). Библейские исследования представлены: статьей преподавателя семинарии священника Алексея Рыженкова, в которой анализируется евангельская экзегеза в работах древних толкователей и русских библистов конца XIX – начала XX вв. на примере Ин. 2:4; фрагментом дипломной работы выпускника семинарии 2008 г. священника Дмитрия Огнева, посвященном сопоставлению списков Остромирова Евангелия с Галичским Евангелием 1144 г. и с современным евангельским текстом. Значительную часть выпуска составляет публикация диссертации преподавателя семинарии Р.В.Лужнова «Вклад профессора Киевской Духовной академии А.А.Олесницкого в развитие библейской археологии и его значение для современной библейской науки», защищенной автором в МДА в 2009 г.

Настоящее издание ориентировано на читателей, интересующихся проблемами церковной истории, библейстики и богословия.

ISBN 978-5-7034-0326-6

© Коломенская православная
духовная семинария, 2012

В.М. Самохвалов

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ церкви Успения Божией Матери села Гжель с XVII века до наших дней

(Окончание. Начало в Выпуске 6)

Глава 3

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ СЕЛА ГЖЕЛЬ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Клир храма в первые годы советской власти (1917–1920 гг.)

С 1917 г. в Московской губернии «вместо уездных и волостных комитетов Временного правительства стали возникать новые, уже большевистские, органы власти. Не миновал общей участи и Бронницкий уезд. 5 ноября на сторону советов перешел колебавшийся до этого военный гарнизон. 5 декабря перешла власть в руки советов и в последней волости уезда — Гжельской. Так как в Гжели не оказалось никого, способного сменить временное правительство, то туда из Бронниц был направлен красногвардейский отряд. В состав отряда входили 12 большевиков. Они стали основой партийной организации при Гжельском волостном военкомате, несколько позже они числились при Гжельском волостном совете <...>.

По Декрету о земле, принятому 26 октября 1917 г., в пользу крестьян отбирались без выкупов и платежей помещичьи и церковные земли, удельные и другие владения. Бронницкий уезд оказался в числе первых в Московской губернии, где прошли перевыборы волостных земских комитетов и передача их полномочий волостным советам. Это позволило быстро произвести в уезде конфискацию 12 крупных и десятков средних и небольших помещичьих владений, удельных и церковных земель»¹.

Становилось ясно, что большевики не пойдут ни на какие компромиссы с Российской Православной Церковью. Но в первые годы советской власти вмешательство государства во внутреннюю жизнь Церкви было еще не так ощутимо. В 1918 г. у некоторых епархий оставалась возможность печатать церковную прессу. В частности Московская епархия продолжала издавать «Московские церковные ведомости», из которых о клириках Успенского храма становится известно следующее.

К празднику Святой Пасхи 1918 г. гжельский священник Иоанн Архангельский «за усердные труды на поприще духовно-просветительской и пастырской деятельности» был награжден бархатной фиолетовой скуфьей².

В мае 1918 г. диаконом к Успенскому храму села Гжель назначен Павел Зверев³.

Успенский храм
в 1920–1930-е гг.

Павел Васильевич Зверев родился 7 июня 1881 г., происходил из семьи диакона и обучался в Перервинском духовном училище. 11 марта 1899 г. он был определен на должность учителя в Аксеновскую школу грамоты Богородского уезда. 8 ноября 1902 г. назначен псаломщиком во Владимирскую церковь села Маврина Богородского уезда. В 1903 г. Павел Зверев был посвящен в стихарь. С августа 1909 г. его перевели в Спасскую церковь села Котова Московского уезда, где 6 апреля 1914 г. митрополитом Московским и Коломенским Макарием он был рукоположен «во диакона на вакансии псаломщика». 26 января 1915 г. диакон-псаломщик Павел Зверев был назначен псаломщиком Троицкой церкви села Хорошова, а спустя три года перемещен в село Гжель⁴.

В 1919 г. за труды по «Епархиальному ведомству» священник Успенской церкви Александр Орлов был награжден саном протоиерея⁵.

Изъятие церковных ценностей в 1922 г.

«Несмотря на то, что за годы гражданской войны материально-финансовое положение Церкви в значительной степени было ослаблено» советская власть не смогла уничтожить «административный аппарат и иерархическую организацию церкви. Для этого была необходима особая тактика разложения церкви, которую смогли определить и осуществить в ходе антицерковной кампании 1922 г. карательно-репрессивные органы <...>. Новая антицерковная кампания развернулась на базе изъятия церковных ценностей из храмов и монастырей. Эта экспроприация проводилась под лозунгом сбора средств в помощь жертвам голода, начавшегося во второй половине 1921 г. и охватившего более 22 млн человек <...>.

Начало антицерковной кампании связано с декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г., который центр тяжести переносил с добровольного участия духовенства и мирян в помощи голодающим на насильственное изъятие властью церковных ценностей. На самом деле основной задачей постепенно становился раскол Церкви с целью ускорения ее ликвидации как таковой, а не спасение жизни голодающих <...>.

В письме «товарищу Молотову. Для членов Политбюро» от 19 марта 1922 г. В.И. Ленин считал, что наступил наиболее удобный момент, чтобы «провести

изъятие церковных ценностей самым решительным и быстрым образом, а также, именно теперь, дать самое решительное и беспощадное сражение черносо-тенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, что-бы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий».

В этом письме В.И.Ленин четко определил две главные цели антицерков-ного наступления. Во-первых, получение средств, необходимых для осущест-вления внешних и внутривластных планов Советского государства; и пре-жде всего для укрепления позиций на Генуэзской конференции. Ужасы голода рассматривались В.И.Лениным лишь как обстоятельства, способствующие осущ-ствлению таких планов. Во-вторых, речь шла о разгроме политического про-тивника с широким применением расстрелов <...>.

Инициатором и фактическим руководителем антицерковной кампании был Л.Д.Троцкий, почти регулярно направлявший в Политбюро теоретические раз-работки и практические предложения, касавшиеся религиозной политики»⁶.

В апреле – мае 1922 г. началось изъятие церковных ценностей из храмов Бронницкого уезда Московской губернии.

17 мая 1922 г. представители советской власти, прибывшие в Успенский храм села Гжель, составили опись изъятых ценностей:

- 1) 2 шт. Дарохранительницы серебряные; вес = 07 фн. 36 зол.
 - 2) Угольники с 4-х Евангелий; вес = 04 фн. 47 зол.
 - 3) 7 шт. Крестов серебряных; вес = 07 фн. 84 зол.
 - 4) Риза и венчик с образа Успения и Скорбящей; вес = 15 фн. 09 зол.
 - 6) Чаши 3 шт. с приборами серебряными; вес = 06 фн. 81 зол.
- Общий вес: один пуд 02 фн. 95 зол.

Со стороны власти документ был подписан уполномоченным районной ко-миссии. Со стороны Успенского прихода — настоятелем, протоиереем Алек-сандром Орловым, и Н.Суховым от лица верующих⁷.

Священномученик Иоанн (Честнов) и протоиерей Александр Виноградов

В 1924 г. центром Бронницкого уезда стало село Раменское, которое в 1926 г. получило статус города. В мае 1929 г. вместо Бронницкого уезда возникли Бронницкий и Раменский районы, а свыше ста населенных пунктов упразднен-ного уезда отошло к другим районам⁸. Село Гжель по новому административно-территориальному делению стало относиться к Раменскому району.

В 1929 г. скончался настоятель Успенского храма села Гжель протоиерей Александр Орлов. В июле того же года на его место был назначен протоиерей Александр Виноградов, прослуживший в гжельском храме до ноября 1930 г.

Александр Алексеевич Виноградов родился в 1875 г. в деревне Егорье Ков-ровского уезда Владимирской губернии в семье диакона. Окончил Владимир-скую духовную семинарию.

С 1895 г. служил псаломщиком в храме села Золотая Грива Вязниковского уезда, а в 1898 г. перемещен в Вязниковский Казанский собор. 19 июля 1903 г. ру-

коположен во диакона в село Сима Юрьевского уезда. С 1 сентября 1903 г. занимал должность законоучителя и учителя пения в Коленовской церковно-приходской школе, а также учителя славянского языка и пения в Симской женской церковно-приходской школе. 21 января 1907 г. рукоположен во священника в село Малое Кузьминское Юрьевского уезда, где также исполнял должность законоучителя в Кузьминской школе грамоты. 24 июня 1911 г. отец Александр был переведен на священническое место в село Заборье, и с 1 сентября назначен законоучителем при церковно-приходской школе. В 1914 г. священник Александр Виноградов получил архипастырское благословение, в 1915 г. награжден набедренником, в 1918 г. — скуфьей, в 1924 г. — камилавкой. В 1926 г. архиепископом Петром (Вороненским), временно управляющим Московской епархией, отец Александр был перемещен из Владимирской епархии в Московскую, в Покровский храм села Покровское-Шереметьево. В 1927 г. ко дню Святой Пасхи священник Александр Виноградов был награжден золотым наперсным крестом. Отец Александр был женат, у него был ребенок — дочь Нина, которой в 1927 г. исполнилось 16 лет.

8 июля 1929 г. протоиерей Александр Виноградов был назначен настоятелем храма Успения Божией Матери села Гжель. Новый настоятель Успенского храма проводил беседы с народом не только в церкви, но и по домам, в результате число прихожан значительно возросло⁹.

В январе 1930 г. отец Александр воспрепятствовал снятию колоколов с храма. На собрании граждан села Гжель против снятия колоколов выступили также женщины из деревни Трошково.

В конце января — начале февраля настоятель Успенского храма по обвинению в мошенничестве был приговорен Нарсудом к трем годам высылки, но Губсуд дело прекратил¹⁰.

Немногим больше года гжельскому священнику довелось служить в храме Успения Божией Матери и окормлять местное население. В то время любые высказывания в адрес власти, даже самые осторожные, могли быть представлены как антисоветская пропаганда, а ответы на злободневные вопросы — поводом для доноса.

29 октября 1930 г. против протоиерея Александра Виноградова и переведенного в том же году в село Гжель священника Иоанна Честнова было начато дело по обвинению в антисоветской агитации.

Честнов Иван Петрович родился в 1874 г. в селе Запонорье Богородского уезда Московской губернии и происходил из семьи священника. В 1904 г., по окончании 4-го курса Московской духовной семинарии, Иван Честнов сдал экзамен на звание учителя церковно-приходской школы, и епископом Можайским Парфением был назначен псаломщиком Знаменского храма в селе Амирево Богородского уезда.

9 марта 1905 г. епископ Дмитровский Трифон посвятил Ивана Честнова в стихарь, а в июле 1907 г. он был переведен псаломщиком в Крестовоздвиженский храм в селе Новое, Клинского уезда на реке Волге.

В 1908 г. состоялась диаконская хиротония Иоанна Честнова, и он был определен к Воскресенской кладбищенской церкви в Подольске, где с 1910 г.

также занимал должность законоучителя в мужском и женском училищах.

С 1916 г. диакон Иоанн Честнов состоял секретарем и казначеем касс взаимопомощи духовенства 5-го благочиннического округа Подольского уезда, с 20 марта 1917 г. — членом исполнительного комитета уездного духовенства и мирян, с 1 июля 1917 г. — членом 1-го благочиннического округа того же уезда. Ко дню Святой Пасхи 1919 г. диакон Иоанн получил Патриаршее благословение.

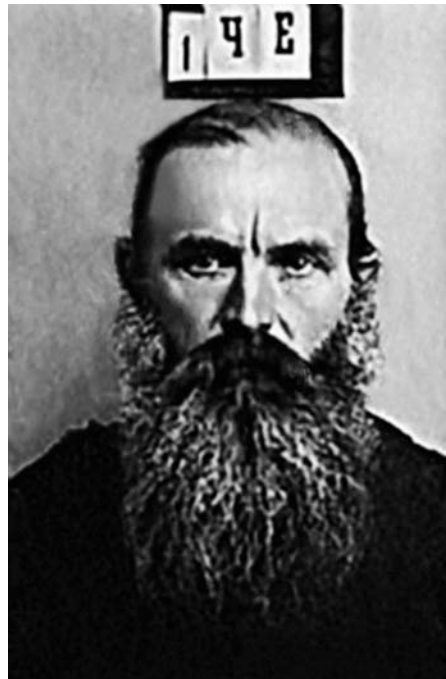
1 сентября 1920 г. митрополитом Крутицким Евсевием диакон Иоанн Честнов рукоположен во священника и назначен в Знаменскую церковь села Захарьина Подольского уезда, а в январе 1921 г. переведен в Воскресенскую кладбищенскую церковь.

В декабре 1928 г., для «исполнения пастырских обязанностей», епископом Подольским Иннокентием священник Иоанн Честнов был направлен к Михайло-Архангельской церкви села Верглинского Клинского уезда (с 1929 г. — Солнечногорского района. — *В.С.*)¹¹.

В октябре 1929 г. отец Иоанн Честнов был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, где провел пять с половиной недель. В феврале 1930 г. за неуплату налогов власти отобрали у отца Иоанна корову и часть имущества. Отсутствие постоянного жилья в селе Верглинском заставило его обратиться к правящему архиерею с просьбой о переводе на другой приход.

В Синоде отец Иоанн познакомился с председателем церковного совета гжельского прихода Московским, который сообщил ему, что при Успенском храме есть вакантное священническое место. Московский подал записку Владыке, что он не против кандидатуры отца Иоанна. 24 января 1930 г. епископом Воскресенским Иоанном священник Иоанн Честнов был переведен в храм Успения Божией Матери села Гжель. Семья священника к 1930 г. состояла из четырех человек: жена Александра Ивановна Честнова, сыновья Николай и Владимир и дочь Нина¹².

С первых дней своего служения в Успенском храме отец Иоанн неустанно заботился о вверенной ему пастве. Несмотря на запрет новой власти совершать Таинство Крещения без справок из сельского совета, отец Иоанн Честнов и настоятель храма протоиерей Александр Виноградов продолжали крестить детей. Более того, отец Иоанн по желанию супруги председателя сельского совета и кандидата ВКП(б) Гребнева тайно крестил его ребенка, назвав церковным име-

Священник Иоанн Честнов.
Москва. Тюрьма ОГПУ. 1930 г.

нем Александр, в отличие от нареченного родителями Вячеслава, а отец Александр тайно крестил ребенка члена ВКП(б) Кузнецова.

После церковного отпевания умерших отцу Иоанну Честнову не раз приходилось бывать на поминках, которые устраивали, как правило, в доме покойного. Присутствующие на поминках люди задавали различные вопросы священнику. Ответы на некоторые из таких вопросов и послужили впоследствии поводом для ложных доносов на отца Иоанна.

В ночь с 31 на 1 ноября 1930 г. протоиерей Александр Виноградов и священник Иоанн Честнов были арестованы. До и после ареста священнослужителей были допрошены свидетели из села Гжель и близлежащих деревень.

Председатель колхоза «Гжельский ударник» Сергей Николаевич Головин показал, что он «...неоднократно видел в феврале и марте месяце сего года (1930 г. — В.С.), как попы Честнов и Виноградов, утром, часа в 4–5 уже успевали обойти дома... Результаты этих ночных хождений попов быстро сказались, так как по селу стали ходить провокационные слухи о том, что те, кто войдут в колхоз, обязаны снимать иконы, что всем вступившим в колхоз будет запрещено венчаться в церкви... На поминках умершего крестьянина Овчинкина присутствовали Солертовский и Честнов, последний говорил: колхоз наш развалится, и это все потому, что колхозники преданы анафеме... Не вступайте в колхозы сами и не пускайте своих детей работать в колхоз... Я как председатель колхоза определенно заявляю, что невступление в колхоз есть результат поповской агитации, которая запугивает население всякими небылицами из Писания Божия...»¹³

Председатель гжельского сельсовета и член ВКП(б) Петр Тихонович Гребнев по поводу тайного крещения своего сына отцом Иоанном Честновым заявил: «Указанное самовольство... является одним из методов попа Честнова, подрывом авторитета сельских коммунистов, тем более, что после крещения моего ребенка я в течение недели был посмешищем всего села»¹⁴.

Диакон Успенского храма Владимир Солертовский показал: «...Виноградов, по приезде, спутался с имеющимися у нас монашками: Качинкиной Екатериной и другой Матреной... Как результат тесной связи Виноградова с монашками было то, что монашки у колодцев и в кучках баб всегда поносили колхозы и советские порядки, но так как я привык к этим злобным выкрикам и боялся Виноградова, то внимания на них не обращал... на поминках умершего Овчинкина... Честнов стал говорить: в Ветхом Завете сказано, что придет такое время, когда власть будет окружена одними молодыми, и это мы видим сейчас. Наша власть окружила себя молодежью-сопливцами, и что хочет, то и делает. Но все же в Писании сказано, несмотря на эти гонения, все же вера православная не угаснет и после гонения восторжествует... Пусть колхозники пока пользуются благами своей власти. Власть ихняя, и от них можно избавиться только топорами и колом. Но я говорю, что колхозы все равно развалятся и отправят их в Турцию и Египет... После такой явной контрреволюционной вылазки я заявил Виноградову, что боюсь, как бы нас за это не посадили, и что больше с Честновым ходить не буду... В целях же запугивания крестьян Виноградов крестил ребят без всякого разрешения сельсовета и справок о регистрации... На поминках

убитого Ванчуркина... Честнов говорил: сейчас царствует зло, которое вместе с добром ужиться не может, но в Писании сказано, что добро восторжествует, а зло падет... Я категорически утверждаю, что попы Честнов и Виноградов не столько не занимаются своими церковными делами, сколько светскими, и при всяком удобном случае используют религию во вред существующему строю»¹⁵.

Помимо вышеперечисленных лиц были допрошены: псаломщик Успенского храма Коровичин В.И., колхозница Шагаева Е.И. и пенсионер Сухов И.П., которые еще раз подтвердили слова о «царстве зла» и «развале колхозов»¹⁶.

1 ноября 1930 г. уполномоченный Раменского отдела ПП ОГПУ Московской области Васильев допросил священника Иоанна Честнова, который дал следующие показания: «...28.09.1930 г. в момент похорон крестьянина Овчинкина... на заданный мне вопрос относительно современного положения и существующей власти ответил: Всякая власть дается от Бога, а так как вера православная пала среди верующих, то Бог в наказание за наши грехи и посылает власть. Народ достоин той власти, которая ему послана Богом, и если народ творит беззаконие, то Господь для исправления посылает тяжелую власть. И до тех пор, пока народ не обратится к Богу, ниспосланная ему власть будет продолжаться долго, а когда народ замолит свои грехи перед Богом, то и существующая власть дойдет до такого положения, когда она сама придет к Богу и изменит свое отношение к религии, и тогда народ этот будет достоин своей власти. Для пояснения вышесказанного укажу свое мнение: Священное Писание не знает безбожников как таковых, есть лишь такое состояние человека, когда в известный период на душу человека налетает нечто вроде пепла, отчего душа и сознание затемняются, но это явление временное, так как это затемнение проходит и человек, именовавший себя безбожником, становится верующим. Как на пример из Писания Божия укажу на святого апостола Павла, который был гонителем веры Христовой, а потом стал ревностным проповедником учения Христа. На поминках у убитого Ванчуркина мне кто-то из присутствующих задал вопрос, который в точности я не припомню, но на который я ответил: стало много хулиганства, и все это потому, что родители плохо смотрят за своими детьми. Что же касается указания на то, что не нужно доверяться школьному воспитанию, то этого я не говорил. От приписанных мне выражений на поминках Овчинкина: колхозы нужно изживать колами и топорами — я категорически отказываюсь... В отношении допущенных мною записей в церковных книгах при крестинах детей, с указанием о том, что эти дети от церковного брака или же от гражданского, могу сказать следующее: при существующей власти, я хорошо знаю, что деления на гражданский брак и церковный нет, и как тот, так и другой считаются вполне законными. Я же, несмотря на предупреждения своего настоятеля Виноградова о том, что мы не должны производить запись детей с подразделением на брачных и внебрачных, все же записи вел, причем заявляю, что определенной цели этим записям я не придавал и действовал по-старинному... О том, что записи детей с разделением на брачных и внебрачных могли иметь нежелательные последствия в части внесения разлада в семье, я не задумывался и отчета себе в этих последствиях не давал. Виновным себя признаю в том, что не имея права высказывать

свою точку зрения на существующую власть и положение в местах большого скопления людей, я все же высказывал, но оговариваюсь, что к высказыванию меня вынуждали вопросы верующих, сам же я никогда беседы не начинал. В призывах к срыву уборочной кампании колхоза и угрозах колхозникам я виновным себя не признаю. Мои беседы и ответы верующим я суммирую следующими словами: народ делает зло друг другу, и я как пастырь хотел привести народ к миру. Мои призывы и беседы имели целью вразумить народ и привести их к вере Христовой, так как, если вера Христова укрепится, то и существующая власть также подойдет к этой вере, и вот тогда-то и установится власть, угодная Богу»¹⁷.

В тот же день в доме Ионовой (село Гжель, ул. Высельская, 4), где проживал настоятель храма протоиерей Александр Виноградов, был произведен обыск, в ходе которого у него изъяли все имеющиеся деньги и личные вещи.

После обыска следователь допросил о. Александра. На заданные вопросы настоятель Успенского храма ответил: «...никаких указаний на существующий строй я не делал и не мог этого делать, так как прекрасно знал, что религия — частное дело и в политику вмешиваться не должно. Мною первое время практиковались беседы с верующими и разбор Евангелия, но опять-таки эти беседы были связаны только с Евангелием, большего же я не касался...»

На допросе отец Александр Виноградов в свое оправдание говорил, что не разделял взглядов священника Иоанна Честнова и старался снять с себя ответственность за его действия: «С появлением Честнова последний повел самостоятельную линию, причем даже было замечено, что он игнорирует меня, как настоятеля. Его самостоятельность была проявлена в следующем виде: по положению церкви нами только записывалась дата крещения, остальные же сведения мы не заносили. Честнов же указывал в записях дату рождения, крестящих ребенка и т. д. На мои ему указания, что эти сведения записывать не требуется, Честнов отвечал, что не меньше моего знает и будет делать так, как он знает... Честнов при крестинах детей самовольно спрашивал о том, в браке родители или нет, причем, если ему отвечали, что родители не венчаны, то Честнов записывал «внебрачный», венчаных же родителей записывал «брачный». Увидев эти записи, я категорически заявил Честнову, что таких записей он делать не имеет права, так как прекрасно знаю и понимаю, что разделение детей на брачных и внебрачных есть нарушение Закона советской власти и, кроме того, благодаря темноте и малограмотности населения эти записи нервировали их, так как записанный ребенок «внебрачный» считается ими как бы незаконнорожденным. На мое заявление Честнов заявил, что это дело его, и он сам будет за это отвечать. Я о незаконных записях докладывал и благочинному, и Владыке, которые подтвердили, что такие записи противны Закону советской власти, но если Честнов не хочет отказываться от своей системы, то вся ответственность ляжет на него и, что он уже не маленький и должен знать, к чему это приведет. Как правило, мы крестили детей без справок сельского совета об их регистрации, так как гжельский сельский совет заявил, что регистрация детей дело не наше. Лично я знал, что без регистрационных листков крестить нельзя, но так как сельсовет таких справок не давал, я и Честнов крестили без справок. В

частности, в отношении крестин ребенка члена ВКП(б) Кузнецова могу сказать, что ребенка принесли кум и кума уже к вечеру, и окончание крестин было уже впотьмах. О том, что ребенок Кузнецова, я знал, но о том, что он член ВКП(б) я не знал. Ребенка же председателя сельсовета Гребнева крестил Честнов. Я, как правило, перед крестинами спрашиваю принесших, как они назвали, и, только получив имя, произвожу крещение, называя его тем же именем. Что же касается случая с Гребневым, где ребенок при регистрации значится Вячеславом, а Честнов назвал его Александром, то за это будет отвечать Честнов. Я заявляю, что совместно с Честновым я по домам не ходил и на поминках не был. Совместно нами велась служба только по большим праздникам. О том, что Честнов попутно с исполнением своих церковных обязанностей вел антисоветскую работу, я не знал, и об этом узнал только через диакона Солертовского, который рассказал мне, что Честнов что-то говорил на поминках, но что именно, он мне не сказал. Тогда я посоветовал Солертовскому во избежание возможных неприятностей не ходить с ним на поминки, Солертовский все же отправился с Честновым на поминки в деревню Кошерово, но о том, что он там говорил, я никакими сведениями не пользовался. В отношении выступлений Честнова я с ним не беседовал, и, опять-таки, считаю, что за свои поступки он сам и будет отвечать. Я категорически заявляю, несмотря на то, что я бывал по разным домам, никогда и нигде ни словом не обмолвился о власти или колхозах и никогда антисоветской агитацией не занимался. Виновным себя ни в чем не признаю и заявляю, что за действия других лиц, а в частности Честнова, я не отвечаю»¹⁸.

Согласно обвинительному заключению, составленному ОГПУ Московской области, клирики Успенского храма села Гжель «используя свое положение, как священников, и пользуясь религиозными предрассудками несознательного населения, систематически ведут агитацию против советской власти и проводимых ею мероприятий»¹⁹.

Предварительным следствием было установлено, что «Для обработки окружающего и местного населения в антисоветском направлении они (прот. Александр и свящ. Иоанн. — В.С.) не только пользовались церковью, но и ходили по домам, где через кликуш распространяли различные антисоветские слухи, доказывая крестьянам, что по Писанию сейчас царствует зло, которое в дальнейшем падет, и «добро» (кавычки в оригинальном тексте обвинительного заключения. — В.С.) восторжествует, этим самым предсказывали о падении советской власти»²⁰. Следствием также рассматривались и «конкретные случаи антисоветской деятельности:

1) В сентябре месяце сего года на поминках умершего крестьянина Овчинкина в селе Гжель поп Честнов говорил, что «сейчас на веру православную гонение, власть же окружила себя молодежью — сопливцами, которые творят, что хотят». Там же Честнов резко агитировал против колхоза, говоря: «Власть их (колхозников), и от них можно избавиться только топорами и колом...»

2) В период уборочной кампании, когда в колхозе резко ощущался недостаток рабочих рук, и уборка урожая стояла под угрозой срыва, и колхозники обратились к помощи школьников, то Честнов и Виноградов агитировали про-

тив посылки детей для работы в колхозе, благодаря чему некоторые граждане не пускали своих детей, а некоторые даже возвращали с работы.

3) Попы Честнов и Виноградов агитировали также против сдачи излишков хлеба, чем срывали выполнение хлебозаготовок, так как ряд лиц не выполнил задание по плану».

В ходе рассмотрения дела гжельским священникам было выдвинуто обвинение по Статье 58 п. 10 УК РСФСР: «Призыв масс к подрыву и ослаблению мощи советской власти, путем срыва выполнения мероприятий советской власти коллективизации и хлебозаготовок»²¹.

В первых числах ноября 1930 г. отца Александра и отца Иоанна из города Раменское отправили в Москву, на Лубянку, а позже — в Бутырскую тюрьму. 22 ноября 1930 г. тройка ОГПУ Московской области приговорила протоиерея Александра Виноградова и священника Иоанна Честнова к высылке в Казахстан, сроком на 3 года, считая срок с 6.11.1930 г. Городом, в который сослали протоиерея Александра, был Актюбинск. 1 января 1931 г. отцу Александру Виноградову было дано право на свободное проживание в городе. В январе 1932 г. жена отца Александра, Виноградова Анна Ивановна, обратилась в ОГПУ с просьбой облегчить участь ее мужа²². Неизвестно, что было с отцом Александром после ссылки, известно лишь то, что 27 марта 1992 г. согласно Указу Президиума Верховного Совета «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 30–40-х и начала 50-х годов» он был реабилитирован²³.

Отец Иоанн Честнов по окончании срока ссылки поселился в городе Можайске и был назначен в городскую храм Вознесения Господня. Но поскольку храм заняли обновленцы, отцу Иоанну пришлось просить священноначалие о переводе его на другой приход. Задача по поиску свободного места осложнялась тем, что отцу Иоанну, как и многим ранее судимым священникам, было запрещено поселиться в стокилометровой зоне от Москвы. В октябре 1934 г. отец Иоанн Честнов написал прошение епископу Тамбовскому и Мичуринскому Вассиану о принятии его в клир Тамбовской епархии. В феврале 1935 г. из канцелярии Владыки был получен ответ, в котором говорилось о том, что число приходов сокращается, а число священнослужителей, не имеющих мест, растет. В связи с такой ситуацией тамбовский архиерей не смог пообещать отцу Иоанну «что-либо утешительное», и в том же месяце безместный священник обратился к архиепископу Тверскому Фаддею (Успенскому). 1 марта от Владыки пришел ответ: «В настоящее время нет свободных мест вообще, за сокращением приходов».

10 марта 1935 г. отец Иоанн Честнов был назначен в храм Архангела Михаила в город Талдом Московской области. 20 апреля, в первый день Пасхи, староста храма Волков пригласил отца Иоанна в собственный дом на чаепитие. В доме Волкова в этот день собрались и некоторые из прихожан храма. Во время разговора была затронута политическая тема, и отец Иоанн высказал свое мнение на происходящие события.

19 мая оперуполномоченный талдомского УНКВД допросил свидетеля по фамилии Агентов, который ложно донес на отца Иоанна, искажая его слова и

представляя их как антисоветскую агитацию. В частности Агентов приписал священнику заявление о том, что Германия должна начать войну против СССР для уничтожения большевизма.

Отец Иоанн был снова арестован и подвергнут допросам и очным ставкам. Виновным в антисоветской агитации он себя не признал. 8 июня 1935 г. тройка НКВД вынесла приговор: «Честнова Ивана Петровича за антисоветскую агитацию сослать в Казахстан, сроком на 3 года...»²⁴

В ссылке, в Чуйском районе КССР, на станции Чу, отец Иоанн продолжал свое пастырское служение, которое властями было расценено как антисоветская агитация. 23 ноября 1937 г. ссыльный священник был снова арестован. Отцу Иоанну было предъявлено обвинение в том, что он нелегально занимался «исполнением религиозных обрядов» и «среди населения вел антисоветскую агитацию».

10 декабря 1937 г. тройка УНКВД Алма-Атинской области вынесла постановление о расстреле отца Иоанна. 13 декабря 1937 г. священник Иоанн Честнов был расстрелян.

По заключению прокуратуры Джамбульской области от 22 мая 1989 г. отца Иоанна Честнова реабилитировали²⁵.

17 июля 2002 г. священномученик Иоанн Честнов был прославлен, а его имя включено в Собор новомучеников и исповедников Российских XX в.

Память священномученика Иоанна (Честнова) совершается 30 ноября (13 декабря) и в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских — 25 января (7 февраля)²⁶.

Священник Николай Харьюзов

В настоящее время неизвестно, кто из священнослужителей был назначен в Успенский храм села Гжель в период с 1931 по 1937 гг., когда настоятелем храма стал священник Николай Харьюзов.

Николай Александрович родился в 1902 г. в городе Великий Устюг Вологодской области, происходил из семьи священника и получил духовное семинарское образование.

С июня 1921 г. Николай Харьюзов работал заведующим детской площадкой в селе Косеново Тальяновского района Киевской области, осенью 1921 г. переведен на должность секретаря рабоче-крестьянской инспекции, а в начале 1922 г. работал учителем русского языка в селе Роги того же района.

В августе 1922 г. отец Николай Харьюзов назначен священником в село Кислино Букского района Киевской области. В 1924 г. переведен в село Помойник Маньковского района Киевской области, затем — в село Буки.

В 1929 г. отец Николай переехал вместе с семьей к своему дяде Харьюзову Леониду Афанасьевичу в Кировскую область, где также продолжил священническое служение.

В 1930 г. в связи с болезнью жены отец Николай поселился в Подмоскowie и был назначен священником в село Жигалово Щелковского района. В 1937 г.

переведен в Успенский храм села Гжель Раменского района. К сожалению, о служении отца Николая в селе Гжель информации не имеется, к тому же оно было довольно непродолжительным. В сентябре 1937 г. отец Николай Харьюзов по его просьбе был переведен священноначалием в храм села Зюзино Ленинского района Московской области, где до ареста служил его отец — священник Александр Харьюзов.

В ноябре 1937 г. священника Николая Харьюзова арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности, и по окончании дела тройкой НКВД он был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей²⁷.

Из мест ссылки отец Николай неоднократно писал заявления о пересмотре его дела. С такой же просьбой обращалась и жена заключенного священника, Надежда Леонтьевна Харьюзова, проживавшая с детьми и престарелой матерью в селе Гжель у своего отца, протоиерея Леонтия Гримальского²⁸.

В ноябре 1943 г., из последнего места ссылки — Яринлага в город Молотов, отец Николай был досрочно освобожден по состоянию здоровья. В этом же году он переехал к своей семье в селе Жердяевка Тамбовской области.

В 1944 г. отец Николай прибыл в Москву, где получил назначение в церковь села Загорново Московской области Раменского района²⁹.

За «моральную и материальную» поддержку мероприятий, проводившихся правительством в военные годы, священник Николай Харьюзов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». С 1945 по 1949 гг. отец Николай работал литературным сотрудником в «Журнале Московской Патриархии», и, очевидно, в этот же период он был возведен в сан протоиерея³⁰.

В ноябре 1949 г. отец Николай Харьюзов снова был арестован. Поводом для возбуждения дела послужило ежегодное проведение молебнов для школьников перед началом учебного года, а также высказывания о существующем положении во время проповедей и частных бесед.

31 декабря 1949 г. особым совещанием Министерства Гособезопасности СССР протоиерей Николай Харьюзов был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей и направлен в Волголаг³¹.

Бывший настоятель загорновского храма виновным себя не признал и впоследствии отправил множество жалоб в адрес властей, доказывая свою правоту³². В 1956 г. президиум Московского областного суда реабилитировал отца Николая по делу 1937 г.

В 1957 г. очередной протест отца Николая Харьюзова был удовлетворен, и после пересмотра дела, 7 марта 1958 г., оно было прекращено за недоказанностью обвинения³³.

Священномученик Леонтий (Гримальский)

Протоиерей Леонтий Гримальский был назначен в Успенский храм села Гжель в октябре 1937 г. Он приходился тестем служившему незадолго до него священнику Николаю Харьюзову.

Леонтий Стефанович Гримальский родился 10 июля 1869 г. в селе Лодыженка Уманского уезда Киевской губернии в семье дьячка. В 1892 г. Леонтий Гримальский окончил Киевскую духовную семинарию и был учителем церковно-приходской школы в селе Русаловка Уманского уезда. В 1894 г. Леонтий Гримальский был рукоположен во священника и определен в храм села Песчаново Звенигородского уезда Киевской губернии. В 1901 г. награжден набедренником, в 1911 г. — камилавкой, а в 1913 г. — наперсным крестом. В 1914 г. отец Леонтий был переведен в храм села Роги Уманского уезда Киевской губернии. В 1922 г. священник Леонтий Гримальский возведен в сан протоиерея, в 1928 г. — награжден палицей.

В 1931 г. отец Леонтий переехал к своему зятю в село Жигалово Московской области, где исполнял обязанности псаломщика с правом священнослужения. С апреля 1932 г. по июль 1937 г. протоиерей Леонтий служил в Петропавловском храме села Лыткарино-Петровское Ухтомского района Московской области, затем — в селе Ильинский Погост Солнечногорского района. В 1935 г. отец Леонтий Гримальский был награжден наперсным крестом с украшениями.

31 октября 1937 г. протоиерей Леонтий Гримальский был переведен в Успенский храм села Гжель.

26 января 1938 г. отец Леонтий был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации. 30 января следователь НКВД допросил отца Леонтия.

Вопрос: Где сейчас находится ваш зять Харьюзов?

Ответ: Мой зять Харьюзов арестован месяц тому назад органами УНКВД, за что он арестован, я не знаю. Арестовали его в селе Зюзино Ленинского района Московской области.

Вопрос: Какая у вас была с ним связь до последнего времени?

Ответ: С зятем Харьюзовым я был в дружеских отношениях, мы часто навещали друг друга и оказывали друг другу материальную помощь. После ареста его жена живет у меня.

Вопрос: Скажите, кто входил в круг ваших знакомств и с кем вы поддерживали связь в селе Гжель и в других местах?

Ответ: По церкви я был знаком с церковным старостой Мешоровым Доминианом Андреевичем, с бывшим диаконом Воскресенским Виктором (ныне арестован органами УНКВД). Кроме того, после ареста Воскресенского я познакомился с бывшими монашками, одну из них зовут Екатерина, другую не помню.

Вопрос: Следствие располагает данными, что вы имеете сан протоиерея. Скажите, в каком году вы получили данный сан?

Ответ: В сан протоиерея я произведен в 1922 г., и по настоящее время состою в данном сане. В протоиереи я возведен за долголетнюю службу.

Вопрос: Какие суждения вы имели с гражданами о выборах в Верховный совет?

Ответ: Разговоров на эту тему с гражданами не имел, и ко мне с вопросами на эту тему никто не обращался, и я лично советов своих никому не давал.

Вопрос: Какие вы вели разговоры среди граждан о международном положении и, в частности, об опасности войны?

Ответ: Разговоров с гражданами о международном положении, и вообще на политическую тему, никогда не вел, потому что ко мне никто не обращался с такими разговорами, и я даже умышленно уклонялся от таких разговоров.

Против отца Леонтия были показания всего лишь одного свидетеля, допрошенного 8 февраля.

Вопрос: Что вам известно о контрреволюционной деятельности Леонтия Степановича Гримальского?

Ответ: Я часто посещал квартиру Гримальских и замечал, что к ним приезжали неизвестные люди, из них некоторые были служителями культа, кроме них приезжали двое из Москвы, один рекомендовался художником, а второй якобы работник НКВД. С какой целью указанные лица посещали Гримальского, я не знаю, так как во время моего посещения они никаких разговоров между собой не вели, а сам священник, как только я приходил, уходил в каморку. Приезжие жили у Гримальского не более суток и уезжали. Из разговоров Гримальского я только один раз слышал недовольство по адресу советской власти — по поводу мясopоставок. Разговор сводился к тому, что власть незаконно берет мясopоставки, подлинных сказанных им слов я сейчас не помню. Священник, находясь на службе где-то в другой церкви, летом часто приезжал в село Гжель, где до него служил его зять Харьюзов и диакон Воскресенский. Оба они сейчас арестованы органами НКВД. Гримальский с ними поддерживал тесную связь. Арестованный диакон Воскресенский, будучи на службе при нашей церкви, открыто компрометировал советскую молодежь, называя ее шпаной. При исполнении религиозных треб говорил речи, не относящиеся к религии.

9 февраля отца Леонтия повторно допросили.

Вопрос: Дайте показания о контрреволюционной агитации, проводимой вами среди населения.

Ответ: Никакой контрреволюционной агитации среди населения я не вел.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что вы внушали верующим недоверие к советской власти, партии и конституции.

Ответ: О конституции я никогда никому не говорил и не внушал верующим недоверие к партии и советской власти.

Вопрос: Следствию известно о том, что вы запугивали колхозников предстоящей войной и большими трудностями, дайте показания по этому вопросу.

Ответ: О войне и больших бедствиях я никому ничего не говорил и какими-либо другими способами колхозников не запугивал.

Вопрос: Говорили ли вы о неправильных действиях советской власти по взиманию госпоставок?

Ответ: О государственных поставках я никому ничего не говорил. Взимаемые налоги и госпоставки с меня я считаю законными.

Вопрос: Дайте показания о ваших знакомых и связях с ними.

Ответ: Я имел тесную связь с Харьюзовым Николаем Александровичем, который до меня служил священником в селе Гжель, также имел связь с диаконом церкви села Гжель Воскресенским. Оба они сейчас арестованы и осуждены ор-

ганами НКВД. Их я часто навещал летом 1937 г., когда я еще жил и служил в селе Ильинский Погост.

Вопрос: С какой целью вы навещали Харьюзова и Воскресенского?

Ответ: Я приезжал к Харьюзову как к зятю, Воскресенский виделся со мной как со священнослужителем.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что в момент посещения вами села Гжель приезжали лица, не имевшие отношения к служителям культа

Ответ: Да, действительно, когда я приезжал из Ильинского Погоста, то одновременно со мной приезжали два человека из города Москвы, одного я знаю по имени Борис, таковой где-то работает и одновременно учится. Мне он знаком был. Второго я совершенно не знаю.

Вопрос: Скажите, Гримальский, с какой целью приезжал указанный вами Борис?

Ответ: Цели приезда этого Бориса я не знаю. Разговоров при мне о цели его приезда не было.

Вопрос: Что вам известно о контрреволюционной деятельности Харьюзова и Воскресенского?

Ответ: О контрреволюционной деятельности Харьюзова и Воскресенского я совершенно ничего не знаю. Знаю только о том, что они оба осенью 1937 г. были арестованы органами НКВД.

Вопрос: Что можете еще показать по существу предъявленного вам обвинения?

Ответ: Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю и показать ничего не могу.

21 февраля 1938 г. тройка НКВД вынесла постановление о расстреле отца Леонтия. 26 февраля 1938 г. протоиерей Леонтий Гримальский был расстрелян и погребен в общей безвестной могиле бутовского полигона.

21 июля 1989 г., решением прокуратуры Московской области отец Леонтий был реабилитирован³⁴.

В послесоборный период, 26 декабря 2001 г., протоиерей Леонтий Гримальский был прославлен в лике святых, а его имя включено в Собор новомучеников и исповедников Российских XX в.³⁵

Память священномученика Леонтия (Гримальского) совершается в день его смерти 13 (26) февраля и в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских — 25 января (7 февраля).

Протоиерей Леонтий Гримальский.
Москва. Тюрьма НКВД. 1938 г.

Закрытие храма

В 1940 г. прокатилась очередная волна закрытия храмов. Только за 16 января того же года значатся 9 постановлений о закрытии храмов по Московской области, а именно: Ильинской церкви в городе Верея, церкви села Софьино Раменского района, церкви села Воздвиженского Загорского района, церкви села Липицы Серпуховского района, церкви Саввинской слободы Звенигородского района, церкви села Бортниково Малинского района, церкви села Бушиново Красногорского района, Троицкой церкви в городе Коломне и, наконец, церкви в селе Гжель.

Тексты постановлений о закрытии храмов похожи друг на друга как две капли воды. Исключением не стало и постановление о закрытии Успенского храма в селе: «Принимая во внимание, что церковь в селе Гжель Раменского района бездействует с 1937 г., в настоящее время находится без надзора, группа верующих распалась, Исполком Мособлсовета, руководствуясь постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8.04.1929 г., решил:

Разрешить Раменскому районному совету церковь в селе Гжель закрыть, а здание использовать под культурные цели.

С предметами культа поступить согласно того же постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8.04.1929 г.

Настоящее решение объявить верующим, разъяснив им порядок обжалования в 2-х недельный срок в президиум Верховного Совета РСФСР через Московский областной совет.

Предложить Раменскому районному совету не производить закрытие храма впредь до получения особого извещения от Исполкома Мособлсовета о вступлении в силу настоящего решения»³⁶.

Разумеется, что ни о каком обжаловании верующими решения Исполкома речи быть не могло. Карательные мероприятия советской власти достигли на время своих результатов, голос последнего настоятеля храма священномученика Леонтия умолк, храм превратили в склад, и церковная жизнь прекратилась до 1998 г.

Глава 4

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ СЕЛА ГЖЕЛЬ

с 1998 по 2008 гг.

Настоятели и приход вновь открывшегося храма

До передачи Успенского храма села Гжель церковной общине в его стенах размещался филиал Люберецкого Учебно-производственного предприятия ВОС. Затем, в 1980-е гг., храм перешел к НПО «Синь России», которое использовало его как цех по производству нетканых материалов.

В 1994 г. поднялся вопрос о передаче здания Успенского храма верующим. Много усилий к тому, чтобы храм был возвращен верующим, приложила Зинаида Федоровна Ткаченко, которая впоследствии была избрана казначеем Успенской церкви. В феврале 1997 г. состоялось первое приходское собрание общины верующих Успенского храма под председательством благочинного храмов Раменского района протоиерея Владимира Бушуева. Председателем приходского совета была выбрана Е.В.Жигульская, казначеем — З.Ф.Ткаченко. В числе прихожан, вошедших в состав приходского собрания, были: М.Марулина, А.Урусова, Н.Рахова, Л.Бодаткова, В.Забирускин и др.

2 июня 1997 г. приход храма Успения Божией матери села Гжель был воссоздан по благословению Высокопреосвященнейшего митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия³⁷. Настоятелем храма был назначен священник Петр Пчельников.

Петр Юрьевич Пчельников родился 21 февраля 1972 г. в городе Раменское Московской области. В 1994 г. окончил геологический факультет Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова по кафедре кристаллографии и кристаллохимии. 12 октября 1997 г. в Москве рукоположен во диакона. 2 ноября 1997 г. состоялась его иерейская хиротония. 3 ноября того же года митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием священник Петр Пчельников был назначен настоятелем Успенской церкви села Гжель. В 1999 г. отец Петр награжден набедренником, в 2001 г. — камилавкой. 30 июля 2002 г. назначен настоятелем церкви преподобных Кирилла и Марии села Донино по совместительству. В 2005 г. священник Петр Пчельников награжден наперсным крестом³⁸. 10 июля 2006 г. назначен в штат Петро-Павловской церкви поселка Ильинское Раменского района Московской области³⁹.

В феврале 1998 г. состоялось первое богослужение во вновь открывшейся Успенской церкви. В первое время храм был неустроен, но, несмотря на это, настоятель и прихожане прикладывали все силы к тому, чтобы церковная жизнь после многолетнего религиозного вакуума возродилась.

Отец Петр Пчельников периодически устраивал паломнические поездки по святым местам Московской, Рязанской, Владимирской и др. областей, старался привлечь молодежь к Церкви. За время его настоятельства алтарное послушание несли: В.Н.Кустов, В.М.Самохвалов, М.А.Межуев, В.В.Кузин, Ю.А.Князев, В.А.Федоров. На протяжении 8 лет регентом хора Успенского храма была Любовь Сапожникова.

Если в прошлые века о размерах прихода можно было судить по числу жителей того или иного населенного пункта, то, начиная с советского времени, это сделать невозможно. Даже в течение года число прихожан Успенского храма непостоянно. В летний период приход меняется, если не количественно, то качественно, так как местное население, уезжая в отпуска, временно перестает посещать храм, а жители Москвы, приезжая на дачи, восполняют число прихожан Успенской церкви. На Всенощных бдениях, совершаемых под воскресенье, число молящихся, как правило, невелико, а в сам воскресный день, в двенадцатые праздники и родительские субботы оно увеличивается. Причина тому — преклон-

Церковь Успения Божией Матери
села Гжель. Июнь 2005 г.

ный возраст большинства прихожан и отдаленность их места жительства от храма. Для людей среднего возраста одной из причин их отсутствия в храме является график работы, который не согласуется со временем совершения богослужений. В связи с этим приход Успенской церкви села Гжель можно обозначить лишь приблизительно — от 80 до 150 человек, из которых большую часть составляют женщины.

После перемещения отца Петра Пчельникова в Петро-Павловскую церковь поселка Ильинское 10 июля 2006 г., настоятелем храма Успения Божией Матери села Гжель и, по совместительству, настоятелем церкви преподобных Кирилла и Марии села Донино был назначен священник Сергей Жданович⁴⁰.

Сергей Андреевич Жданович родился 17 февраля 1972 г. в Кировограде. В 1989 г. получил среднее образование и работал электромонтером в Государственной инспекции электросвязи по Кировоградской области. В 1995 г. окончил Военный институт правительственной связи города Орла и получил назначение в воинскую часть, расположенную в ПГТ Удельная Раменского района Московской области. В 2000 г., по истечении срока контракта, уволен в запас Вооруженных сил РФ. С 2001 г. Сергей Андреевич Жданович работал инженером, а в свободное от работы время выполнял послушания в храме святых первоверховных апостолов Петра и Павла в поселке Ильинское⁴¹. 11 сентября 2005 г. Высокопреосвященнейшим митрополитом Ювением Сергей Жданович был рукоположен во диакона и назначен в штат Казанской церкви города Раменское Московской области⁴². В 2006 г. закончил МГОПУ им. М.А.Шолохова. 9 июля 2006 г. диакон Сергей Жданович хиротонисан во священника и назначен в Успенский храм села Гжель⁴³.

По инициативе отца Сергея и самых активных прихожан в 2007 г. при храме была открыта воскресная школа, в которой проводятся занятия по Закону Божию, церковнославянскому языку и художественно-прикладным дисциплинам. Ученики воскресной школы во время богослужений несут послушание в алтаре и храме. К Рождеству Христову и Пасхе дети готовят спектакли и выступления тематически связанные с празднуемым событием.

Не случайно настоятель Успенского храма отец Сергей Жданович является одним из членов Епархиального отдела по делам молодежи⁴⁴.

Восстановление утраченных святынь

По проекту архитектора К.В.Гриневского Успенский храм в селе Гжель имел в плане прямоугольную форму, с выступающей алтарной частью центрального

придела. Храм был выполнен с шестистолпной опорной системой. Трапезная и алтарь перекрыта парусными сводами, притвор — цилиндрическим сводом. Храм был однокупольным, с трехъярусной колокольней, высотой более 40 м, увенчанной главой. По обе стороны колокольни (с южной и северной сторон) пристроены две часовни, перекрытые сводами Монье. Цоколь и карниз храма выполнены из белого камня. Отделка фасадов решена в виде белокаменных пилястр и сандриков. Система отопления была калориферной с подпольными воздуховодами.

Святой источник в честь иконы Феодоровской Божией Матери.
Июнь 2005 г.

Ко времени передачи храма приходской общине в 1998 г., он представлял собой печальное зрелище: отсутствовал центральный барабан и глава над ним, два яруса колокольни были разобраны, с восточной части, вплотную примыкая к алтарю, пристроены производственные помещения, внутри храма вместо амвона выполнен пандус для технических целей.

Первыми из произведенных работ были работы по устройству отопления в трапезной и алтаре. В 1999 г. архитектор Д.А.Римша выполнил обмерные чертежи храма и колокольни, в 2000 г. — эскизный проект реставрации храма, а в 2002 г. — рабочие чертежи барабана, купола и креста. Кирпичная кладка барабана и его белокаменная отделка завершилась к середине 2002 г.

22 декабря 2002 г. состоялось освящение креста, который был установлен на главу, смонтированную в тот же день.

Летом 2004 года на источнике, расположенном неподалеку от храма, построена купальня и в день празднования Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня освящена в честь Феодоровской иконы Божией Матери.

В 2005 г. Д.А.Римша разработал проект иконостаса для главного и боковых приделов храма. Для изготовления иконостаса был выбран фарфор, как материал, традиционный для Гжели.

В 2006 г. восстановлены поврежденные и утраченные элементы фасада и цокольной части храма, проведены обследования фундаментов и грунтов, и составлено техническое заключение об их состоянии. Произведен демонтаж полов трапезной и алтаря, выполнена железобетонная монолитная плита и новые полы из керамической плитки. В ходе работ было обнаружено подвальное помещение, где ранее размещались печи для отопления храма. Одновременно с устройством полов была заново выполнена система отопления, проложенная в подпольных каналах. Восстановлены стены и свод подвального помещения. В 2007 г. завершен монтаж фарфорового иконостаса, начатый в конце 2006 г.

В первой половине 2008 г. выполнены и установлены престолы боковых приделов. В этом же году на них, впервые после закрытия храма, была совершена Божественная Литургия в дни празднования Казанской иконы Божией Матери и святителя Николая Чудотворца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенной работы можно сказать, что историю Успенского храма села Гжель с XVII в. до наших дней удалось восстановить.

1) По данным, имеющимся в книгах Патриаршего и Казенного приказов, дана краткая информация о священно- и церковнослужителях Успенского храма. До самого конца XVIII в. численность прихода неизвестна (приблизительные данные для XVII в. могут быть взяты по числу дворов в Гжельской волости). Указана церковно-административная принадлежность храма. Представлены основные изменения в архитектурно-конструктивных решениях храма.

2) По истории Успенского храма в Синодальный период о священнослужителях имеется более подробная информация, указаны духовное образование ставленников и прежние места служения уже рукоположенных священнослужителей. Даны краткие сведения о церковнослужителях и старостах храма. Выявлены изменения территориальной и церковно-административной принадлежности храма. Показана динамика роста прихода и его качественный состав. Представлены данные о воссоздании, реконструкции и новом строительстве храма. Более подробное описание истории храма связано с наличием широкого круга источников по описываемому периоду.

3) Советский период по большей части представлен архивными источниками. Биографии священнослужителей храма даны по их послужным спискам и протоколам допросов. Подробно описана деятельность на приходе священномученика Иоанна (Честнова) и протоиерея Александра Виноградова. О священниках, служивших в Успенском храме в период с 1931–1937 гг., вопрос до конца не изучен. Представлена опись изъятия церковных ценностей в 1922 г. Имеется информация о церковнослужителях и старостах храма. Дана краткая справка об административно-территориальном делении Московской губернии после ее упразднения в 1929 г. О количестве прихожан и времени демонтажа (разрушения) архитектурно-конструктивных элементов храма в годы Советской власти точных данных не имеется.

4) За период с 1998–2008 гг. даны сведения о настоятелях и приходе Успенского храма. Перечислены прихожане, исполнявшие алтарное послушание. Кратко описана деятельность воскресной школы. Представлены данные об утратах архитектурно-конструктивных элементов храма и реставрационных работах, производимых в нем.

5) Показано состояние приходского духовенства в различные периоды церковной истории.

На основе полученных в ходе работы данных можно сделать следующие выводы:

— В Успенском храме села Гжель, начиная с последней четверти XVII в. до второй четверти XX в., было 2 причта, что свидетельствует о многочисленности прихода.

— Успенский храм был единственным каменным храмом в Гжельской волости в начале XVIII в., а в Вохонской десятине он был в числе 17 каменных храмов из общего числа 77.

— Начиная с первой половины XVIII в. на примере причта Успенского храма прослеживается тенденция наследования церковных мест детьми священнослужителей.

— С 1751–1866 гг. приход храма увеличился в 2,5 раза и достиг 5096 человек. Для сравнения, приход церкви Архангела Михаила уездного города Бронницы составлял на середину XIX в. 2743 человека.

— Отношение церковной власти и, в частности, митрополита Филарета (Дроздова) к священнослужителям Успенского храма, совершившим проступки, было довольно строгим. В то же время Владыка проявил снисхождение к семье гжельского крестьянина, ушедшего в старообрядческий раскол.

— Во второй половине XIX – начале XX вв. в Успенском храме села Гжель служили выдающиеся личности, такие как священник Виталий Лебедев, впоследствии присоединивший из раскола 500 человек, и священник Николай Сперанский, который был награжден в 1889 г. саном протоиерея. До 1889 г. по всему Бронницкому уезду сан протоиерея имели только священнослужители города Бронницы и села Новлянское (позднее город Воскресенск. — *В.С.*).

— В советское время в Успенском храме села Гжель служили священник Иоанн Честнов и протоиерей Леонтий Гримальский, впоследствии причисленные к Собору новомучеников и исповедников Российских.

— 16 января 1940 г. Успенский храм был закрыт. В этот же день закрыли еще 8 храмов по Московской области. Из храмов близлежащих сел закрыта Покровская церковь в селе Карпово. Храмы в селах Речицы и Игнатьево в советское время не закрывались.

— Во вновь открывшемся храме наиболее значимыми событиями были: восстановление центральной главы трапезной храма и устройство уникального в своем роде фарфорового иконостаса.

Результаты данной работы могут быть использованы для составления церковной истории Бронницкого уезда и Московской епархии, а также для работы в области краеведения.

¹ Аверьянова М.Г. Край Раменский. Век XX: Очерки краеведа. М.: Энциклопедия сел и деревень. 1998. С. 91, 97.

² МЦВ. 1918. № 8. С. 2.

³ МЦВ. 1918. № 11. С. 2.

⁴ ЦИАМ, ф. 1371, оп. 1, д. 35, л. 1–15.

⁵ ЦИАМ, ф. 2303, оп. 1, д. 306, л. 3.

⁶ *Каишевров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство. М.: Издательство Крутицкого подворья. 2005. С. 222–238.

⁷ ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д. 305, л. 49.

⁸ *Аверьянова М.Г.* Край Раменский. Век XX: Очерки краеведа. М.: Энциклопедия сел и деревень. 1998. С. 115, 124.

⁹ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 2–4.

¹⁰ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 16–23.

¹¹ ГАРФ, ф. 10035, д. П-42124, л. 42.

¹² ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 20.

¹³ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 3–5.

¹⁴ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 8–9.

¹⁵ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 12–14.

¹⁶ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 6–7; 10–11; 23–24.

¹⁷ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 19–21.

¹⁸ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 16–18.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 35, 42.

²¹ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 42.

²² ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 36, 42.

²³ ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364, л. 52.

²⁴ ГАРФ, ф. 10035, д. П-42124, л. 1–42.

²⁵ ДКНБ по городу Алма-Ате и Алма-Атинской области, д. П-1839.

²⁶ В случае несовпадения дня празднования Собора новомучеников и исповедников Российских с воскресным днем, празднование совершается в ближайшее воскресенье после 25 января (7 февраля). — *Прим. авт.*

²⁷ ГАРФ, ф. 10035, д. П-22897, 1949 г., л. 58.

²⁸ ГАРФ, ф. 10035, д. П-22897, 1937 г., л. 20–26, 65.

²⁹ ГАРФ, ф. 10035, д. П-22897, 1949 г., л. 17–19.

³⁰ Там же. Л. 66.

³¹ ГАРФ, ф. 10035, д. П-22897, 1949 г., л. 58, 64.

³² ГАРФ, ф. 10035, д. П-22897, 1949 г., л. 49–50.

³³ Там же. Л. 130–135.

³⁴ ГАРФ, ф. 10035, д. П-78609.

³⁵ Журнал №81 заседания Священного Синода РПЦ от 26 декабря 2001 г.

³⁶ ЦГАМО, ф. 2157, оп. 1, д. 2014, л. 109.

³⁷ Гражданский Устав православного прихода храма Успения Божией Матери села Гжель.

³⁸ Интервью с бывшим настоятелем храма Успения Божией Матери села Гжель священником Петром Пчельниковым.

³⁹ МЕВ. 2006. №7–8. С. 42.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Интервью с настоятелем храма Успения Божией Матери села Гжель священником Сергием Ждановичем.

⁴² МЕВ. 2005. №9–10. С. 46.

⁴³ МЕВ. 2006. №7–8. С. 42.

⁴⁴ Интервью с настоятелем храма Успения Божией Матери села Гжель священником Сергием Ждановичем.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области.

ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы.

ДКНБ — Департамент Комитета национальной безопасности.

МЕВ — Московские епархиальные ведомости.

МЦВ — Московские церковные ведомости.

МЕВ (оф.) — официальное приложение к Московским епархиальным ведомостям.

МЕВ (приб.) — официальное прибавление к Московским епархиальным ведомостям.

МЦВ (оф.) — официальное приложение к Московским церковным ведомостям.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

Неопубликованные

1. ГАРФ, ф. 10035, д. П-22897, 1937 г.
2. ГАРФ, ф. 10035, д. П-22897, 1949 г.
3. ГАРФ, ф. 10035, д. П-42124.
4. ГАРФ, ф. 10035, д. П-49364.
5. ГАРФ, ф. 10035, д. П-78609.
6. Гражданский Устав православного прихода храма Успения Божией Матери села Гжель.
7. ДКНБ по городу Алма-Ате и Алма-Атинской области, д. П-1839.
8. Интервью с бывшим настоятелем храма Успения Божией Матери села Гжель священником Петром Пчельниковым.
9. Интервью с настоятелем храма Успения Божией Матери села Гжель священником Сергием Ждановичем.
10. ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д. 305.
11. ЦГАМО, ф. 2157, оп. 1, д. 2014.
12. ЦИАМ, ф. 203, оп. 753, д. 662.
13. ЦИАМ, ф. 203, оп. 758, д. 201.
14. ЦИАМ, ф. 203, оп. 758, д. 299.
15. ЦИАМ, ф. 203, оп. 761, д. 715.

Труды Коломенской Духовной семинарии

16. ЦИАМ, ф. 203, оп. 744, д. 1811, ч. 3.
17. ЦИАМ, ф. 203, оп. 744, д. 1811, ч. 2–3.
18. ЦИАМ, ф. 203, оп. 744, д. 1813, ч. 10.
19. ЦИАМ, ф. 203, оп. 215, д. 6.
20. ЦИАМ, ф. 203, оп. 762, д. 226.
21. ЦИАМ, ф. 203, оп. 650, д. 44 – утрачено.
22. ЦИАМ, ф. 454, оп. 3, д. 66, ч. 1, №373, С.Ф.
23. ЦИАМ, ф. 608, оп. 2, д. 595.
24. ЦИАМ, ф. 1371, оп. 1, д. 30.
25. ЦИАМ, ф. 1371, оп. 1, д. 35.
26. ЦИАМ, ф. 2303, оп. 1, д. 306.

Опубликованные

Книги

1. Краткие сведения о всех церквях Московской епархии / Сост. Благовещенский И.А., прот. М., 1874. 126 с.
2. Памятная книжка Московской губернии на 1900 г. / Под ред. помощника правителя канцелярии московского губернатора А.В.Аврорина. М., 1900. 80 с.
3. Полное собрание резолюций митрополита Московского и Коломенского Филарета / Под ред. протопресвитера Московского Большого Успенского собора В.С.Маркова: В 5 т. М. Т. 2. Вып. 3. 1904. 288 с.
4. Полное собрание резолюций митрополита Московского и Коломенского Филарета / Под ред. протопресвитера Московского Большого Успенского собора В.С.Маркова: В 5 т. М. Т. 4. 1914. 263 с.
5. *Скворцов Н.А., прот.* Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. Вып. 1. М., Синодальная типография. 1911. 394 с.
6. *Шрамченко А.П.* Справочная книжка Московской губернии. М., 1890 г. 420 с.

Церковная пресса

1. МЕВ. 1869. №26.
2. МЕВ. 1873. №51.
3. МЕВ. 2005. №9–10.
4. МЕВ. 2006. №7–8.
5. МЕВ (оф.). 1876. №21.
6. МЕВ (приб.). 1875. №13.
7. МЦВ. 1882. №4.
8. МЦВ. 1886. №2.
9. МЦВ. 1888. №51.
10. МЦВ. 892. №27.
11. МЦВ. 1901. №43.
12. МЦВ. 1902. №34.
13. МЦВ. 1918. №8.
14. МЦВ. 1918. №11.
15. МЦВ (оф.). 1880. №15.

16. МЦВ (оф.). 1880. №25.
17. МЦВ (оф.). 1884. №10.
18. МЦВ (оф.). 1884. №13.
19. МЦВ (оф.). 1888. №5.
20. МЦВ (оф.). 1889. №12.
21. МЦВ (оф.). 1890. №23.
22. МЦВ (оф.). 1891. №12.
23. МЦВ (оф.). 1892. №22.
24. МЦВ (оф.). 1892. №34.
25. МЦВ (оф.). 1892. №38.
26. МЦВ (оф.). 1896. №5.
27. МЦВ (оф.). 1897. №13.
28. МЦВ (оф.). 1897. №19.
29. МЦВ (оф.). 1900. №19.
30. МЦВ (оф.). 1902. №37.
31. МЦВ (оф.). 1906. №21.
32. МЦВ (оф.). 1908. №39.
33. МЦВ (оф.). 1911. №17.
34. МЦВ (оф.). 1912. №19.
35. МЦВ (оф.). 1912. №26.
36. МЦВ (оф.). 1912. №36–37.
37. МЦВ (оф.). 1915. №6.
38. МЦВ (оф.). 1915. №35–36.
39. МЦВ (оф.). 1916. №37–38.

Литература:

1. *Аверьянова М.Г.* Край Раменский. Век XX: Очерки краеведа. М.: Энциклопедия сел и деревень, 1998. 575 с.
2. *Аверьянова М.Г.* Край Раменский: Очерки краеведа (серия «Энциклопедия сел и деревень Подмосковья»). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 520 с.
3. *Боголюбский М.С., прот.* Историко-географический очерк пределов Московской епархии. М.: Типография А. И. Снегиревой. 1894. 37 с.
4. *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань.: Университетская типография. 1873. 850 с.
5. *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство. М.: Издательство Крутицкого подворья. 2005. 438 с.
6. *Логинов В., Скальский Ю.* И ваши дни благословенны... / Из истории российской керамики. М.: «Алгоритм», 2001. 336 с.
7. *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. М., 1996. Кн. 6: Период самостоятельности русской церкви (1589–1881); Патриаршество в России (1589–1720). 800 с.
8. Памятники Отечества. 1993. №31.

Труды Коломенской Духовной семинарии

9. *Пэнэжко Олег, прот.* Бронницкий уезд. Храмы Раменского района. Владимир. 2004. 160 с.
10. *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1: 1700–1917. 800 с.
11. *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках / Отв. ред. Б.Н.Флоря. М.: Издательство «Индрик», 2002. 352 с.
12. *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII вв. Вып. 6. Вохонская десятина. М., 1888. 169 с.

Справочные издания:

1. Полный церковнославянский словарь / Дьяченко Григорий, прот. М.: «Отчий дом», 2001. 1120 с.
2. Словарь русского языка / Ожегов С.И. М.: Русский язык, 1988. 750 с.
3. Центральные архивы Москвы. Путеводитель по фондам. Вып. 5. М., Мосгорархив. 1999. Электронная публикация: Главархив Москвы, 2007. Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/>
4. Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. (Электронный ресурс.) Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>

Протоиерей Михаил Щенетков

ЗАКРЫТИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ХРАМОВ в XIX – начале XX века

Современный человек, когда слышит о закрытии или разрушении церкви, то, как правило, представляет время советской эпохи. Но безбожной вакханалии по разрушению храмов в 1930–1960-х гг. предшествовало время, когда по разным причинам тихо закрывались и разрушались Божьи храмы. Происходило это в XIX – начале XX столетия в православной Российской империи.

Весь XIX век продолжался процесс уменьшения количества приходов на всей территории Российской империи. Причина была объявлена благая — улучшение содержания причта. Церковная пресса того времени прямо говорила, что «главная причина обеднения духовного сословия в его многочисленности и раздробленности приходов»¹. Перед властями стала задача, каким образом улучшить положение духовного сословия. Для этого было избрано два пути: уменьшение количества приходов и причта и организация выплат пенсий, пособий и жалований бедному духовенству. Кроме того, начиная с 1869 г., детям причта, не желающим идти по духовной стезе, разрешили поступать на службу в гражданское ведомство. Безусловно, лучшие люди Российского государства, во главе с императорами, желали, чтобы духовное сословие занимало в государстве подобающее им место. Все прекрасно знали, в каком беднейшем положении находилось тогда духовенство, особенно в сельских храмах. «Бедность положила на них свою тяжелую печать, — писали в 1869 г. «Московские епархиальные ведомости», — строение, одежда, пища — все это свидетельствует об их всегдашних нуждах, а постоянная нужда есть пресс, под которым немудрено измается... под которым и у сильных натур заглушаются все благородные стремления, чувствования и желания»².

Авторы Московских ведомостей в это время часто поднимали тему бедных приходов и порой не без сарказма говорили о том, что у них нет будущего. Интересна выдержка из передовицы №33 1870 г. «В прежние времена, — писал неизвестный автор, — большая часть детей духовного звания, если не все, по окончании семинарского курса замещали собой все священно-церковнослужительные места, при церквях как бедных, так и богатых. Деваться было некуда, выход из духовного звания был большей частью затруднительный и зависел всецело от согласия и воли Епархиального начальства. Епархиальному начальству при тогдашнем положении нечего было опасаться, что бедный, малолюдный приход останется без пастыря, кому не известно, что в то время даже на самые бедные священнические вакансии являлось несколько конкурентов и кандидатов. Теперь же с расширением прав детей духовного звания и права для всякой

государственной службы, замещение бедных, малообеспеченных священнических мест становится очень сомнительным. Кто пойдет из них к бедному приходу, если впереди представляется лучшая, более широкая дорога? Скажут: вот тут-то и видно будет призвание, и неоспоримо окажется самоотвержение. Положим так; но людей с истинным призванием, для которых возможно и самоотвержение, всегда бывает не много. А потому всего естественнее ожидать, что при таких условиях бедные, малолюдные приходы останутся без пастырей, и тогда поневоле сами собой должны быть приписаны к другим самостоятельным приходам»³.

В 1869 г. Присутствие по делам православного духовенства⁴ занялось вопросом об улучшении положения причта. 16 апреля было издано его первое постановление. В основном оно касалось пересмотра состава причта и приходов. Реформы эти затронули практически всю территорию России. Везде продолжился процесс укрупнения приходов, повлекший за собой перевод ряда церквей в разряд приписных. Здесь следует заметить, что Присутствие не предложило ничего нового, постановление это лишь законодательно озвучивало систему приписки мелких приходов, сформировавшуюся с конца XVIII в. Присутствие опубликовало некоторое правило относительно приписных храмов: «Если в каком-либо селении, по малолюдству прихода или по другим причинам, не представлялось нужды в самостоятельной церкви, но прихожане назначают достойные средства к содержанию причта этой церкви, в таких случаях подобные церкви не будут приписываемые к другим; под этим же условием впоследствии могут быть восстановлены в самостоятельные церкви и такие из них, которые, при общем расписании, предназначены были к приписке»⁵. Как видно из документа, статус храма зависел от желания прихожан содержать его. Кроме того, власти при этом декларировали, что «приписка церкви, если она со временем совершится, никак не поведет за собой закрытие таких церквей в смысле упразднения, и здания и утварь их останется по-прежнему — не будет только при них особого причта»⁶. Но как видно было из практики, как правило, приписные церкви не особо удостоивались внимания настоятелей, они постепенно разрушались и закрывались окончательно, уже под снос.

Безусловно, были случаи, когда настоятели следили за приписными церквями, и по возможности ремонтировали их, но это было довольно редко, порой не хватало средств на поддержания главного храма в более-менее нормальном состоянии, не говоря о приписном. Примеры добросовестного отношения к приписным церквям немногочисленны, но они есть. Ярким примером служит история Никольской церкви села Еганова Коломенского уезда. Этот храм еще в начале XIX в. был приписан к соседнему Покровскому храму села Авдулово. В 1834 г. в ревизских сказках о церкви было написано: «По ветхости оной Никольской церкви и малоприходством по снятию антимиаса священнослужения не производится»⁷. В селе тогда находилось всего 11 дворов, где проживало 49 лиц мужского пола и 60 — женского. Вероятно, церковь со временем развалилась бы, но тщанием ее настоятеля — священника Александра Соловьева — был произведен серьезный ремонт. Деятельный священник, отремонтировав

главный храм — Покрова села Авдулова, не забыл и о приписном. «Храм дошел до крайне неприглядного вида, — писал в 1894 г. благочинный священник Иоанн Постников, — камни местами выпали, решетки едва держались, кресты были ветхи, крыша давала течь. Два иконостаса были близки к разрушению, и все это священник Соловьев исправил. В 1893 г. построил новую ограду»⁸. В 1892 г. к церкви была пристроена деревянная колокольня.

Другим примером служит история Преображенского храма села Заворино. По преданию, храм этот был построен на месте расставания преподобного Сергия Радонежского с князем Димитрием Донским. Там был основан Спасо-Преображенский Заворинский монастырь. В 1762 г. при архимандрите Вонифафии был возобновлен и отремонтирован. Во время правления Екатерины II монастырь был закрыт, а храм обращен в приходскую церковь. В 1802 г. он был приписан к Крестовоздвиженской церкви соседнего села Марьянка Бронницкого уезда, но вплоть до 1837 г. он «по ветхости был запечатан». В 1837 г. был несколько отремонтирован, в нем стали служить несколько раз в году: на Преображение и вечерни накануне Родительских суббот (рядом с храмом находилось кладбище). К 1890 г. церковь сильно обветшала, накренилась набок и грозила падением, поэтому службы в ней прекратились. По всей видимости, церковь была бы разобрана, если бы не усилия настоятеля церкви села Марьянка священника Николая Боголепова. В 1894 г. усилиями батюшки храм был поправлен, покрыт железом, стены были обшиты тесом и выкрашены краской. К сожалению, этот памятник не сохранился до нашего времени. В советский период он был закрыт и разобран.

Далее попытаемся дать системы приписки храмов, расположенных на территории современного Ступинского района. Ступинский район как административное образование возник в конце 1950-х гг., в XIX столетии на его территории располагались земли Коломенского, Серпуховского и Бронницкого уездов. В начале XIX в. там действовало 78 церквей, в начале XX в. действующих самостоятельных приходов осталось 58. В конце 1990-х гг. храмов осталось 44. Таким образом, за время XIX в. 20 церквей было переведено в разряд приписных храмов, из которых к 1917 г. сохранилось только 5. Остальные были разобраны, а на их месте в лучшем случае были сооружены часовни. За период Советской власти было уничтожено более 14 церквей.

1. Одной из причин закрытия церквей было перенесение села в другое, более благоприятное место. Примером может служить закрытие древней деревянной церкви святой Екатерины в селе Коньево Коломенского уезда. Село прекратило свое существование, после этого была закрыта и церковь. В память этого храма в Успенской церкви села Малино был устроен придел в честь мученицы Екатерины. В 1830 г. Екатерининская церковь была приписана к Малинской церкви. Причт храма: священник Прохор Петров — умер в 1831 г., дьячок Петр Антонов — умер в 1830 г., пономарь Антоний Иванов — умер в 1824 г.⁹. Вместе с причтом умерла и древняя церковь. К середине XIX в. она пришла в упадок и была разобрана.

2. Для укрупнения приходов старые церкви на небольших приходах были переведены в разряд приписных. Так, Ильинская церковь села Малое Алексеевское была приписана к Успенской церкви села Большое Алексеевское, Покровская церковь села Реброво к Успенской села Алешково, Преображенская села Заворино к Крестовоздвиженской села Марьянка, Воскресенская церковь села Дубочки и Никольская церковь села Авдотьино были приписаны к Князе-Владимирской церкви села Семеновское, Богородицерождественская погоста Кременье и Казанская села Батайки приписаны к Андреевской церкви села Суково, Архистратига Михаила села Лобково, Иоанна Богослова села Коледино и Воскресенская церковь села Жары были приписаны к Покровской церкви села Чиркино, Христорождественская села Кунавино приписана к Покровской села Марьянское, Воскресенская села Татариново к Сергиевской села Рудины, Николаевская церковь села Николо-Тители к Воскресенской села Васильевское. На начало XX в. из них сохранились церкви в селах Малое Алексеевское, Кременье, Батайки, Заворино и Татариново. Остальные были разобраны, на месте некоторых были возведены часовни или поклонные часовенные столбы.

3. Вместо нескольких церквей в одном приходе строилась одна вместительная каменная. Ветхие деревянные были разобраны. Например, в селе Хатунь в конце XVIII в. существовало три церкви: Воскресенская, Рождества Богородицы и Святителя Николая Чудотворца. Все церкви были деревянные и требовали постоянного ремонта и внимания. В 1784 г. владелец села граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский обратился к митрополиту Московскому Платону с просьбой о благословении на строительство нового храма. Граф предлагал вместо трех деревянных построить одну вместительную каменную в честь Воскресения Христова с приделом Рождества Богородицы. Ветхие деревянные церкви предлагалось впоследствии разобрать. Сохранилась (до середины XX в.) церковь Рождества Богородицы, находившаяся на погосте. Остальные были разобраны.

4. На некоторых приходах существовали по две церкви вплоть до Советского периода. Например: Бортниково (каменная и деревянная, обе Преображенские), Верховляны (также каменная и деревянная — Рождества Богородицы), Семеновское (Князе-Владимирская и Успенская), Хатунь (Воскресенская и Рождества Богородицы), Голочелово (Троицкая и Никольская). Естественно, одна из церквей была приходская, другая приписная.

Как было сказано выше, главной причиной лишения храмов приходского статуса было, прежде всего, нежелание властей содержать эти приходы. Храмы, построенные в XVII–XVIII вв., постепенно ветшали и требовали ремонта, а отремонтировать их порой не было возможности ни у причта, ни у местных крестьян. В таком состоянии они полностью зависели от местных помещиков и от их щедрости и любви к Церкви. Но подчас землевладельцы не обращали внимания на то, как церкви постепенно приходят в упадок. Примером такого отношения служит приход Покровской церкви села Чиркино. В XIX в. к этой церкви было приписано три храма: Архистратига Михаила села Лобково в 1803 г.,

Апостола Иоанна Богослова села Коледино в 1831 г. и Воскресенская церковь сельца Жары, последняя в 1834 г. сгорела¹⁰. Первые же две разрушились сами собой.

Ведомости о церкви за 1849 г. среди приписных указывают только храм в селе Коледино — вероятно, церковь села Лобкова к тому времени уже была разобрана. В описании храм представлен в следующем виде: «Зданием каменная, ветхая, а именно, в алтаре и трапезе все железные связи разорвались и имеются большие седины, крыша ветхая, во время дождя течет. Упразднена в 1831 г. Антиминс представлен в Чудовскую ризницу. После приписки утварь и колокола перенесены в Чиркинскую церковь»¹¹. Из этого описания видно, что церковь, несмотря на то, что была каменной, представляла собой ветхое строение, средств на ремонт не было, и храм постепенно разрушился. В конце XIX в. он уже не упоминался. Здесь необходимо заметить следующее: несмотря на то, что церковь разрушалась, церковная земля принадлежала причту, который, как правило, сдавал ее в аренду местным крестьянам или помещикам.

Безусловно, закрытие и разрушение церковью отрицательно сказывалась на отношении крестьян к духовенству. Священников, часто небезосновательно, обвиняли в корыстолюбии, желании увеличить свои доходы за счет увеличения прихода. Примером служит попытка приписать бедную Сергиевскую церковь села Проскурниково Серпуховского уезда в 1818 г. Священник соседней Казанской церкви села Богородское-Кишкино Кондратий Алексеев обратился к Преосвященнейшему Серафиму, митрополиту Московскому и Коломенскому, со следующим прошением: «При означенной Казанской церкви приходу находится только 65 дворов, земля, хоть и узаконенное количество, но оныя, по местоположению и грунту, к плодородию не угодна, а посему имею весьма недостаточное содержание. Но как раз расстоянием в двух верстах с половиною от Казанской церкви нашей в селе Проскурниково... по ветхости своей к священнослужению не способна, ибо кровля и стены поросли мохом и во многих местах повредились от гнилости, от чего во время дождя бывают течи. Пол зыблется при хождении и Св. Престол колеблется, окна перекошились, колокольня до половины снесена ветром, утварь бедная, священника с сентября 1818 г. при оной не имеется, а в приходе села Проскурниково вместе с деревнями Леньково и Привалово находятся 55 дворов; в нашем же Богородском вышеозначенная Казанская церковь каменная, хорошей архитектуры и внутри отличного благолепия... Посему Всепокорнейшее прошу означенную села Проскурниково, с деревнями Леньково и Привалово повелеть приписать в приход оной Казанской церкви и о сем учинить милостивейшее архипастырское решение»¹². Со священником согласился местный благочинный. Он также написал письмо, которое слово в слово повторяло письмо священника Кондратия. Вскоре о желании Кишкинского священника приписать Проскурниковскую церковь стало известно крестьянам Сергиевского прихода, которые в свою очередь не желали расставаться со своим храмом. Они также обратились с прошением к митрополиту Серафиму, в котором, в частности, было сказано: «Означенной Сергиевской церкви состоит деревянного здания в твердости... (но), на которую желательно нам вместо деревянной покрыть

вновь железом крышу для лучшей прочности. Паперть при оной поправить, а на колокольне вместо сорвавшегося во время бури купола сделать новый своим иждивением, не касаясь свечной церковной суммы». Кроме того, крестьяне подписались «помогать священнику с причтом сверх указной пропорции церковной земли по сто рублей каждый год»¹³. Благочинный передал просьбу крестьян в Московскую Духовную консисторию. Рассмотрев дело и ссылаясь на то, что крестьяне желают отремонтировать храм, а также готовы выплачивать ругу причту в количестве ста рублей, в консистории священнику Кишкинской церкви отказали. Таким образом, в приходе Сергиевской церкви водворился мир и спокойствие. Крестьяне отремонтировали храм, и приход зажил нормальной жизнью. Второй раз попытку приписать Сергиевский приход предприняла помещица села Марьинское Екатерина Ильина в 1864 г. Но ей также было отказано.

Но подобные случаи были довольно редкими, в основном все вопросы о приписке решались келейно, и прихожан никто не спрашивал. Все это служило благодатной почвой для усиления старообрядческого раскола и всевозможных суеверий. Народ видел, как храмы, в которых молились их деды и прадеды, переводились в разряд приписных и постепенно разрушались от недостаточного внимания. Большим неудобством для народа было добираться в приходской храм для совершения крестин, венчаний или отпеваний. Храм часто находился в нескольких верстах от родной деревни, а новорожденные и покойники не выбирают благоприятной погоды. Все это явилось одной из причин упадка православной веры на селе.

¹ МЕВ. 1869. №49. С. 2.

² Там же. №28. С. 11.

³ Там же. 1870. №33. Л. 1–2.

⁴ Существовало с 1862 по 1885 гг.

⁵ Там же. №45., С. 3.

⁶ Там же.

⁷ ЦИАМ. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 5. Л. 214.

⁸ Там же. Ф. 203. Оп. 763. Д. 363.

⁹ Там же. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 5. Л. 374.

¹⁰ Там же. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 5. Л. 470.

¹¹ Там же. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2338. Л. 202.

¹² Там же. Ф. 203. Оп. 752. Д. 7736.

¹³ Там же.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

МЕВ — Московские епархиальные ведомости.

ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы.

Священник Александр Ионов

КОМИССИЯ ПО ОПИСАНИЮ
АРХИВА СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА (1865–1923 гг.):
основные научные и практические результаты работы
к 1917 г. и деятельность в 1917–1923 гг.

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к истории архивов Русской Православной Церкви (далее — РПЦ), на наш взгляд, важно по двум причинам. Во-первых, документы этих архивов составляют значительную часть источниковой базы исследований по истории РПЦ, и церковно-исторической науке необходимо знать специфику этой источниковой базы, степень ее сохранности, особенности формирования, характер лакун в ней, связанных, в первую очередь, с утратами документов уже на стадии их архивного хранения, и т. п. Судьба церковных архивов, как и вообще архивов в России, была непростой. Изучение этих вопросов важно в контексте источниковедения истории Русской Православной Церкви, которое в последние годы вернулось в круг церковно-научных дисциплин и продолжило свое ранее прерванное развитие.

Во-вторых, изучение истории церковных архивов важно для решения практических задач современного бытия Русской Церкви, т. к. в процессе ее разнообразной и разносторонней деятельности последних лет образуется все больше документов, что ставит не только задачу их архивирования для оперативного справочного использования в текущей деятельности, но и проблему отбора наиболее ценных материалов для постоянного архивного хранения. Эти документы в последующем могут послужить источниковой базой для исследований по истории Русской Церкви настоящего периода. Решение этой проблемы невозможно без обращения к теоретическим и практическим наработкам в области церковных архивов до начала эпохи гонений на Церковь, когда уровень полнокровности и разносторонности деятельности церковной организации был сопоставим с сегодняшним.

Именно поэтому в качестве **объекта** настоящего исследования нами выбраны архивы Русской Православной Церкви рубежа XIX–XX вв., а в качестве **предмета** — деятельность Комиссии по описанию Архива Святейшего Синода, которая в начале XX в., помимо своих первоочередных функций (отраженных в ее названии), играла для Синода роль научно-методического консультативного органа по вопросам архивов и памятников древности вообще. После 1917 г. Комиссия еще несколько лет (по крайней мере, до 1923 г., что подтверждается документально) продолжала свою работу, можно сказать, в экстраординарных усло-

виях, став фактически координирующим центром в деле сохранения (спасения и концентрации) архивных фондов церковных учреждений не только в столицах (Петрограде и Москве), но и, отчасти, на периферии. **Хронологические рамки** данной работы охватывают конец XIX в. — 1923 г. **Географические же рамки** работы, за незначительными исключениями, ограничены Петроградом, местом расположения Архива Святейшего Синода, и Москвой, где работал Поместный Собор и новые органы Высшего церковного управления (далее — ВЦУ).

Цель настоящей работы состоит в выявлении вклада Комиссии в: 1) Сохранение и, отчасти, формирование источниковой базы по истории РПЦ синодального периода и первых послереволюционных лет; 2) Теорию и практику архивного дела и архивоведение.

Для реализации поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1) Охарактеризовать уровень практических и научно-теоретических достижений Комиссии к моменту революции 1917 г., для чего будет дан очерк истории и трудов Комиссии в дореволюционный период.

2) Рассмотреть попытки самоопределения Комиссии в революционных условиях 1917–1918 гг.: участие Комиссии в разработке вопроса о церковных древностях на Поместном Соборе 1917–1918 гг., а также ее роль в подготовке архивной реформы в 1917–1918 гг. по созданию впервые в России особого архивного ведомства, в сферу которого вошли и церковные архивы.

3) Рассмотреть деятельность Комиссии в 1918–1923 гг., в первую очередь, в отношении сохранения и концентрации архивного наследия Русской Церкви. Попутно будет рассмотрен вклад Комиссии в разработку теоретических и методических вопросов советского архивного дела и архивоведения этих лет.

Специфика деятельности Комиссии заставляет нас рассматривать ее историю сразу в двух плоскостях: в контексте истории Русской Церкви и в контексте истории и организации архивного дела тех лет.

При подготовке работы нами использовались как опубликованные, так и неопубликованные **источники**. И те и другие можно разделить на две группы: а) церковно-исторические; б) по истории и организации архивного дела в России. Среди церковно-исторических источников львиную долю занимают источники, связанные с центральным церковно-историческим событием тех лет — Поместным Собором РПЦ 1917–1918 гг. Это изданные постановления Собора¹, а также делопроизводственные материалы VII соборного отдела, в котором рассматривался вопрос о церковных древностях (в т. ч. архивах). Также были использованы материалы публикации «Следственного дела патриарха Тихона»² и документы из архивного фонда С.Г.Рункевича³, которые позволяют реконструировать деятельность представителей ВЦУ в отношении церковных архивов в послесоборный период.

Источники по истории и организации архивного дела в России представлены нормативными и нормативно-методическими документами, касающимися архивов⁴ и, более широко, памятников древности⁵, а также делопроизводственными материалами архивных учреждений, в основном послереволюционных лет. Были использованы документы фонда Главного управления архивным

делом (Главархива) РСФСР⁶, архива Российского государственного исторического архива⁷ (в этом фонде отложились делопроизводства Петроградских архивов, которые вошли в состав Центрального (ныне — Российского) государственного исторического архива) и фонда Канцелярии Архива и Библиотеки Св. Синода⁸.

Наиболее важными для настоящей работы явились документы последнего фонда, а именно протоколы заседаний Комиссии и сопроводительные документы к ним (переписка, проекты решений и т. п.). В фонде они отложились за весь период существования Комиссии, однако в основном нами были изучены материалы, относящиеся к последним годам деятельности Комиссии, т. е. с 1917 по 1923 гг., когда ее делопроизводство обрывается. Однако, благодаря тому, что в каждом протоколе имеется номер заседания (сквозная нумерация с 1865 г.), мы можем быть уверены в том, что за интересующие нас годы сохранились все протоколы Комиссии.

Переходя к **обзору историографии**, следует отметить малочисленность специальных исследований по истории церковных архивов в России. В основном это работы, написанные на местном материале и посвященные деятельности историков и архивистов по сохранению церковных архивов в провинции⁹. Из специальных изданий по истории Комиссии следует отметить дореволюционный очерк ее трудов по 1915 г. (к 50-летию юбилею)¹⁰. Его, как и работы последнего начальника Синодального архива К.Я.Здравомыслова¹¹, мы использовали при составлении краткого обзора деятельности Комиссии и ее теоретических и практических работ к 1917 г.

Что же касается послереволюционного периода, то он лишь затрагивается в немногочисленных современных работах. В первую очередь, это монография магистра богословия Минской духовной академии Г.Э.Щеглова о видном церковном деятеле конца XIX — первой четверти XX вв. С.Г.Рункевиче¹². Отдельные параграфы данной монографии рассматривают участие Рункевича в работе VII соборного отдела по вопросу о церковных древностях, а также его деятельность по спасению церковных архивов в послереволюционные годы. Следует отметить, что названные разделы были написаны, в значительной степени, с использованием материалов нашей неопубликованной работы (соответствующие ссылки на нее в монографии Щеглова имеются). Поэтому при написании текста настоящей работы мы ссылались прямо на источники, минуя данную монографию. Кроме того, в соавторстве с Г.Э.Щегловым нами была опубликована статья о деятельности Делегации Высшего церковного управления в отношении церковных архивов¹³, содержание которой также в целом вошло в монографию Щеглова. Кроме того, имеются еще некоторые статьи Щеглова и автора настоящей работы, в которых затрагивается деятельность Комиссии¹⁴.

При написании настоящей работы мы не могли пройти мимо трудов по истории РПЦ рассматриваемого периода, в основном касающиеся работы Поместного Собора 1917–1918 гг. и предсоборных лет¹⁵. Хотя деятельность Комиссии в них не затрагивается, тем не менее они, безусловно, важны для понимания исторического контекста событий.

Современная историография истории российских архивов представлена исследованиями таких видных историков-архивистов, как В.Н.Автократов, Т.И.Хорхордина и др.¹⁶ В них затрагивается и в целом весьма благожелательно характеризуется участие некоторых членов Комиссии, в первую очередь К.Я.Здравомыслова, в подготовке и проведении архивной реформы 1918 г., дискуссиях по вопросам теории и практики архивного дела. Хотя деятельность самой Комиссии в данных работах не затрагивается, тем не менее без них невозможно понимание трудов Комиссии тех лет.

Настоящее исследование проведено на современной научной **методологической основе**: изучаемый объект рассмотрен в системных и функционально-структурных взаимосвязях с применением общенаучных, исторических и специальных методов и подходов — системно-функционального, источниковедческого, архивоведческого, информационного, статистического и других.

Структура данной работы напрямую проистекает из поставленных выше задач. Так, трем задачам соответствуют три главы исследования. В первой главе дается очерк истории Комиссии, ее теоретических и практических достижений и итогов издательской деятельности к 1917 г. (параграфы 1.1.–1.3), параграф 1.4. данной главы посвящен рассмотрению трудов Комиссии по разработке документа о централизации охраны церковных архивов и других церковных древностей в нач. XX в. Вторая глава посвящена рубежному этапу истории Комиссии — с момента февральской революции 1917 г. до вхождения Синодального Архива в состав единого Государственного архивного фонда РСФСР в июне 1918 г. (первый параграф посвящен событиям, происходившим в Петрограде, второй — на Поместном Соборе в Москве). Последняя (третья) глава также состоит из двух параграфов, первый из которых посвящен трудам членов Комиссии в 1918–1923 гг. в Петрограде, а второй — деятельности члена Комиссии С.Г.Рункевича в те же годы в Москве. В конце работы имеется заключение, список источников и литературы и список сокращений.

Глава 1

КОМИССИЯ ПО ОПИСАНИЮ АРХИВА СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА в 1865–1917 гг.

Архив Святейшего Синода в середине XIX – начале XX вв. Учреждение Комиссии

Архивоведческая школа, сложившаяся в Архиве Св. Синода к 1917–1918 гг., была достаточно заметным явлением на небосклоне «российской науки об архивах» того времени. Это видно хотя бы из того, что начальник Архива Синода, видный историк русской иерархии К.Я.Здравомыслов, входил в замечательную плеяду российских ученых и архивистов, стоявших у истоков Союза Российских архивных деятелей (РАД) и архивной реформы 1918 г. «Вместе с кн. Н.В.Голицыным по поручению совета Союза РАД [он] разработал один из

первых проектов закона об архивной реформе и положения об управлении архивным делом»¹⁷. Издания Архива Св. Синода, а это более 50 томов архивных описаний и публикаций документов, имелись во всех крупнейших библиотеках России: в фонде Канцелярии Синодального Архива отложилась обширная подборка писем многих научных и образовательных учреждений России с просьбами о высылке печатной продукции Архива¹⁸.

Однако всего примерно за полвека до этого, в середине 1860-х гг., ситуация была прямо противоположной: обер-прокуроры Св. Синода, в ведении которых находилась Синодальная Канцелярия, на протяжении почти полутора веков существования «церковного правительства» тщетно бились над правильной постановкой его архива, который было «даже нельзя назвать архивом, а — складом и даже свалкою документов, значительная часть которых была утрачена»¹⁹. Основная причина тщетности этих мер заключалась в том, что упорядочение архива всякий раз пытались совершить силами чиновников синодального ведомства²⁰.

Реорганизация государственного аппарата в ходе реформ 1860–1870-х гг. поставила вопрос о судьбе документов упраздненных и преобразованных учреждений. «Такое интенсивное комплектование впервые в истории отечественного архивного дела проходило в период, когда было разрешено уничтожать архивные источники. Поэтому ведомствами оперативно продолжались разрабатываться правила «О порядке разбора и уничтожения решенных дел». Министерство государственных имуществ издало их в 1862 г., Министерство финансов — в 1864 г., Министерство внутренних дел — в 1865 г., Министерство юстиции — в 1871 г.»²¹.

Церковные реформы 1860–1870-х гг. коснулись лишь некоторых сторон жизни Церкви: материальное обеспечение духовенства и приходов, активизация приходской жизни (создание церковных попечительств и братств), новые духовно-учебные уставы 1867 и 1869 гг. (в связи с реформой светского образования), дарование духовенству права выбираться гласными в земства²². Проект реформы церковного суда вообще не был реализован²³. Тем не менее, уже в 1865 г. только что назначенный обер-прокурором Синода граф Д.А.Толстой, по предложению помощника начальника Архива (с 1867 г. — начальника) Н.И.Григоровича, подготовил доклад на Высочайшее имя об учреждении Комиссии для разбора и описания дел Архива Св. Синода (впоследствии — Комиссия по разбору и описанию архива Св. Синода).

Еще до учреждения Комиссии, в 1860 г. обер-прокурором А.П.Толстым и начальником Канцелярии Синода П.И.Саломоном была предпринята последняя попытка привести в порядок значительно разросшийся синодальный архив. Чтобы решить проблему нехватки архивных площадей, было принято решение уничтожить примерно $\frac{1}{4}$ хранившихся в Архиве материалов. Комиссия из трех чиновников синодальных учреждений работала почти 5 лет, однако Саломон так и не решился уничтожить отобранные ею к уничтожению материалы (ок. 44 тыс. дел) «в виду отсутствия <...> надежного органа для проверки правильности производимых работ» (лица, занимавшиеся обработкой Архива, не

считались достаточно компетентными)²⁴. Хотя эта попытка ожидаемого успеха не имела, в результате был составлен каталог «по предметно-личной схеме» (предметно-именному принципу), охвативший в основном дела т.н. архива бывших греко-униатских митрополитов.

6 декабря 1865 г. последовало Высочайшее утверждение всеподданнейшего доклада обер-прокурора Синода графа Д.А.Толстого. Это был сравнительно краткий доклад: в нем нет ни исторической справки, ни подробного обоснования необходимости создания Комиссии, а говорилось только, что «Св. Синод признал нужным учредить для приведения в большую ясность и строгий порядок дел, хранящихся в Архиве, особую Комиссию, в члены которой изъявили готовность поступить безмездно некоторые духовные лица, несколько чиновников и один из наставников здешней духовной академии»²⁵. Высочайшее утверждение в данном случае было необходимо потому, что в Комиссии в качестве ее членов изъявили желание трудиться лица, по своему служебному положению не принадлежавшие к духовному ведомству. В первый состав Комиссии вошли: крупнейший историк и археограф, заведующий Рукописным отделением Императорской публичной библиотеки, будущий академик и директор А.Ф.Бычков (председатель до 1899 г.), профессор Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) историк М.О.Коялович, перу которого принадлежит один из первых трудов по российской историографии «История русского самосознания», будущие директора Петербургского археологического института И.Е.Андреевский и А.Н.Труворов, профессора СПбДА И.А.Чистович и П.И.Савваитов и др. Все они изъявили желание безвозмездно работать в Комиссии.

Прежде чем перейти к характеристике деятельности и результатов работы Комиссии в дореволюционный период, необходимо кратко рассмотреть состав и устройство синодального архива во второй половине XIX – начале XX вв. В 1865 г., по докладным запискам Н.И.Григоровича и управляющего Синодальной Канцелярией Гаевского, хранившиеся в Архиве Св. Синода материалы были разделены на три отделения: «1) Дела и вещи, имеющие прямое отношение к Архиву; 2) Дела и вещи, имеющие косвенное отношение к Архиву (в основном, изъятые у раскольников и др. лиц вещи, книги и др., описи церковных и монастырских имуществ комитета 1853 г.²⁶, производившиеся не в Синодальной Канцелярии дела); 3) Бумаги и книги, не заслуживающие хранения в Архиве (в основном печатные, тиражированные материалы)»²⁷. Последняя группа материалов вошла в состав Библиотеки Св. Синода, тесно связанной с самим Архивом. О ней будет сказано ниже.

31 июля 1897 г. было высочайше утверждено «Положение об Архиве и Библиотеке Св. Синода». Согласно параграфу 2 этого документа Архив должен был хранить «документы и дела как бывших, так и существующих центральных учреждений Св. Синода, равно документы и дела, поступившие в оный по особым на то распоряжениям Св. Синода»²⁸. К концу 1905 г. Архив состоял из 27 отделов, включавших в себя документы и дела различных учреждений ведомства православного исповедания, как действующих, так и упраздненных. Особый 27-й отдел занимался хранением описей, указателей, протокольных реестров и проч.

за 1721–1903 гг. (около 300 томов), т. е., выражаясь современным языком, это был «отдел научно-справочного аппарата» архива. Общее число дел Архива в 1905 г. достигало 460 тысяч и 6 тысяч различных переплетенных томов и книг²⁹.

В Библиотеке Св. Синода к концу 1905 г. было сосредоточено до 80 тыс. наименований книг, рукописей, периодических изданий, картин и альбомов. Собрание делилось на 22 отдела, устроенных в основном по тематическому принципу, хотя несколько отделов были выделены по принципу «происхождения» (напр., издания Училищного Совета, Московской Единоверческой Типографии, редакции «Церковных Ведомостей»), существовали отделы периодики и дублетных материалов. Научно-справочный аппарат Библиотеки включал в себя списки, карточные каталоги (авторский и предметный) и книгу для записи поступлений.

В книге делопроизводителя Комиссии³⁰ К.Я.Здравомыслова, вышедшей в 1906 г., особенно подчеркивается, что помещение Архива вполне соответствовало «всем требованиям науки об архивах»³¹. Оно включало 14 комнат, было сухим, светлым и безопасным в пожарном отношении. Имелась автоматизированная вентиляционная система, электрическое освещение, паровое отопление. Дела были размещены по уже упоминавшимся выше отделам в шкафах, закрытых глухими деревянными и решетчатыми проволочными дверцами, половина дел была вложена в картоны, а другая половина хранилась в связках, перевязанных веревками. На шкафах, картонах и связках имелись шифры, обеспечивавшие удобство поиска.

К.Я.Здравомыслов отмечает, что Комиссия обсуждала даже мельчайшие вопросы функционирования Архива и Библиотеки. Именно Комиссия разработала штаты Архива (1895 г.) и «Положение об Архиве и Библиотеке Св. Синода» от 31 июля 1897 г.³² К концу 1890-х гг. Архив Св. Синода стал полноправным отдельным учреждением в структуре духовного ведомства наряду с Хозяйственным Управлением, Учебным Комитетом при Синоде и др. Комиссия обсуждала широкий круг вопросов, а решения ее проводились в жизнь начальниками Архива, среди которых следует отметить Н.И.Григоревича (1867–1889) и А.Н.Львова (1889–1901).

С 1 января 1891 г. вступили в силу «Правила сдачи дел в Архив Св. Синода». Согласно «Правилам», в Архив должны были поступать дела из центральных учреждений Ведомства православного исповедания, законченные делопроизводством. Причем учреждения обязаны были сдавать дела не позднее чем через 3 года после их окончания, исключение делалось только для Канцелярии обер-прокурора Синода.

«Правила» предусматривали определенное оформление дел перед сдачей их в Архив: установленный формуляр обложки, обязательная нумерация и прошивка листов, наличие внутренней описи, лист-заверитель (хотя в «Правилах» данный термин не употребляется). Сдаточная опись должна была представляться в Архив в двух экземплярах (один оставался в Архиве, а второй через некоторое время возвращался сдавшему чиновнику с распиской о получении документов), причем дела нумеровались только в соответствии с нумерацией, имевшей место в настольном реестре³³ соответствующего года. Для дел, еще не оконченных делопроизводством, в сдаточной описи ставилась пометка «не окончено», а затем,

при поступлении в Архив этого дела, возле этой пометки ставилась еще одна: «сдано [тогда-то]».

Тогда же вступили в силу «Правила выдачи дел из Архива для справок» (выдача производилась по требованию обер-секретарей Синода, начальников отделений, делопроизводителей, секретарей и столоначальников и под их собственноручные расписки) и «Правила пользования книгами библиотеки Св. Синода»³⁴.

Комиссия как научный центр в области архивного дела

Комиссии по разбору и описанию Архива Синода удалось накопить достаточно большой опыт в разработке теоретических и методических основ архивного дела и архивоведения. Данные разработки внедрялись не только в Архиве Синода. Помимо своих первоочередных обязанностей, отраженных в ее названии, Комиссия была своего рода научно-методическим консультационным органом по вопросу о церковных архивах и вообще памятников древности³⁵. Достигнуть такого уровня Комиссии позволил ее высококвалифицированный состав. Помимо уже упоминавшихся ученых, следует назвать имена председателей Комиссии. До 1899 г. бессменным председателем Комиссии был видный археограф, многолетний директор Императорской Публичной библиотеки академик А.Ф.Бычков. В 1900–1901 гг. в Комиссии председательствовал граф С.Д.Шереметев (в 1900–1917 гг. — председатель Археографической комиссии), а с 1901 по 1918 гг. — известный филолог, академик, член Государственного Совета А.И.Соболевский³⁶. Проведению теоретических разработок этих светил отечественной науки в жизнь способствовал строгий отбор штатных сотрудников Архива: на службу принимались лишь лица с высшим образованием, что было закреплено в Положении об Архиве 1897 г., которое определяло в качестве одной из основных задач данного учреждения удовлетворение научных запросов³⁷. В 1918 г. почти все сотрудники Архива, начиная с его начальника, помимо основного высшего образования имели диплом Петроградского археологического института. Но прежде чем Комиссия достигла определенных теоретических и практических высот, ей пришлось пройти многотрудный полувековой путь.

В 1865 г. первоочередной задачей новоучрежденной Комиссии стало поединичное рассмотрение дел, ранее выделенных «чиновничьей» комиссией к уничтожению. Однако почти сразу была выявлена малоэффективность такой постановки работы: новая Комиссия поэтапно принимала решения о невозможности уничтожения почти всех дел, которые отобрала к уничтожению прежняя. Очень скоро Комиссия поняла, что ее основной задачей должно стать разбор и описание дел архива, а не отбор документов к уничтожению. Эмпирическим путем была установлена, выражаясь современной терминологией, «запретная дата» — 1800 г.³⁸ Комиссия приступила к подробному описанию дел XVIII в.

Для характеристики уровня развития архивоведения в Комиссии по разбору и описанию Архива Синода весьма примечателен следующий эпизод. На одном из первых ее заседаний обсуждался вопрос о деле 1719 г. «о сборе Псковской провинции рекрут». По мнению члена Комиссии священника Морошкина, его

следовало уничтожить, поскольку оно целиком повторяло содержание сенатского указа из ПСЗ. Это мнение встретило критику со стороны председателя Комиссии А.Ф.Бычкова, который указал на невозможность уничтожение данного дела. При этом он привел аргумент, с которым согласились все члены Комиссии: данное дело имеет ценность для науки, потому что архив Камер-коллегии, ведавшей подобными изложенному в деле вопросами, почти целиком был уничтожен³⁹. Таким образом, из данного эпизода можно сделать вывод: в недрах Комиссии (а это был только 1866 г.) уже существовали зачатки представления о некоей целостной системе ретроспективной информации о Российском государстве, что впоследствии стало именоваться Архивным фондом страны.

С первых же лет своего существования Комиссия стала своеобразным консультативным органом при Синоде по вопросам архивов Русской Церкви в целом. Синод направлял на заключение Комиссии все бумаги, касавшиеся постановки архивной части в местных церковных учреждениях. Основной проблемой, волновавшей местные церковные власти, была нехватка площадей для размещения архивов, и они нередко обращались в Синод с одной и той же просьбой: разрешить уничтожение определенных разрядов дел. После рассмотрения нескольких таких, уже почти типовых, обращений, Комиссия 5 декабря 1868 г. приняла общие рекомендации для духовных консисторий по вопросам архивного дела⁴⁰.

В данном документе устанавливался запрет на уничтожение архивных документов целыми разрядами, без просмотра каждого дела и составления описи единиц, предположенных к уничтожению. Уничтожение прямо называлось «крайней мерой», вызванной лишь проблемой нехватки архивных площадей. Но здесь Комиссия сделала попытку найти выход из создавшегося положения: духовным консисториям предлагалось разместить часть своих архивов в одном из ближайших (по возможности городских) монастырей или церквей. Однако такое перемещение могло быть осуществлено только в случае невозможности хранить все дела в консисторском архиве и при соблюдении определенных условий: а) «Дела не должны быть рассеяны по разным монастырям и церквам»⁴¹ (недробимость фонда); б) на перемещаемые дела следовало составить «подробный каталог», на основании которого данную часть архива принимал под расписку настоятель соответствующего монастыря или причт прихода. Кроме того, в рекомендациях звучал призыв к епархиальным властям не останавливаться на перечисленных мерах в деле сохранения церковных архивов для науки, а создавать, по подобию Синодальной, епархиальные архивные комиссии из преподавателей семинарий, духовенства и др. лиц для разбора епархиальных архивов и составления их «ученых описаний» для последующей публикации в епархиальной периодике, что будет способствовать изучению истории епархии. Только после этого, по мнению членов Комиссии, можно было бы произносить «безошибочный приговор о совершенной бесполезности того или другого дела не только для архива консистории, но и для науки»⁴².

Таким образом, возможность проведения экспертизы ценности материалов конкретного архива Комиссия по описанию Архива Синода ставила в прямую зависимость от степени изученности в историографии истории региона (в пер-

вую очередь, церковной), к которому относился данный архивный фонд. Например, в 1866 г. Комиссия призвала Архангельскую консисторию к особенной осторожности при выделении архивных материалов к уничтожению по причине малоизученности истории Архангельской губернии. В 1867 г. по той же причине было отказано Казанской духовной академии в разрешении на уничтожение большинства предположенных к ликвидации документов Саратовской семинарии: поскольку последняя была учреждена недавно и о ней еще не было никаких «печатных известий», Комиссия призывала к сохранению всего архива⁴³. Примечательно, что вскоре был издан циркулярный указ Синода от 14 сентября 1868 г., согласно которому постановка вопроса об уничтожении дел из архивов правлений духовных семинарий становилась возможной лишь при условии составления подробной исторической записки о семинарии (описи отобранных к уничтожению дел должны были составляться специальными комиссиями на местах и высылаться на рассмотрение Синода)⁴⁴.

Некоторые критерии экспертизы ценности, принятые Комиссией, имеют прямые параллели в современной теории экспертизы. Так, некоторые документы Синодального архива за XIX в. были признаны не подлежащими хранению ввиду поглощения содержащейся в них информации другими документами (например, в 1879 г. ими были признаны присылаемые из епархий наградные списки, содержание которых целиком поглощалось составлявшимися на их основе в Канцелярии Синода наградными реестрами)⁴⁵. В современной экспертизе ценности это критерий повторяемости информации.

В 1911 г. Комиссией была предпринята попытка разработать общие принципы экспертизы ценности документов для учреждений духовного ведомства. Для этого было решено учесть опыт не только церковных, но и правительственных учреждений других ведомств, а также разработки археологических учреждений по этому вопросу. Однако фактическое игнорирование в большинстве церковных учреждений запроса Комиссии по этой теме не позволило воплотить это начинание в жизнь⁴⁶.

Вообще, в области разработки теории и практики экспертизы ценности в Архиве Синода было характерно движение в сторону большего сужения круга документов, которые могли подлежать уничтожению. Например, в 1911 г. Комиссия приняла решение отказаться от уничтожения хранившихся в архивах духовных консисторий исповедных ведомостей, которые ранее массово уничтожались⁴⁷.

Для характеристики уровня развития архивоведения в Архиве Св. Синода важно упомянуть имевшую место попытку его начальника, известного деятеля археологических съездов конца XIX в. А.Н.Львова вмешаться постановку делопроизводства епархиальных учреждений: он выступил с проектом изменения порядка представления приходами в Консисторию исповедных книг⁴⁸.

Необходимо сказать и о системе научно-справочного аппарата, сложившейся в Архиве Синода. Для материалов XVIII в. создавались подробные описания документов и дел (см. следующий параграф). Для документов XIX в. начальником Архива Н.И.Григоровичем в 1878 г. был разработан образец описи-инвентаря,

который должен был составляться на документы каждого года. Точно сформулированные заголовки дел инвентаря располагались в строго хронологическом порядке без подразделения на отделения и столы Канцелярии. Инвентари снабжались именованным и предметным указателями, переводной таблицей шифров. Образец инвентаря был принят Комиссией для описания фондов, хранившихся в Архиве Синода (Синодальной канцелярии, Хозяйственного управления и др.)⁴⁹. Однако на практике он применялся лишь для описания документов за те годы, которые не имели хорошей делопроизводственной описи или были вовсе не разобраны. Это видно из сохранившейся с дореволюционной поры и поныне существующей системы описей к фонду Синодальной канцелярии в РГИА (Ф. 796): на документы с конца XIX в. имеются качественные делопроизводственные описи, заголовки дел в которых расположены по структуре Канцелярии.

Об уровне развития теории научно-справочного аппарата в Архиве Синода ярко свидетельствует помета последнего его начальника К.Я.Здравомыслова на одной из бумаг, относящихся к архивной дискуссии 1917–1918 гг.: «Чутье при отыскании в архивах исторических материалов должно отойти в область преданий. Его заменяют научно и ясно составленные хронологические и алфавитные — личные, предметные и географические указатели не только к заголовкам дел и документов, но и к содержанию их. Такие указатели помогут всем приходящим в архивы для научных занятий скоро ориентироваться в материалах по интересующему их вопросу. На составление таких указателей должно быть обращено серьезное внимание всех служащих в архивах»⁵⁰.

Нельзя не отметить, что кругозор Комиссии простирался далеко за пределы архивов духовного ведомства. В 1908 г. Комиссия одобрила предложенную доктором церковной истории С.Г.Рункевичем идею издания, выражаясь современной терминологией, «межархивного путеводителя» к документам по истории Русской Церкви за первые годы после создания Синода (издание задумывалось как юбилейное, к 200-летию Синода) в материалах Госархива МИД (Рункевич к тому времени в своих трудах уже раскрыл информационный потенциал фонда «Кабинет Петра Великого» для церковной истории), Московского архива Министерства юстиции (ММЮ) и Московского главного архива МИД (МГАМИД). Однако известные исторические события (Первая мировая война, революции 1917 г.) не дали провести эту идею в жизнь⁵¹.

Издательская деятельность Комиссии

За более чем полувековую деятельность Комиссия осуществила несколько издательских проектов по материалам Синодального Архива. Самым грандиозным и важным из них было издание «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода», первый том которого вышел в 1868 г. К 1915 г., когда Комиссия фактически остановила выпуск печатных описаний, было выпущено 28 томов «Описания документов и дел, хранящихся в Архиве Св. Синода»⁵², 4 тома были близки к завершению печатания в типографии, 7 были сданы в печать, еще 19 томов были уже фактически пригото-

ны к набору. Вообще, издание описаний за XVIII в. предполагалось завершить к 1921 г. — двухсотлетнему юбилею Синода. Однако начавшаяся в 1914 г. война и последовавшие за ней революции перечеркнули планы Комиссии.

Описание дел Канцелярии Синода (в XVIII в. это было единственное центральное учреждение духовного ведомства, состоявшее при Присутствии Синода) строилось по строго хронологическому принципу (каждому году должен был соответствовать отдельный том, внутри которого, ввиду сложности восстановления структуры Канцелярии в XVIII в., документы также располагались по хронологии).

Еще в предисловии к 1-му тому его составители подробно поясняли, почему из существующих краткого и подробного видов описания архивных документов они выбрали именно подробное, когда (кроме заголовка дела, крайних дат, формальных признаков) приводится обзор и даже анализ документов дела:

«Описание архивных дел м. б. двоякое: *краткое*, пригодное только для архивных надобностей и справок, и *подробное*, удовлетворяющее ученым целям. Краткое есть нечто в роде инвентаря; оно содержит обыкновенно лишь оглавления дел и может быть только в известной степени полезно исследователям, как указание, впрочем нередко мало определительное, того, что заключается в архиве. В подробном описании, с которым необходимо соединяется и краткое, каждое дело рассматривается как документ, более или менее важный для науки, и потому здесь уже являются иные требования, т. к. описания этого рода должны ознакомить читателя не только с ходом дела, но нередко с его подробностями и всегда — со всем тем, что оно содержит в себе любопытного. Комиссия избрала последний способ описания дел, несмотря на всю трудность удовлетворительно разрешить предстоявшую ей задачу и на продолжительность времени, которое нужно для ее выполнения. Настоятельная потребность пользоваться синодальным архивом, довольно часто высказываемая находящимися вне Петербурга преподавателями истории Русской Церкви и церковного права, еще более утвердила Комиссию в выборе этого способа описания, к которому сочувственно отнесся его сиятельство г. обер-прокурор Св. Синода и который был вполне одобрен Святейшим Правительствующим Синодом»⁵³.

Все тома «Описания» были снабжены обширным научно-справочным аппаратом, включавшим вводную статью, три-четыре указателя (именной, предметный, географический, хронологический), в приложении целиком публиковались наиболее значимые документы из описанных дел, снабженные архивными шифрами.

Важно, что Комиссия постоянно корректировала принципы публикации, обсуждая каждый новый том, отмечая его положительные и отрицательные стороны. В 1897 г. были изданы особые «Правила составления описания», представлявшие собой краткие методические рекомендации для составления статей описания и научно-справочного аппарата к нему⁵⁴.

Не менее грандиозным было издание «Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания», которое успело охватить XVIII в. и царствование Николая I. Для него были также выработаны методические рекомендации⁵⁵.

Больших трудов потребовало издание «Описания документов Архива западнорусских униатских митрополитов: 1470–1834» в двух томах, поскольку этот комплекс попал в Архив Синода в достаточно разрозненном и неупорядоченном виде, кроме того, он содержал документы на нескольких языках. Достаточно интересная вступительная статья раскрывает судьбу униатского архива, в конце 1-го тома были помещены факсимильные образцы почерков документов⁵⁶. Издание было подготовлено специалистом по западно-русской церковной истории С.Г.Рункевичем, о деятельности которого в период Церковного Собора 1917–1918 гг. будет подробно говориться в следующей главе.

Также Комиссией были изданы «Опись документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода с указателями к ней: Дела Комиссии Духовных училищ (1808–1839 гг.)» и «Отеческое завещание Посошкова».

Проект Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде

Аполлинарий Николаевич Львов, бывший начальником Синодального Архива с 1889 по 1901 гг., задался целью создать на базе Комиссии Церковное Археологическое Общество, которое имело бы в качестве предмета своих занятий охрану и изучение памятников истории и культуры, а также вопросы церковного искусства, в т. ч. общее руководство современным его развитием. Общество должны были возглавить директор Императорской Публичной Библиотеки академик Афанасий Федорович Бычков (в качестве председателя) и председатель Императорской Археологической Комиссии Сергей Дмитриевич Шереметев (в качестве товарища председателя). Для занятий различными вопросами, входящими в сферу интересов проектировавшегося общества, было решено создать в его структуре несколько отраслевых отделов.

В 1899 г. А.Н.Львов достиг договоренности с А.Ф.Бычковым (в том же году скончавшимся) и С.Д.Шереметевым о совместном инициировании создания при Синоде учреждения, которое бы ведало русским иконописанием. Однако эта договоренность так и не была осуществлена: С.Д.Шереметев совместно с некоторыми другими представителями русской науки и искусства (например, организатором Русского Археологического института в Константинополе академиком Н.П.Кондаковым), по словам доктора церковной истории С.Г.Рункевича, «перерешили вопрос по-другому»⁵⁷. В результате в 1901 г. по Высочайшему указу был основан «Комитет попечительства о русской иконописи» под руководством графа С.Д.Шереметьева, но уже в ведении не Синода, а Министерства императорского двора⁵⁸.

Преемник А.Н.Львова на посту начальника Архива Св. Синода Константин Яковлевич Здравомыслов внес немалый вклад в деятельность синодальной архивной Комиссии. В 1906 г. под его руководством Комиссия особенно детально начинает рассматривать вопрос об охране памятников церковной старины.

Одним из инициаторов данной дискуссии был известный археолог, директор Петроградского археологического института Н.В.Покровский, который в

одной из статей 1906 г. выдвинул предложение об организации при Синоде центрального органа — Комитета, который бы «заботился о том, чтобы памятники, имеющие церковную и научную важность, как то древние иконы, церковная утварь, памятники церковного зодчества, не только не уничтожались, но и не искажались неумелыми исправлениями и реставрациями»⁵⁹. Комитет предполагалось создать «для пользы церкви и науки», чтобы «предохранять от порчи и утраты памятники старины, вещественные и письменные, особенно находящиеся в монастырях, соборах и церквях». Предложение Покровского было одобрено Синодом, и в апреле 1906 г. последовало определение «о выработке проекта мер к охранению памятников церковной старины»⁶⁰.

В этой связи было вновь заявлено о необходимости преобразовать Комиссию в особое церковное Археологическое Общество (правда, в сферу его компетенции уже не предполагалось включать развитие современного церковного искусства). Началась разработка положения об этом Обществе, которая завершилась в 1908 г. изданием проекта «Правил Высочайше утвержденной Архивно-Археологической Комиссии при Св. Синоде» и «Положения о Церковно-Археологических Комитетах»⁶¹.

Архивно-Археологическая Комиссия (далее — ААК), которую предполагалось создать на базе Комиссии по разбору и описанию Архива Св. Синода, должна была состоять из двух отделений — архивного и археологического. Таким образом, предполагалось расширить компетенцию синодальной Комиссии путем отнесения к ее ведению вопросов, связанных с охраной и изучением вещественных памятников старины, «находящихся в духовном ведомстве»⁶².

Но это не главное, что предлагалось в проекте. В п. 10 проекта «Правил Высочайше утвержденной Архивно-Археологической Комиссии при Св. Синоде» предусматривалось отнесение к ведению Комиссии «состоящих в духовном ведомстве» церковно-археологических и церковно-исторических музеев и обществ, по желанию их советов. Кроме того, предполагалось создание во всех епархиях Церковно-археологических комитетов (как местных отделений Комиссии). Таким Комитетом, по проекту «Положения о Церковно-Археологических Комитетах», могло стать, по своему желанию и соглашению с Синодальной Комиссией, любое уже существующее в епархии церковно-археологическое или церковно-историческое общество⁶³. Таким образом, главным аспектом проекта 1908 г. было создание единой системы архивно-археологических учреждений в составе Ведомства православного исповедания. Причиной обращения к идее подобной централизации явилось возникновение большого числа подобных учреждений: возникла потребность в координации их деятельности⁶⁴.

В 1909 г. проект был одобрен Св. Синодом, но, как отмечал впоследствии председатель Комиссии по разбору и описанию Архива Св. Синода академик А.И.Соболевский, «Обер-прокурор Синода Лукьянов по тактическим чисто соображениям не дал этому проекту дальнейшего хода, так как с принятием этого проекта связан был вопрос об ассигновании новых сумм на поддержку выработанной проектом организации»⁶⁵. Еще одной причиной этого стала разработка (так и не приведшая к практическим результатам) особой межведомственной

комиссией МВД, учрежденной в 1909 г., «Положения об охране древностей», которое должно было коснуться и церковных памятников⁶⁶.

Еще ранее одобренный Синодом проект Комиссии был раскритикован и церковной прессой: редакция «Церковного Вестника» поместила небольшую заметку, где, в частности, отмечалось, что проект 1908 г. разработан недостаточно глубоко⁶⁷. Аргументировалось это тем, что функции Архивного отделения ААК, которое должно было теперь стать как бы центральным органом «архивной службы» всей Российской Церкви, почти ничем не отличались от функций существующей Комиссии по разбору и описанию Архива Св. Синода. Вообще, в заметке выражалось мнение, что в проекте недостаточно четко проведена идея централизации. Кроме того, проект распространения единой сети церковно-археологических учреждений на всю территорию России признавался почти утопическим: авторы заметки сомневались в том, что на местах найдется достаточное количество ученых деятелей для работы в подобных организациях.

Как бы там ни было, проект 1908–1909 гг. так и остался только на бумаге. Тем не менее, 25 июня 1911 г. был издан указ Синода о присылке отчетов о деятельности церковно-археологических учреждений в Комиссию по разбору и описанию Синодального Архива, которая к тому времени часто называлась Архивной Комиссией при Св. Синоде⁶⁸. Тогда же, по инициативе А.И.Соболевского, Синодом было принято решение о необходимости учреждения церковно-археологических музеев или древлехранилищ с церковно-археологическими обществами при них во всех епархиях⁶⁹. Над подготовкой и проведением этого решения работали крупные специалисты в области церковной истории и археологии: Н.П.Кондаков, Н.В.Покровский, Н.В.Султанов, Д.А.Айналов, А.Н.Померанцев, М.Т.Преображенский, Г.И.Котов и др.⁷⁰ Таким образом, хотя сам проект 1908–1909 гг. был положен под сукно, некоторые его положения все же удавалось оформлять нормативно.

Обсуждение вопроса несколько оживилось, когда весной 1912 г. Министерство Внутренних Дел внесло в III Государственную Думу законопроект об охране древностей, который предусматривал для этих целей особый Комитет, в состав которого входило бы определенное количество представителей ученой общественности. Думская Комиссия во главе с Е.П.Коваленко создала на базе министерского проекта свой.

Закон об охране древностей так и не был принят. Член III Думы архиепископ (впоследствии митрополит) Евлогий (Георгиевский) осенью 1917 г., на заседании VII отдела Поместного Собора, охарактеризовал законопроект, подготовленный Комиссией Коваленко, как «закон об отобрании помянутых предметов в ведение Государства»⁷¹ (примерно такую же оценку дал председатель Комиссии А.И.Соболевский⁷²).

В 1913 г., связи с празднованием Романовского юбилея, интерес к церковной археологии возрос. И.И.Комарова, занимавшаяся историей местных краеведческих обществ дореволюционной России, пишет следующее: «После долгих блужданий по инстанциям, обрастая новыми предложениями, записка эта способствовала созданию в 1914 г. Архивно-археологической Комиссии при

Синоде. Она подготовила открытие таких обществ по всем епархиям»⁷³. Действительно, как уже говорилось выше, имело место постановление Синода по поводу открытия церковно-археологических учреждений по всем епархиям, но оно было принято еще в 1911 г.⁷⁴, а И.И.Комарова говорит об учреждении ААК при Синоде в 1914 г.

На самом деле ААК так и не была учреждена, о чем впоследствии выражали сожаление на Поместном Соборе 1917–1918 гг. лица, стоявшие у истоков проекта (А.И.Соболевский, С.Г.Рункевич)⁷⁵. Скорее всего, И.И.Комарова приняла за учреждение ААК решение IV Государственной Думы 13 марта 1914 г. о создании «центрального русского церковного древлехранилища». Для него предполагалось пристроить специальное помещение к зданию Синодальной Конторы в московском Кремле. Учреждение древлехранилища стимулировало создание церковно-археологических учреждений в тех епархиях, где их не было: епархиальным архиереям тогда было предписано отобрать достойные экспонаты на местах, именно таким отбором и могли заняться церковно-археологические учреждения.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что к революционным потрясениям 1917 г. Комиссия по описанию Архива Св. Синода, достигнув главной цели своего создания (правильная организация синодального архива), стала серьезным научным учреждением духовного ведомства, имевшим за плечами более чем 50-летний опыт работы. Комиссия не только объединяла в своем составе плеяду ведущих представителей отечественной науки (как церковной, так и светской), но имела в своем арсенале значительные теоретические, методические и практические наработки в области архивного дела и организации церковных архивов. Впечатляет и объем издательской продукции Комиссии, внесшей неоценимый вклад в публикацию источников по церковной истории. Тем не менее следует отметить, что научный и организационный потенциал Комиссии не был в полной мере реализован в дореволюционный период. Это видно хотя бы из того, что в начале XX в. Комиссии не удалось стать официальным центром, объединяющим дело охраны и изучения церковных древностей в масштабах России, хотя фактически она занимала именно такое положение.

Глава 2

НА ПЕРЕПУТЬЕ. СИНОДАЛЬНЫЙ АРХИВ И КОМИССИЯ ПО ЕГО ОПИСАНИЮ в 1917–1918 гг.

Участие синодальных архивистов в подготовке архивной реформы и работе Союза российских архивных деятелей

Февральская революция 1917 г. и последовавшие за ней события поставили на повестку дня вопрос о судьбе архивов упраздняемых учреждений старого режима, которые, оставаясь бесхозными, могли погибнуть. Уже марте 1917 г. в

Петрограде начал свою деятельность Союз российских архивных деятелей (далее — Союз РАД), поставивший своей задачей не только заботу о таких архивах, но и проведение архивной реформы в масштабах всей России. Возглавил Союз РАД видный историк академик А.С.Лаппо-Данилевский. В руководящий орган Союза — Совет — вошли представители крупнейших ведомственных архивов Петрограда — МИД, Сената, Академии наук и др.

Начальник Архива и Библиотеки Святейшего Синода действительный статский советник Константин Яковлевич Здравомыслов был избран кандидатом в члены Совета Союза РАД. Почти сразу он стал одним из активнейших членов Союза. Так, в апреле-мае 1917 г. Здравомыслов принимает участие в дискуссиях по вопросам о секретных делах в архивах и о допуске исследователей к работе в архивах⁷⁶, а в сентябре составляет «обширную Записку, в которой обобщил все идеи и предложения по вопросу о том, как следует поступать в государственном масштабе со всеми архивами упраздняемых... учреждений и ведомств»⁷⁷. В основе данной Записки лежало одно из базовых, фундаментальных положений науки об архивах, которое в современном архивоведении называется принципом недробимости архивного фонда. На основании данной Записки директор Государственного архива МИД князь Н.В.Голицын составил проект закона об архивах, многие положения которого впоследствии легли в основу советского декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела».

Коллективным членом Союза РАД стала и Комиссия по описанию Синодального Архива, делопроизводителем которой (по должности начальника Архива) был К.Я.Здравомыслов. Решение о вступлении в действительные члены Союза Комиссия приняла на первом после февральского переворота заседании (156-м с момента основания в 1865 г.) 5 мая 1917 г. Представителем Комиссии в Союзе был избран профессор Петроградской духовной академии П.Н.Жукович, его заместителем — Ф.И.Виноградов. На этом заседании Комиссия обсуждала вопросы, которые волновали Союз РАД в целом: секретные дела в архивах и проблему эвакуации архивов Петрограда ввиду угрозы наступления немцев⁷⁸. По этим вопросам Комиссия присоединилась к решениям Союза. К счастью, эвакуация в итоге не понадобилась, а в отношении хранившихся в Синодальном Архиве материалов к ней так и не успели приступить, в отличие, например, от Государственного архива МИД. Кроме того, Комиссия на заседании 5 мая констатировала большие проблемы в деле издания своих трудов и оплаты гонораров за них ее членам, возникшие ввиду сложностей военного времени. В этой связи Комиссия решила пока приостановить печатание своих трудов, «выждав время, когда типографское дело войдет в норму и цены на работы понизятся», а пока ходатайствовать перед обер-прокурором Синода о выдаче гонораров⁷⁹.

На свое следующее (157-е) заседание Комиссия собралась 13 октября, продолжив обсуждение вопросов о так и не состоявшейся эвакуации Архива и выплата гонораров членам Комиссии⁸⁰. Это было последнее заседание Комиссии перед Октябрьским переворотом 1917 г. В следующий раз Комиссия собралась уже в условиях советской власти.

В рамках 158-го заседания Комиссии 19 марта 1918 г. (здесь и далее даты даются по новому стилю) собралось достаточно широкое научное совещание, которое, помимо членов Комиссии, составили такие известные ученые и архивисты, как специалист по каноническому праву В.Н.Бенешевич, правитель дел Археографической Комиссии В.Г.Дружинин, председатель Союза РАД А.С.Лаппо-Данилевский, делопроизводитель Совета Союза РАД и фактический инициатор создания Союза А.И.Лебедев, начальник Архива Министерства народного просвещения А.С.Николаев и др.⁸¹ Данное совещание собралось для того, чтобы обсудить судьбу Архива и Библиотеки Святейшего Синода в новых условиях, когда Ведомство православного исповедания, в структуре которого находились Архив и Библиотека, формально и фактически прекратило существование: в соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров от 5 февраля 1918 г. Церковь была отделена от государства, а несколько дней спустя, 14 февраля, Святейший Правительствующий Синод, опираясь на постановления Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., принял определение о самоупразднении и передаче своих дел новым органам Высшего церковного управления (Святейшему Патриарху, Священному Синоду и Высшему Церковному Совету). Более того, само здание бывшего Святейшего Синода в Петрограде, где располагался Синодальный Архив, было передано новой властью со всем находящимся в нем имуществом Народному комиссариату юстиции (далее — НКЮ). На заседании Комиссии 19 марта 1918 г. в качестве представителя НКЮ присутствовал комиссар бывшего синодального здания Н.В.Хлебников.

В начале заседания выступил начальник Синодального Архива К.Я.Здравомыслов, который рассказал о поступившем к нему заявлении комиссара здания Н.В.Хлебникова о том, что, «спасая здание бывшего Св. Синода от вселения в него несоответствующих элементов (вроде авиационного парка)», он (комиссар) разместил в нем Литературно-издательский отдел (далее — ЛИО) НКЮ как «единственно сохранившееся учреждение в Комиссариате». В свою очередь, ЛИО НКЮ выразил желание национализировать и сосредоточить в здании Синода архивы и библиотеки ликвидированных в Петрограде учреждений (духовного, придворного ведомств и др.), причем предполагалось «изъятие из хранилищ малоценных в научном историческом отношении архивных дел и книг».

В то же время, при таких грандиозных проектах новых хозяев синодального здания, из Москвы от Высшей церковной власти, несмотря на многократные обращения к ней руководителя Синодального Архива, никаких указаний получить не удалось. Синодальные архивисты хотели узнать мнение церковной власти по следующим вопросам: совсем ли свернуть деятельности Архива и Комиссии или придать им «другое направление»; как относиться к Ученому комитету (ЛИО НКЮ предполагал создать этот орган для руководства, в том числе Синодальным Архивом и Библиотекой); необходимо ли отстаивать принятые Комиссией «систему и направление в научных работах»?

Завершая свое выступление, Здравомыслов подчеркнул, что эти вопросы — общие для любого архива и книгохранилища, требуют общего, обязательного для всех решения, почему он и «позволил себе пригласить на сегодняшнее заседа-

ние возможно большее число представителей науки и членов великой архивно-библиотечной семьи, дабы пред судом потомства можно было опереться на мнения лиц компетентных и авторитетных в решении вышеуказанных вопросов»⁸².

Далее состоялась дискуссия, в ходе которой собравшиеся выразили мнение и желание оставить Архив и Библиотеку, а также Комиссию на прежнем положении, с теми же штатами, средствами и деятельностью. Комиссар бывшего синодального здания Хлебников, пришедший на заседание в сопровождении заведующего библиотекой ЛИО НКЮ А.В.Петрова (бывшего чиновника Департамента инославных исповеданий), сказал, что готов идти на встречу данным пожеланиям, будет действовать в направлении сохранения Архива и Библиотеки Синода путем присоединения их к штатам ЛИО НКЮ, а также постарается выхлопотать средства на продолжение и издание трудов Комиссии. Председательствовавший на заседании С.Ф.Платонов высказался за возвращение Архиву Синода двух комнат, переданных для нужд ЛИО. Кроме того, было выражено желание дать Синодальному Архиву автономию, подобную той, которая уже была задекларирована в отношении соседнего Сенатского Архива. На все эти пожелания комиссар ответил, что в двух упомянутых комнатах будет устроен церковный музей, для которого уже имеется несколько предметов: «это учреждение... по существу очень близко к Архиву и Библиотеке и не нарушит общей гармонии научной деятельности этих учреждений». По вопросу об автономии Архива Хлебников также пообещал содействие и в завершение своего выступления пригласил присутствующих к сотрудничеству с Ученым комитетом ЛИО НКЮ и даже к вступлению в его члены. В качестве задач Ученого комитета комиссар указал на организацию библиотеки и «издание книг и брошюр по правовым и другим, возбуждаемым настоящим временем вопросам»⁸³.

После ухода комиссара участники заседания приняли решение собраться 26 марта, составив сметы расходов по Архиву, Библиотеке и Комиссии и «собрать сведения о том, как была осуществлена автономия Сенатского Архива»⁸⁴.

159-е заседание Комиссии 26 марта 1918 г. состоялось также под председательством С.Ф. Платонова. Начальник Архива доложил, что на другой же день после прошлого заседания Комиссии комиссар Хлебников потребовал от него срочно (в течение 2-х часов!) составить новую смету расходов по Архиву. Здравомыслов немедленно выполнил порученное, причем сумма месячного жалования всех восьми сотрудников архива им была увеличена до 3600 руб. против прежних 2478 руб. 52 коп.⁸⁵ Также была составлена смета на печатание трудов Комиссии из предполагаемого расчета 50 листов в год (400 руб. за лист плюс 100 руб. гонорара за каждый лист). Кроме того, по предложению комиссара была составлена смета на ликвидацию всех центральных учреждений Синода (на три месяца). Данная смета была составлена из расчета выплаты ежемесячно 27 канцелярским служащим бывших синодальных учреждений и 5 сотрудникам Архива по 400 руб. и сторожам за переноску дел по 150 руб. За предстоящие 3 месяца это составляло 42 000 руб. В тот же день все эти сметы были отправлены с комиссаром юстиции Стучкой на рассмотрение Совнаркома в Москву⁸⁶. Члены Комиссии признали осуществление данных смет весьма желательным⁸⁷.

По вопросу автономии Сенатского Архива на заседании выступил инспектор (т. е. руководитель) последнего И.А.Блинов, который рассказал историю организации подведомственного ему учреждения за последнее время. Он особо подчеркнул, что хотя провозглашенная после упразднения Сената сотрудниками Сенатского Архива автономия и не была никем «утверждена и не имеет определенного устава, но она всеми признается и твердо проводится в жизнь»⁸⁸. Во главе Архива состоял с 20 декабря 1917 г.⁸⁹ «Комитет по заведыванию Архивом», избранный сотрудниками. Комитет осуществлял сношения с комиссарами, руководил внутренней жизнью Архива (в его полномочия входило назначение и перемещение штатных и нештатных служащих, определение времени начала и конца работы, ее порядка и направления и решение вообще всех административно-служебных вопросов). Жалованье служащих Сенатского Архива по-прежнему было привязано к классным чинам, которым соответствовала должность (в рассмотренной выше смете, составленной для Синодального Архива Здравомысловым, классные чины не упоминаются, хотя в целом и прежние, и новые суммы жалованья для служащих Синодского и Сенатского Архива примерно одинаковы). В заключение своего выступления Блинов предложил сформировать из служащих обоих Архивов особый Совет «хотя бы из четырех лиц, для защиты в случае надобности прав и интересов этих двух однородных учреждений»⁹⁰. По мнению Блинова, такая координация действий сотрудников двух Архивов, которые находились фактически в одном здании, была бы особенно выгодна в условиях, когда оба Архива предполагали присоединить свои штаты к ЛИО НКЮ.

Координация была тем более необходима, так как Сенатский Архив предполагал получить от ЛИО НКЮ в бывшем помещении Синода площади для размещения архивов упраздняемых учреждений ведомства юстиции. К.Я.Здравомыслов после выступления Блинова заявил, что ему как «заведующему Архивом и Библиотекой» Синода вверены помещения и имущество данных Архива и Библиотеки, о чем было сказано ему комиссаром Хлебниковым, гарантировавшим их неприкосновенность⁹¹. Кроме того, члены Комиссии, состоявшие штатными служащими Архива и Библиотеки Синода, заявили о непрерывности работы своего учреждения по удовлетворению научных и справочно-канцелярских запросов, поступающих от учреждений и ученых исследователей Москвы и Петрограда. Причем в постановлении по итогам заседания было отдельно указано, что такая справочная работа особенно необходима для Священного Собора, Священного Синода и Высшего Церковного Совета, а также Петроградской Синодальной Конторы⁹². Это говорит о том, что сотрудники Архива и Комиссии не хотели прерывать своей связи с церковными учреждениями и деятелями даже в условиях отделения Церкви от государства. В дальнейшем эти связи и отношения, как мы увидим, продолжатся.

В заключение заседания 26 марта было принято постановление Комиссии приступить к введению автономных начал. Состав служащих Архива и Библиотеки Синода был назван «Комитетом для заведывания всеми административно-служебными и хозяйственными делами Архива Библиотеки» или, коротко, «Ко-

митетом служащих» (сначала предполагалось избирать данный Комитет, но, видимо, из-за малочисленности штата, было решено включить в него всех служащих, соответствующие изменения в машинописный протокол заседания были внесены от руки), а состав Комиссии — «Особым Советом по делам Архива и Библиотеки бывшего Святейшего Синода». В кадровых вопросах вводилось выборное начало, а допуск к работе с архивными материалами относился к полномочиям Комитета служащих (ранее это была прерогатива обер-прокурора Св. Синода⁹³). Кроме того, было принято решение выработать новое Положение об Архиве, Библиотеке и Комиссии.

Но в целом для истории архивов интересно то, что именно на заседании Комиссии 26 марта 1918 г. было впервые упомянуто имя Д.Б.Рязанова, впоследствии (с 1 июня 1918 г.) первого руководителя Главного управления архивным делом РСФСР, а на тот момент назначенного Совнаркомом Петроградской Коммуны на должность уполномоченного «по ликвидации и реорганизации всех находящихся на территории Петрограда архивов»⁹⁴. Никаких дискуссий по этому вопросу не было. Комиссии лишь было доложено о назначении Рязанова и о том, что деятели Союза РАД, коллективным членом которого была Комиссия, «решили войти в сношения с Рязановым по делу об охране архивов». Уже 27 марта 1918 г. Д.Б.Рязанов впервые встретился с членами Союза РАД, приняв участие в заседании Совета Союза⁹⁵. Начнется плодотворное сотрудничество, итогом которого станет издание 1 июня 1918 г. декрета Совнаркома РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела», в соответствии с которым архивы бывших церковных учреждений войдут в состав Единого Государственного архивного фонда (ЕГАФ).

27 марта 1918 г. начальник Синодального Архива К.Я.Здравомыслов и инспектор Сенатского архива И.А.Блинов «организовали узкое совещание в рамках литературно-издательского отдела Наркомюста», где «приветствовали назначение Рязанова и выразили готовность содействовать осуществлению возложенных на него задач, выражали надежду на его “авторитетную помощь”»⁹⁶. Видный отечественный историк-архивист В.Н.Автократов отмечает важность этого факта в предстоящем российском архивном строительстве, поскольку на состоявшемся в тот же день заседании Совета Союза РАД его председатель А.С.Лаппо-Данилевский занял достаточно сдержанную позицию по отношению к Рязанову. По мнению Автократа, возможно именно это совещание в рамках ЛИО НКЮ, а точнее, его протокол, направленный Рязанову, «стал дорожкой, связавшей Рязанова с Платоновым»⁹⁷, впоследствии — руководителем Петроградского отделения Главного управления архивным делом РСФСР, а значит, проделанная совместно руководителями Синодального и Сенатского Архивов работа была важной вехой в формировании когорты руководителей архивного дела России первых лет советской власти, тем более, что С.Ф.Платонов на тот момент исполнял обязанности председателя Комиссии по описанию Синодального Архива.

На следующем (160-м) заседании Комиссии 30 марта 1918 г. К.Я.Здравомыслов подробно рассказал о заседании Совета Союза РАД 27 марта (в Про-

токоле ошибочно названа дата 15/28 марта)⁹⁸, на котором присутствовал Д.Б.Рязанов, предложивший незамедлительно восстановить нормальную работу архивов, пообещав со своей стороны содействие в приведении к однообразию их штатов и смет, «и затем уже перейти к централизации архивов»⁹⁹.

В протоколе Комиссии по описанию Синодального Архива зафиксировано, что тогда же Рязанову были переданы списки 150 петроградских архивов, а также «протокол совещания о нежелательности реорганизации благоустроенных автономных архивов Синодального и Сенатского»¹⁰⁰. Вообще Совет Союза РАД предлагал осуществить централизацию архивов на базе автономных крупных архивов, к которым бы присоединялись «мелкие»¹⁰¹. Уполномоченный Рязанов был в целом согласен с такой позицией архивных деятелей, указав, «что, не задаваясь целью создания одного национального архива, предстоит тем не менее в порядке охраны сосредоточивать многие более мелкие архивы упраздненных учреждений в центральных ведомственных архивах»¹⁰². Именно это и стало исходной точкой централизации архивов, которая в первые годы советской власти, пока архивное ведомство возглавлял Д.Б.Рязанов, осуществлялась на основе секционного деления ЕГАФ, когда основой каждого отделения той или иной секции был бывший крупный ведомственный архив. Данное обстоятельство позволило продолжать и развивать свою работу церковным историкам и архивистам, объединенным при бывшем Синодальном Архиве (переименованном во 2 отделение IV секции ЕГАФ и ставшим основой для концентрации архивов церковных учреждений Петрограда) и в Комиссии по его описанию.

Но самое важное из того, что доложил К.Я.Здравомыслов членам Комиссии о заседании Совета Союза РАД 27 марта, было решение об учреждении Центрального совета управления архивами, принятое по предложению Д.Б.Рязанова. Учреждение данного Совета преследовало цели централизации архивов и, по мнению Рязанова, должно было означать изъятие их «из ведения отдельных учреждений». В состав данного органа вошли 5 представителей Совета Союза РАД и 6 учреждений (Академии наук, Публичной библиотеки, Наркомпроса, Дома борцов за свободу, Петроградского университета и Археографической комиссии).

В число представителей от Совета Союза РАД в новый орган был избран и сам К.Я.Здравомыслов, а в качестве заместителей этих 5-ти представителей были выдвинуты, в том числе, С.Ф.Платонов, на тот момент председательствовавший в Комиссии по описанию Синодального Архива, и В.Г.Дружинин, видный историк церковного раскола, который уже присутствовал на заседании Комиссии 19 марта 1918 г., а вскоре будет включен в ее состав и с 1 ноября 1918 г. председательствовать на заседаниях. Кроме того, в состав Центрального совета вошел как представитель Публичной библиотеки заведующий Отделением рукописей И.А.Бычков, сын А.Ф.Бычкова, возглавлявшего Комиссию с момента ее основания в 1865 г. до своей кончины в 1899 г., а это примерно две трети времени работы Комиссии.

Комиссия по описанию Синодального Архива отреагировала на учреждение Центрального совета управления архивами следующим постановлением:

«Из вышеизложенного сообщения видно, что уполномоченный для реорганизации архивного дела товарищ Рязанов в своих начинаниях идет вполне навстречу тем чаяниям и проектируемым реформам в общем архивном деле, какие давно намечены и только ждали для своего осуществления благоприятного момента; хотя и можно сомневаться, что настоящий момент едва ли благоприятный для общей великой реформы архивного дела, но тем не менее, если эта реформа предпринимается, то нашему Архиву нет надобности в отдельности спешить со своей реформой и лучше повременить до выяснения общего плана реорганизации архивов»¹⁰³.

Т. е. реакция членов Комиссии на начинавшуюся под руководством официального представителя советской власти в архивном деле Д.Б.Рязанова работу была в целом даже более благожелательной, чем Совета Союза РАД в его целом. Большинство членов последнего, во главе с председателем Союза А.С.Лаппо-Данилевским, сомневались в возможности осуществления архивной реформы до достижения успокоения в стране и, связывая данную реформу с созывом Всероссийского съезда архивных деятелей, с большим подозрением относились к совместной работе с представителями советской власти¹⁰⁴. Вообще, Союз РАД «превращался просто в кружок единомышленников без сил, полномочий и средств, переходивших к ЦКУА»¹⁰⁵ (Центральному комитету по управлению архивами), как со 2 апреля 1918 г., своего первого заседания, стал именоваться учрежденный 27 марта Центральный совет управления архивами. ЦКУА был не совсем тем органом, который был спроектирован на заседании Совета Союза РАД 27 марта. Председателем ЦКУА был избран Рязанов, товарищем председателя — С.Ф.Платонов, как представитель Петроградского археологического института, а председатель Союза РАД А.С.Лаппо-Данилевский стал рядовым членом ЦКУА¹⁰⁶. Начальник Синодальных Архива и Библиотеки К.Я.Здравомыслов стал одним из активнейших членов ЦКУА, принимавшим участие в разработке почти всех его проектов.

Заслушав информацию об учреждении Центрального совета управления архивами и в целом одобрив ее, Комиссия по описанию Синодального Архива в том же заседании 30 марта не преминула впервые вступить с новым органом в официальные деловые отношения по уже практическому вопросу. Был рассмотрен развернутый доклад члена Комиссии Ф.И.Виноградова об архиве Департамента по делам Православной Церкви (бывшей Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода). В докладе были затронуты вопросы научно-исторической ценности, состава и состояния архива, причем особенно была подчеркнута угроза архиву из-за расположения в здании Департамента новых учреждений. Комиссия приняла решение переместить данный архив в здание Синодального Архива, где уже была ранее сосредоточена часть этого архива, относящаяся к периоду до 1870 г. Об ассигновании средств на перевозку архива было решено ходатайствовать перед Центральным советом управления архивами и лично перед «уполномоченным Рязановым»¹⁰⁷. В середине мая ЦКУА, возглавляемый Рязановым, принял решение «уведомить Петросовет, что архив Департамента духовных дел остался без надзора, и ЦКУА берет его в свое ведение»¹⁰⁸.

Важно отметить, что перемещение названного архива Комиссия постановила осуществить «под руководством б[ывших] служащих Канцелярии» обер-прокурора Синода (в докладе Ф.И.Виноградова добавлено: «как то предполагается сделать в отношении архивов остальных центральных учреждений»¹⁰⁹). Это обусловлено не только тем, что часть документов и дел Канцелярии находилась в беспорядочном состоянии, а служащим Канцелярии, знакомым с ее делопроизводством, было проще упорядочить документы (в принципе привлечение бывших служащих учреждений к разбору архивов имело место и в других ведомствах), но и стремлением сохранить и сосредоточить при Архиве Синода лучшие силы бывшего духовного ведомства, что впоследствии выразилось в объединении в коллективе сотрудников бывшего Синодального Архива виднейших церковных деятелей, в первую очередь академических богословов, о чем более подробно будет сказано ниже.

Сотрудничество с ЦКУА оказалось весьма плодотворным, как и работа самого Комитета весной 1918 г. Уже 1 июня 1918 г. Совнарком РСФСР принял декрет «О реорганизации и централизации архивного дела», в соответствии с которым все архивы дореволюционных ведомств составили Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Управление ЕГАФ было возложено на Главное управление архивным делом (Главархив), формально являвшееся «особой частью» Народного комиссариата по просвещению (Наркомпроса) РСФСР¹¹⁰. Архив Святейшего Синода составил в структуре ЕГАФ 2-е петроградское отделение IV секции. К.Я.Здравомыслов, наряду с руководителями других ведомственных архивов (например, И.А.Блиновым из Сенатского архива, А.С.Николаевым из Архива Министерства народного просвещения), сохранил свой «портфель», став управляющим 2-м петроградским отделением IV секции ЕГАФ (в документах тех лет в скобках рядом с этим названием некоторое время зачастую писали «б[ывший] Архив Синода»). Благодаря вхождению в только что созданное советское архивное ведомство Здравомыслову удалось спасти не только сам Архив, но и сохранить его ценные кадры в лице сотрудников самого Архива и Комиссии по его описанию.

Участие Комиссии в разработке вопроса об охране и изучении церковных древностей на Поместном Соборе 1917–1918 гг.

В 1-й главе настоящей работы нами была рассмотрена история нереализованного проекта по преобразованию Комиссии по разбору и описанию в Архивно-археологическую комиссию при Синоде, которая объединяла бы в своем ведении заботу об охране и научной разработке всех памятников древности, принадлежавших духовному ведомству Империи. Проект так и не был осуществлен в связи с подготовкой в недрах Министерства внутренних дел общероссийского закона об охране древностей, который, кстати, тоже остался только проектом. На волне революции и работы Поместного Собора 1917–1918 гг. проект учреждения Архивно-археологической комиссии был вновь поднят на повестку дня и использован при подготовке на Соборе «Положения о Патриаршей палате

церковного искусства древностей», которое тоже, к сожалению, останется только в проекте.

Как видно из материалов предшествовавших Собору подготовительных рабочих органов, вопрос о церковных архивах или, более широко, об охране церковных памятников в них не ставился. Но когда в начале работы Первой сессии Собора (конец августа – начало сентября 1917 г.) стали формироваться Соборные Отделы, был организован также и VII Отдел, о работе которого в основном и пойдет речь в этом параграфе.

В рамках Отдела функционировал подотдел «о храме». О его деятельности известно не очень много, поскольку не сохранились протоколы его заседаний¹¹¹, хотя имеется определенное количество его документов (переписка, проекты и т. п.), отложившихся среди делопроизводства VII Отдела в фонде Поместного Собора 1917–1918 гг., кроме того, о деятельности подотдела «о храме» нам позволяют судить протоколы самого VII Отдела¹¹². Если говорить в двух словах, в названном подотделе сосредоточилась разработка проблем, связанных с охраной церковных древностей (в том числе и архивов) и развитием церковного искусства.

Подотдел «об архитектуре и живописи», учрежденный 5 сентября, почти сразу был переименован в подотдел «о храме», продолжая заниматься вопросами «благоукрашения храмов», т. е. современного церковного искусства, как мы это видим из заявления председателя VII Отдела архиепископа Вольнского Евлогия (Георгиевского) Секретарю Собора В.П.Шейну, относящегося примерно к середине октября 1917 г.¹¹³

Как бы то ни было, вопрос об охране церковных древностей не прошел мимо Собора. Не позднее 12 октября 1917 г., группа из 32 членов Собора внесла в Соборный Совет заявление о необходимости включения в программу работы Собора вопроса об охране и изучении памятников церковной старины¹¹⁴. В заявлении с удовлетворением отмечался опыт деятельности Архивной Комиссии при Св. Синоде, которая *de facto* долгое время занимала положение центрального органа по охране церковных древностей и развитию церковной археологии и архивного дела.

Вместе с тем, указывалось в заявлении, отсутствие развитой системы охраны и изучения церковных древностей может привести к необратимым последствиям: упоминалось о печально известном думском законопроекте об охране древностей 1912 г., а также о возмущении интеллигенции таким положением в деле охраны церковных древностей, вплоть до новых требований их изъятия из ведения Церкви.

В заключительной части заявления предлагалось включить оговоренную проблему в программу занятий Собора и внести вопрос о ней в один из Отделов или создать особый отдел. Авторы отмечали, что обсуждение данной проблемы и подготовка проекта постановления «благодаря имеющимся в распоряжении Архива Св[ятейшего] Синода и состоящей при нем архивной Комиссии подготовленным материалам будет весьма несложной и не потребует много времени»¹¹⁵.

Среди подписавших заявление были известный византист, археограф и историк канонического права профессор В.Н.Бенешевич¹¹⁶, секретарь Собора,

сенатор, член IV Госдумы В.П.Шейн¹¹⁷, доктор богословия, специалист по западным исповеданиям В.А.Керенский, историк А.В.Флоровский¹¹⁸, известный публицист и церковно-общественный деятель магистр богословия Н.Д.Кузнецов, историк Западной Руси, член Архивной Комиссии при Синоде профессор П.Н.Жукович¹¹⁹, академик Н.Н.Никольский¹²⁰, профессор И.М.Покровский¹²¹, известный востоковед профессор Б.А.Тураев (с 1918 г. — академик), магистр богословия Н.В.Малицкий (с 1918 г. — Владимирский Уполномоченный Глав-архива).

Содержание заявления, а также состав подписавших его лиц, значительную часть которых составляли представители интеллигенции и научного сообщества, говорят нам о том, что этот документ явился прямым продолжением той дискуссии о церковных древностях, которая особенно активно велась последние два десятилетия. Одним из ведущих участников этой дискуссии была Архивная Комиссия при Синоде. Необходимо отметить то, что время, когда над этими древностями нависнет новая большая угроза, наступит совсем скоро, менее чем через месяц (октябрьско-ноябрьские бои в Москве), и то, что этот вопрос вносится почти в самом начале работы Собора. Вскоре, на волне революционных беспорядков и безвременья, эта тема станет одной из самых актуальных, но церковная общественность в лице членов Собора все-таки заговорила об этом раньше, признавая данную проблему не менее важной, чем реорганизация других сторон церковной жизни. Следует отметить и то, что в заявлении памятники древности дифференцируются на «археологический и археографический материал»¹²², т. е., в современной терминологии, вещественные и письменные памятники.

Заявление было рассмотрено 20 сентября 1917 г. Соборным Советом, который постановил передать его в Отдел о богослужении, проповедничестве и храме¹²³. Постановление Совета Собор утвердил 23 октября¹²⁴.

Представители церковной общественности не зря обеспокоились судьбой церковных древностей именно тогда. С падением в России в марте 1917 г. монархии в обществе и государственных кругах вновь стали обсуждать вопросы, на которые ранее было фактически наложено табу, в том числе и вопрос о судьбе памятников древности. И Временное правительство, которое уже «предоставило Церкви доказательств своего видения возможных церковно-государственных отношений»¹²⁵, постановлением 20 июня 1917 г. изъяв в одностороннем порядке из ведения Синода в подчинение Министерства народного просвещения церковно-приходские школы, вряд ли остановилось бы перед изъятием всех церковных древностей в ведение какого-нибудь гражданского ведомства в случае неотложной постановки вопроса об этом на повестку дня.

Итак, Собор постановил передать вопрос об охране церковных древностей в VII Отдел 23 октября 1917 г.¹²⁶ Отдел рассмотрел это постановление 26 октября на своем 13-м заседании, на котором, собственно, в рамках Отдела и началась дискуссия о церковных древностях. Далее последовали сношения с такими уважаемыми в плане вопросов археологии и охраны древностей учреждениями, как Московское археологическое общество, Московский археологический институт,

Союз деятелей искусства. Представители этих организаций приняли участие в разработке проекта VII отдела.

Имя начальника Синодального Архива и делопроизводителя Комиссии по его описанию К.Я.Здравомыслова называлось среди тех, кого следовало пригласить к участию в разработке проекта соборного постановления о церковных древностях¹²⁷, однако 2 ноября Соборный Совет признал вызов Здравомыслова из Петрограда невозможным «за недостатком средств»¹²⁸. Таким образом, Комиссия по описанию Синодального Архива, внесшая немалый вклад в разработку вопроса о церковных древностях в начале XX в., отчасти выводилась за скобки этой дискуссии. В VII отделе изначально ставилась задача разработки самостоятельного, нового проекта «Палаты церковного искусства и древностей». Но все же наработки Комиссии были на определенном этапе использованы благодаря ее члену С.Г.Рункевичу, который поддерживал связь с членами Комиссии, в т. ч. с самим Здравомысловым. Кроме Рункевича в дискуссии по проблеме церковных древностей в Отделе приняли участие находившиеся в то время в Москве председатель Комиссии академик А.И.Соболевский (по приглашению) и член Комиссии П.Н.Жукович (как член Собора).

В расширенном заседании VII Отдела, состоявшемся 14 ноября, также приняли участие (по приглашению) А.М.Васнецов, А.А.Захаров, З.И.Иванов, И.П.Машков, С.Д.Милорадович (представители МАО), В.М.Васнецов, М.В.Нестеров и А.В.Щусев (представители Совета по делам искусств)¹²⁹.

Председатель Архивной Комиссии при Синоде академик А.И.Соболевский указал присутствовавшим на желательность обращения к проекту 1908–1909 гг. о создании Архивно-Археологической Комиссии при Синоде и Церковно-Археологических Комитетов в каждой епархии, который так и не был реализован из-за бюрократических проволочек. Член Комиссии проф. Жукович отметил, что при разработке проектов устройства будущего высшего учреждения для охраны памятников церковной старины *«нужно в равной мере иметь в виду оба основных разряда этих памятников — вещественные и письменные»*¹³⁰, поскольку, как показалось Жуковичу, это недостаточно четко отмечалось другими выступавшими.

Итогом заседания стало резюме из двух пунктов, сделанное председателем Отдела, «о праве Церкви 1) владеть и заведовать предметами церковной старины и 2) организовать для этой цели специальное учреждение при Высшем Церковном Управлении»¹³¹.

На заседании VII Отдела 22 ноября член Отдела С.Г.Рункевич и академик Соболевский сделали «краткий исторический очерк мероприятий в архивно-археологической области за последний период синодального управления»¹³², изложив, кроме прочего, содержание проекта 1908–1909 гг. Рункевич, вслед за присутствовавшим на заседании художником А.М.Васнецовым, также подчеркивал необходимость сотрудничества с государством в обсуждаемом вопросе, отметив, что дело охраны памятников неизбежно потребует государственных ассигнований¹³³. Отталкиваясь от проблемы ассигнований, он высказался за необходимость объединения двух направлений (церковного искусства и охраны

церковных древностей) в едином учреждении на местах, допуская их разделение лишь в центре¹³⁴.

С.Г.Рункевич предпринял попытку реанимировать проект об Архивно-археологической комиссии и Церковно-археологических комитетах 1908–1909 гг., и, несколько его модифицировав применительно к новым историческим условиям, провести в качестве предполагаемого положения об охране и изучении памятников церковного искусства и древностей.

Хотя на протяжении всей первой сессии Собора вопрос о церковных древностях так и не был вынесен на Общее (пленарное) заседание, тем не менее необходимо отметить, что еще 29 октября 1917 г. архиепископ Евлогий докладывал об этом Совещанию Епископов, которое постановило «признать необходимым образовать при Св[ятейшем] Синоде особую организацию, имеющую права юридического лица и обязанную сосредоточивать у себя и ведать все дела по сохранению церковных древностей, рукописей и памятников церковного искусства, и о настоящем постановлении довести до сведения Св[ятейшего] Синода»¹³⁵.

По факту этого постановления Св. Синоду¹³⁶ в начале ноября докладывал Секретарь Совещания Епископов Епископ Туркестанский Иннокентий (Пустынский), после чего Синод поручил Помощнику Управляющего Синодальной Канцелярией доктору церковной истории С.Г.Рункевичу «собрать по настоящему делу сведения во Всероссийском Союзе Архивистов¹³⁷ и Архивной Комиссии и свои соображения представить Святейшему Синоду»¹³⁸.

14 декабря Рункевич представил на заседании Святейшего Синода свой доклад-отчет об этом поручении¹³⁹. В докладе говорилось, что из-за забастовки служащих правительственных учреждений, совпавшей по времени с поездкой Рункевича в Петроград, никаких заседаний по порученному ему делу провести не удалось, хотя состоялся ряд встреч с представителями археологии и архивоведения (в докладе, к сожалению, не сказано, с кем именно). В результате было «признано наиболее целесообразным утвердить и обратиться к осуществлению выработанный еще в 1909 году» проект об Архивно-археологической комиссии и сети Церковно-археологических комитетов, согласовав его с новыми научными наработками и обстоятельствами последнего времени. Переработав проект, Рункевич сообщил об этом академику А.И.Соболевскому, который сделал к нему «некоторые дополнения в соответствии с бывшими в подотделе (о храме. — *Авт.*) суждениями»¹⁴⁰.

Модифицированный таким образом проект С.Г.Рункевич и представил на заседании Святейшего Синода, который постановил переслать его в VII Отдел Собора¹⁴¹. 29 декабря Соборный Совет распорядился огласить это постановление на Соборе¹⁴², но поскольку в работе последнего в это время был межсессионный период, Общее собрание приняло решение по этому вопросу лишь 22 января/ 4 февраля 1918 г.¹⁴³

На наш взгляд, небезынтересно рассмотреть проект С.Г.Рункевича, отметив основные его отличия от проекта 1908–1909 гг.

Во-первых, С.Г.Рункевич объединил прежние «Правила Высочайше утвержденной Архивно-Археологической Комиссии при Св. Синоде» и «Поло-

жение о Церковно-Археологических Комитетах» (ЦАК) в единый документ с названием «Положение об Архивно-Археологической Комиссии при Святейшем Синоде и Епархиальных Церковно-Археологических Комитетах»¹⁴⁴, хотя такое объединение само по себе не вносило изменений в содержание, не была установлена даже сквозная, общая нумерация статей для обеих частей документа.

Во-вторых, из текста полностью исключены упоминания об обер-прокуроре Синода, поскольку 5 августа 1917 г., когда было учреждено Министерство Исповеданий, эта должность была упразднена. Теперь слово «обер-прокурор» или исключалось совсем, или заменялось на «Св. Синод». Например, по новому проекту непосредственно Синод, а не обер-прокурор утверждал членов Комиссии, а также предлагал вопросы на ее рассмотрение (Часть I. Архивно-Археологическая Комиссия при Святейшем Синоде. П. 3, 11-г)¹⁴⁵.

В-третьих, к двум прежним отделениям (архивному и археологическому) добавилось третье — художественное (Ч. I. П. 1, 14). Это прямое следствие дискуссий VII Отдела, предложено самим А.И.Соболевским. Соответственно, к предметам ведения Комиссии относились теперь и вопросы, связанные с современным церковным искусством, а в состав Комиссии и ЦАКов должны были войти также специалисты по церковному искусству (Ч. I. П. 2; Ч. II. П. 7).

В проекте определялся круг учреждений, представители которых должны были войти в состав Комиссии: «от Академии художеств, Петроградского и Московского Археологических институтов, Русского Археологического общества, *Союза архивных деятелей* (курсив мой. — *Авт.*), Обществ архитекторов и художников» (Ч. I. П. 2)¹⁴⁶. Таким образом, новый проект С.Г.Рункевича, который, кстати, сам являлся членом Союза Российских архивных деятелей (РАД), предполагал сотрудничество проектируемого церковного органа по охране и изучению древностей с ведущими научными и общественными организациями в этой сфере.

Кроме того, была более четко прописана зависимость архивно-археологических учреждений от соответствующих церковных органов. Например, было оговорено, что «На описание и исследование [памятников древности. — *Авт.*] испрашивается разрешение Св. Синода или епархиальных пресвященных, по принадлежности» (Ч. I. П. 7; ср. Ч. II. П. 23)¹⁴⁷, а члены Епархиальных церковно-археологических комитетов и их отделов теперь должны были избираться «с согласия почетного председателя» (Ч. II. П. 7)¹⁴⁸, которым по должности являлся местный епархиальный архиерей (Ч. II. П. 5). Заседания Комитета или отдела, по новому проекту, созывались самим почетным председателем или, по его благословию, председателем (Ч. II. П. 20).

Но это делалось не для того, чтобы как-то зажать общественную («мирянскую») инициативу в этой сфере: это было бы бессмысленно в ситуации, когда Собор, напротив, подчеркивал и поощрял общественную инициативу и принципы самоуправления в своих постановлениях по различным вопросам церковной жизни. На наш взгляд, эти положения проводились, наоборот, для того, чтобы скоординировать и объединить (во избежание несогласованности и возможных

столкновений) действия духовенства и органов церковного управления, с одной стороны, и общественности, с другой, в таком важном деле, как охрана и изучение древностей.

Также в обновленном проекте был существенно ограничен круг лиц, которые в экстренных («не терпящих отлагательства») случаях могут созывать заседания Комитета или самостоятельно делать те или иные распоряжения в отношении памятников искусства и древности: если раньше этим правом предполагалось наделить всех членов Комитета, то теперь — только председателя и его товарища (заместителя) (Ч. II. П. 20, 22). Для понимания причин внесения данной поправки необходимо помнить, что она была внесена человеком, не понаслышке знакомым с новыми проблемами церковной жизни, возникшими в революционном 1917 г. Имеется в виду явление, которое уже во время второй сессии Собора чаще называлось «церковным большевизмом»¹⁴⁹.

Под этим выражением в те революционные годы понимались беспорядки внутри самой Церкви, когда младшие клирики и миряне восстают против архиереев, а приходские советы идут на сотрудничество с представителями новой власти, априорно настроенной против Церкви, для осуществления своих групповых или даже индивидуальных интересов. Весной 1917 г. неоднократно имели место случаи, когда решение, принятое большинством членов епархиального собрания, вносило большую смуту в жизнь местной церкви или даже парализовывало ее нормальное течение (смещение епископа, увольнение чиновников духовной консистории, реквизиция консисторского архива и т. п.).

Нестроения особенно усилились после прихода к власти большевиков и опубликования ими в январе 1918 г. декрета об отделении Церкви от государства. 6/19 апреля 1918 г. Собор откликнулся на эти плачевные обстоятельства, приняв определение «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни», в котором устанавливались наказания для священнослужителей и мирян, вносящих смуту в местную церковную жизнь, вплоть до лишения сана и монашества и отлучения от Церкви¹⁵⁰.

Инициатором издания такого документа выступила группа из 87 членов Собора, которые в своем заявлении по этому поводу, кроме всего прочего, отмечали следующее: «Недавно произошедшие захваты консисторий, опечатание и отображение бракоразводных дел и метрических книг, самочинные роспуски членов консисторий для захвата всей власти и всего делопроизводства революционными епархиальными советами в нескольких епархиях совершились не только при помощи пастырей-предателей и диаконов, но совершенно открыто по поручению комиссаров теми священнослужителями, которые состоят членами исполнительного комитета и получают за это большие оклады»¹⁵¹.

Отсюда понятно, почему проект Рункевича не наделял правом самостоятельного принятия решений всех членов ЦАКов: здесь вопрос стоял уже не только о консисторских архивах и делопроизводстве, но вообще обо всех памятниках церковного искусства и древности, значительная доля которых была представлена предметами, имевшими большую материальную ценность даже в сознании обывателей.

Необходимо отметить еще одно новшество, внесенное Рункевичем в проект: Археологическое отделение Архивно-археологической комиссии теперь наделялась правом решать вопросы, связанные с восстановлением (т. е. реставрацией) памятников искусства и древности (Ч. I. П. 13), чего не было в проекте 1908–1909 гг. Это прямое следствие дискуссий, имевших место в VII Отделе Собора, когда в заседании 22 ноября прозвучало замечание «о неполноте устава, который не касается весьма важных вопросов зодчества, поновления и реставрации, подлежащих разрешению лишь высшей Властью»¹⁵²: существовавшие до революции на местах церковно-археологические учреждения и их отделы таким правом не наделялись.

Другая поправка, внесенная Рункевичем, относится непосредственно к вопросам архивного дела и свидетельствует о наработке Синодальной архивной комиссией, активнейшим членом которой был Рункевич, определенного архивоведческого опыта: если в прежнем проекте говорилось, помимо постоянных издательских проектов Комиссии, об описании «дел и документов архивов отдельных учреждений, находящихся в Архиве Св[ятейшего] Синода»¹⁵³, то теперь это выражение звучало более развернуто: «описание дел и документов и краткие описи, с указателями, к делам архивов отдельных учреждений, находящихся в Архиве Св[ятейшего] Синода» (Ч. I. П. 12)¹⁵⁴.

Инвентарные (краткие) описи совсем скоро в советском архивоведении станут основой всего научно-справочного аппарата, а зачастую и единственным справочным пособием к документам некоторых фондов, поскольку более развернутое описание документов и дел требует значительных, в первую очередь временных, затрат для своего осуществления. В Синодальном Архиве, сотрудники которого изначально ставили себе задачей подробное, развернутое описание документов и дел, к такому выводу пришли уже в начале XX в. С.Г.Рункевич считал необходимым отразить эту существенную наработку в проекте положения, которое, в том числе, должно было лечь в основу централизованной архивной системы Русской Православной Церкви.

До сих пор мы говорили о том, что нового было в проекте, модифицированном С.Г.Рункевичем. Теперь необходимо сказать о том, чего не было в проекте. А именно, на наш взгляд, кажется странным, почему Рункевич не внес в проект юридические замечания, выработанные в ходе дискуссий по этому вопросу в VII Отделе Собора и касавшиеся предметов церковного искусства и древностей, в том числе права собственности на них. Однако вопрос состоял в том, какие церковные органы наделить правом собственности на эти предметы (Церковь в целом, епархии или даже отдельные приходы). Поскольку этот вопрос еще не был достаточно глубоко разработан Собором, С.Г.Рункевич решил избежать его изложения в переработанном им проекте, присоединившись к мнению лиц, считавших необходимым, в первую очередь, путем объединения научной и культурной общественности образовать сам орган по охране церковного искусства и древностей, который уже и будет решать юридические и иные вопросы.

Важно отметить, что С.Г.Рункевич обратился со своим докладом и проектом не в соборный Отдел, а непосредственно к Святейшему Синоду: в VII Отделе хотя

и знали о проекте 1908–1909 гг., но уже начали разрабатывать новое положение о Патриаршей Палате церковного искусства и древности. Такой поворот событий не мог не задеть С.Г.Рункевича, члена Синодальной Архивной Комиссии, который был причастен к разработке и первого проекта 1908–1909 гг. Комиссия, которая в последние десятилетия перед Собором сделала немало для охраны и изучения не только архивов, но и древностей вообще, как бы отодвигалась на второй план: в дальнейшем VII Отдел как бы «не заметит» проект Рункевича, продолжив дискуссии о создании Палаты.

Этому способствовало также и то, что деятельность Комиссии протекала в Петрограде, при Архиве Синода, начальник которого был делопроизводителем Комиссии, а Высшее церковное управление уже окончательно, с восстановлением в ноябре 1917 г. патриаршества, обосновалось в Москве. Вскоре сюда же переместится и столица государства, а научный потенциал петроградской исторической и архивоведческой школы останется во многом нереализованным¹⁵⁵, сама школа в 1920-е гг. стараниями руководства Центрархива во главе с М.Н.Покровским все более будет отодвигаться на задворки советской научной и культурной жизни, пока не будет окончательно разгромлена на рубеже 1920–1930-х гг. Кстати, представителями этой научной школы были и ученые, группировавшиеся вокруг Архива Синода и Комиссии при нем, во главе с начальником Архива и делопроизводителем Комиссии К.Я.Здравомысловым. Таким образом, не случайно проект Комиссии, переданный Синодом в VII Отдел Собора, был как бы проигнорирован последним: это было еще одним свидетельством того, что теперь «порфиноносной вдовой» постепенно становилась Северная Столица.

Подробное рассмотрение процесса разработки положения о «Патриаршей палате церковного искусства и древностей» не входит в задачи настоящей работы. Тем не менее, необходимо отметить, что Собор так и не успел обсудить вынесенные на его пленум: ни краткий доклад из трех пунктов положения, которые Отдел счел необходимым как можно скорее провести через Общее собрание Собора¹⁵⁶, ни развернутый, подготовленный специальной комиссией и утвержденный Отделом¹⁵⁷. После закрытия Собора оба доклада были переданы на «благоусмотрение Высшего Церковного Управления»¹⁵⁸, которое, из-за начавшихся притеснений со стороны властей, также не смогло реализовать их.

* * *

Таким образом, несмотря на то, что в кулуарах Собора 1917–1918 гг. состоялась весьма ценная и плодотворная дискуссия по проблеме церковных древностей (в т. ч. архивов), тем не менее, в силу отмеченных обстоятельств, она не дала практических результатов, оставив лишь результаты теоретические в виде сохранившихся документов, из которых мы и теперь можем черпать безусловно ценные, но, к сожалению, не реализованные идеи и наработки соборян и других видных представителей Русской Церкви тех лет. Более практический результат имела работа, проведенная синодальными архивистами, оставшимися в Петрограде. Она позволила, ценой подчинения советскому

архивному ведомству, сохранить и сам Архив Синода, и, хотя на некоторое время, ценные кадры церковных архивистов (и даже, как мы покажем в следующей главе, продолжить их практическую работу). Для тех переломных лет (революция, гражданская война, потрясения начала 1920-х гг., гонения на Церковь) это весьма значимо.

Глава 3 В СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОГО ВЕДОМСТВА. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ РАБОТЫ КОМИССИИ (1918–1923 гг.)

Деятельность Комиссии и ее участие в архивной жизни Петрограда в 1918–1923 гг.

Следующее (после 18 марта), а именно 161-е заседание Комиссии состоялось только 26 августа 1918 г., когда Архив Св. Синода уже был преобразован во 2-е петроградское отделение IV секции ЕГАФ. Несмотря на это в протоколе заседания 26 августа Комиссия пока по-прежнему названа «Комиссией по описанию Архива Святейшего Синода»¹⁵⁹.

Самое важное, что произошло на данном заседании, это единогласное избрание в члены Комиссии всеми присутствующими на заседании правителя дел Археографической комиссии, магистра русской истории Василия Григорьевича Дружинина. Под запиской о предложении избрания Дружинина подписались С.Ф.Платонов, К.Я.Здравомыслов, К.Виноградов, Н.А.Соколов, П.Лукьянов, Б.Н.Жукович, Н.И.Сергеев¹⁶⁰. После этого Комиссия сразу же постановила просить В.Г.Дружинина «принять на себя временно обязанности заместителя безвестно отсутствующего председателя Комиссии академика А.И.Соболевского»¹⁶¹, пребывавшего в это время в Москве.

Выписка данного постановления из протокола Комиссии была направлена на утверждение митрополита Петроградского Вениамина. Данный факт следует особо подчеркнуть, поскольку Комиссия фактически состояла в ведомстве такого советского государственного учреждения, как Главное управление архивным делом (далее — Главархив), учрежденного в июне 1918 г. для руководства ЕГАФ, частью которого тогда же стал и Архив Синода. Более того, руководившие работой Комиссии уже были советскими служащими ведомства ГУАД: бывший директор Синодального Архива К.Я.Здравомыслов — заведующим 2 петроградским отделением IV секции ЕГАФ, а фактический на тот момент председатель Комиссии профессор С.Ф.Платонов — заместителем заведующего Главархивом (впоследствии, после перемещения руководства Главархива в Москву, заместителем по Петроградскому отделению Главархива).

Обращение членов Комиссии к Петроградскому митрополиту, представителю Высшего церковного управления (далее — ВЦУ) в Петрограде, очень важно для характеристики взглядов этих ученых на свою работу, ее цели и задачи. Даже войдя в состав советского ведомства и даже несмотря на отделение Церкви

от государства, они продолжали ощущать себя все же *церковными* архивистами, которые занимаются концентрированием, хранением и научной разработкой не просто каких-то архивных документов, а именно церковных. Церковь продолжала существовать, Высшее церковное управление тоже продолжало существовать, хотя уже не в виде Святейшего Правительствующего Синода, а в лице Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета, и не в Петрограде, где остался Архив Святейшего Синода, а в Москве. И все же это была высшая власть той же Православной Российской Церкви, поэтому церковные архивисты не видели свою работу в отрыве от нее. Возникает уникальная ситуация, когда сотрудники бывшего церковного архива, по форме ставшие советскими служащими, по духу останутся церковными людьми. И еще в течение ряда лет, пока в результате начавшейся с начала 1920-х гг. после смены руководства Главархива «политизации архивов» не начнутся чистки архивных кадров, будет сохраняться такая уникальная ситуация: данные архивные работники будут продолжать ощущать себя одновременно и государственными, и церковными архивистами. Они будут продолжать обращаться к высшей церковной власти по вопросам, требующим благословения священноначалия (среди документов, отложившихся в деятельности 2-го отделения IV секции ЕГАФ, нам удалось обнаружить ряд бумаг с автографами св. Патриарха Тихона и других церковных деятелей тех лет).

Итак, выписка из протокола Комиссии легла на стол будущего священномученика митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина, который оставил на ней следующую резолюцию: «1918. Авг. 22 — 4 сент. Благословляю В.Г.Дружинина на предстоящие ему труды по настоящему избранию. Митроп[олит] Вениамин»¹⁶². Кроме того, петроградский святитель тогда же удостоил нового председателя Комиссии личного приема и благословения, о чем Дружинин рассказал на ближайшем (162-м) заседании Комиссии (первым под его председательством), состоявшемся 1 ноября 1918 г.¹⁶³ Немаловажно отметить, что в заголовке протокола данного заседания уже приводится название «Комиссия по описанию документов и дел 2 отделения IV секции Государственного архивного фонда».

В делопроизводстве Комиссии также отложилось отношение Канцелярии Высшего Церковного Совета от 24 марта 1919 г., в котором говорится о пересылке «для присоединения к журналам Архивной Комиссии» копий «постановления об увольнении академика А.И.Соболевского от должности председателя означенной Комиссии и Патриаршей благословенной ему грамоты»¹⁶⁴ (помимо преподания благословенной грамоты, ВЦУ просило Соболевского принимать участие в дальнейших трудах Комиссии по возможности¹⁶⁵).

Интересно здесь больше всего не то, что данное отношение было послано в ответ на письмо Здравомыслова и копии документов ВЦУ пересылаются фактически советскому служащему, а то, как в данном отношении поименована должность Здравомыслова: «Начальнику Архива и Библиотеки при Высшем Церковном Управлении». Т. е. даже спустя более года после отделения Церкви от государства церковное управление продолжало рассматривать бывшие

Синодальные Архив и Библиотеку в качестве «своего» учреждения, заменив лишь обозначение принадлежности («при Высшем Церковном Управлении», а не Святейшего Синода). Данное постановление ВЦУ (а именно, Соединенного присутствия Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета) «от 13–26 сентября 1918 года за №347 об увольнении академика А.И.Соболевского по прошению от должности председателя Комиссии по описанию документов и дел Архива С[вятейшего] Синода» самой Комиссии удалось заслушать лишь два года спустя, на 164-м заседании 31 декабря 1920 г.¹⁶⁶ Причем в протоколе указано, что оно было получено «частным образом», т. е. неофициально, а иначе и быть не могло в условиях отделения Церкви от государства, в соответствии с которым ни одно церковное учреждение не обладало правами юридического лица (тем более органы церковного управления, которые де-юре вообще никак новой властью не признавались, в отличие от местных общин верующих). Тем не менее «неофициальная» бумага стала основой для вполне официального протокольного решения Комиссии: отставка академика А.И.Соболевского была принята Комиссией, а в качестве председателя ее был утвержден В.Г.Дружинин.

Последний председатель Комиссии Василий Григорьевич Дружинин (1859–1937) — историк церковного раскола, археограф, палеограф, член-корреспондент Российской академии наук (1920). «Крупнейший собиратель памятников по истории старообрядчества. До тысячи раскольничьих рукописей передал он из своей библиотеки в Библиотеку АН¹⁶⁷. Собирал и другие поморские рукописи, а также русские запрещенные книги или издания, покалеченные цензурой; еще — все собрания актов, комплекты исторических журналов... Владел богатейшим архивом своего дяди, писателя А.В.Дружинина. Будучи по преимуществу церковным историком, занимался еще историей донского казачества. Был когда-то очень богат. Перед мировой войной продал свои Уральские рудники. Собирачество поглощало деньги. Роскошный особняк, старинную мебель и даже собрание запрещенных книг пришлось продать. Четверть века состоял ученым секретарем Археографической комиссии, занимавшейся собиранием, описанием и изданием документальных источников русской истории; был также ее вице-президентом. Когда комиссия переехала на Васильевский, Дружинин получил казенную квартиру; в ней комиссия и заседала, а члены ее свободно пользовались библиотекой хозяина (она помещалась в пятидесяти шкафах)»¹⁶⁸ (впоследствии библиотека Дружинина была реквизирована советской властью в пользу Археографической комиссии)... Закончил Петербургский университет в 1888 г. В 1889 г., защитив диссертацию на тему «Раскол на Дону в конце 17 в.», получил степень магистра. «На основании своего книжного собрания в 1912 г. он составил знаменитый справочник-указатель «Писания русских старообрядцев», который, хотя и не лишен ошибок, до сих пор является настольной книгой и в доме старообрядца, и в кабинете ученого. Дружинину принадлежит честь первого серьезного исследования старообрядческого медного литья, собирателем и знатоком которого он был. К сожалению, его работы, написанные о поморском литье, не

опубликованы, а рукопись утрачена»¹⁶⁹. Секретарь Русского археологического общества (в 1889–1896 гг.), член Археографической комиссии (с 1896 г.; с 1903 г. — правитель дел, с 1921 г. — заместитель председателя Комиссии), Комитета попечительства о русской иконописи (1903–1918 гг.). В апреле 1918 г. избран в Совет Союза РАД¹⁷⁰. В 1929 г. проходил по «академическому делу», исключен из Академии наук, арестовывался в декабре 1929 г. и в июне 1930 г. В 1932–1935 гг. в ссылке в Ростове (Ярославском). При возвращении в 1937 г. из ссылки в Ленинград пропал без вести¹⁷¹.

Но вернемся к работе Комиссии в эти нелегкие пореволюционные годы. В протоколе заседания 26 августа 1918 г. охарактеризован состав Комиссии на тот момент: 4 профессора, 3 преподавателя высших учебных заведений, 2 протоирея и остальные — чиновники бывшего ведомства православного исповедания (всего 27 человек). «Кроме того, 10 человек работают по описанию Архива, не состоя членами Комиссии». Такой состав Комиссии в протоколе объясняется тем, что ее сотрудниками ранее становились «большою частию лица, нуждавшиеся в денежных средствах», так как за работу по описанию получалось вознаграждение за каждый напечатанный лист. Размер гонорара был по тем временам небольшой (40–50 рублей/лист — «совершенно несоответствующий дороговизне жизни последнего времени»), со временем многие сотрудники или начинали работать вяло, или вовсе прекращали работу, видимо, найдя более стабильный заработок. Добавившееся к этому сильное подорожание типографских работ совершенно остановило деятельность «членов Комиссии буквально на полуслове»¹⁷². В таком состоянии работа находилась более года, с межреволюционных месяцев 1917 г. Далее в протоколе дается информация о подготовке 13, 17, 24, 25, 27, 30, 33, 35–38, 40–49, 51–57 томов «Описания документов и дел, хранящихся в Архиве Св. Синода» (составление многих томов уже было практически закончено, а часть материалов — даже набрана в типографиях), томов ПСПиР за 1801–1894 гг. (за царствования императоров: Александра I — находился у редактора и был почти готов к печати; Николая I — 1 том напечатан, 2 том был сдан в Комиссию и готов к печати, 3 том составлялся; Александра II — составлялся; и Александра III — был передан в Комиссию, готов к печати) и 3 тома «Описания Архива бывших Греко-униатских митрополитов» (был окончен и частично напечатан в типографии)¹⁷³.

В протоколе состояние работ резюмировано следующим образом: «4 тома близки к окончанию печатанием; 9 томов печатается в 3-х типографиях; 5 томов окончены составлением и ожидают напечатания; 8 томов составляются и 8 томов, за отказом составителей, подлежат передаче другим лицам»¹⁷⁴. Также в протоколе отмечена опасность гибели части напечатанных материалов в бывшей Синодальной Типографии, которая предлагала их выкупить за 1000 рублей и вывезти, в противном случае, из-за нехватки помещений, угрожая переработать их на бумажной фабрике. На время острота этого вопроса была снята «благодаря распоряжению Главного Управления Архивным Делом».

Члены Комиссии действительно питали большие надежды на возобновление изданий и содействие в этом Главархива. Так, среди материалов работы Ко-

миссии отложилось письмо К.Я.Здравомыслову новоначенного председателя Комиссии В.Г.Дружинина (от 31 октября 1918 г.), который указывает об обещании С.Ф.Платонова присутствовать на предстоящем заседании и предлагает в этой связи «составить постановление об исходатайствовании... средств» от Главвархива на издательские работы. Неизвестно, присутствовал ли на заседании 1 ноября 1918 г. С.Ф.Платонов (его подписи под протоколом нет), тем не менее Комиссия в этот день, вновь выразив надежду на продолжение печатания своих трудов, постановила снестись с занимавшимися печатанием типографиями, а также просить Главвархив о содействии в напечатании. О том, что надежды на продолжение издания подготовленных материалов еще были крепки, свидетельствует приведенная в протоколе подробная смета на оплату работ¹⁷⁵. 9 декабря предполагалось провести еще одно заседание Комиссии «для распределения гонорара за труды» ее членов, но оно было отменено¹⁷⁶.

На следующем (163-м) заседании Комиссии 25 декабря 1918 г. было решено на время отложить проведение в жизнь постановления прошлого заседания о напечатании трудов Комиссии до разрешения общего вопроса о продолжении издательской деятельности всех отделений секций ЕГАФ, поставленного в это время на повестке дня Главвархива¹⁷⁷. Весьма радостной вестью для членов Комиссии стала новость об исходатайствовании Академией наук из казны на оплату гонорара членов Комиссии «обычных» 4 тысяч рублей. Хотя фактически на тот момент была получена лишь половина суммы (за первое полугодие 1918 г., и то с вычетом 148 рублей 85 копеек «по случаю перехода... на новый стиль»), Комиссия поспешила распределить сразу всю сумму (3851 рубль 15 копеек) между следующими своими членами: С.П.Соколовым, П.В.Корниловым, М.Ф.Глаголевым, Н.М.Лавровским, протоиереем К.П.Виноградовым, Б.Н.Жуковичем, Ф.И.Виноградовым, Н.В.Туберозовым и К.Я.Здравомысловым. Хотя Комиссия и определила произвести выдачу этих денег, тем не менее нам не удалось найти документы, подтверждающие получение Комиссией второй половины суммы¹⁷⁸. Таким образом, никаких практических шагов по продвижению издания трудов Комиссии в 1918 г. сделать не удалось.

Протоколы Комиссии свидетельствуют о двухгодичном перерыве в ее заседаниях: в 164-й раз она собралась лишь 31 декабря 1920 г. В протоколе данного заседания зафиксирована наверняка шокировавшая членов Комиссии информация об уничтожении (продаже «на обертку») хранившихся в 3-й Государственной (бывшей Синодальной) типографии несфальцованных изданий, среди которых были и труды Комиссии, как уже вышедшие в свет, так и не законченные печатанием. Часть изданий, а именно 17 и 45 тома «Описания документов и дел», удалось спасти, перевезя в помещение Комиссии. Протокол сообщает о попытках спасти некоторые тома печатных трудов Комиссии, а также другие издания по церковно-исторической тематике: их предполагалось перевезти в помещение Комиссии, а затем распределить между служащими учреждений ЕГАФ по списку, подлежащему утверждению заместителя заведующего Главвархивом¹⁷⁹.

Все же часть изданий Комиссии удалось спасти и не все невышедшие в свет труды Комиссии погибли безвозвратно. Так, в отделе научно-справочного

аппарата Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге среди описей фонда 796 (Канцелярия Святейшего Синода) можно обнаружить некоторые невышедшие в свет материалы «Описания документов и дел», подготовленные Комиссией. Однако даже некоторые в целом подготовленные и хранившиеся в послереволюционные годы в Комиссии труды в наши дни не удается обнаружить.

Такая судьба постигла, например, 3-й том «Описания архива западнорусских униатских митрополитов», который был полностью составлен Б.Н.Жуковичем и частично отпечатан. Хотя отпечатанные листы и были проданы среди других материалов, хранившихся в 3-й Государственной типографии, «на обертку», все же у Комиссии в 1920 г. имелся оригинал¹⁸⁰. Однако его поиски современным исследователем магистром богословия Минской духовной академии Г.Э.Щегловым не увенчались успехом¹⁸¹. Более того, в советское время часть фонда греко-униатских митрополитов (РГИА, Ф. 823), подпавшая под описание Б.Н.Жуковича, была существенно реорганизована: часть документов вошла в состав дел, учтенных в 1 и 2 томах «Описания архива западнорусских униатских митрополитов» (изданы еще в 1897 и 1907 гг. С.Г.Рункевичем), т. е. входящих в нынешние описи 1 и 2 данного фонда, а оставшиеся после этого документы составили отдельную опись №3. Таким образом, даже в случае обнаружения составленного Жуковичем «Описания» его практически нельзя будет использовать в качестве поискового справочника, хотя оно было бы безусловно ценно в научном отношении и было бы ценным вспомогательным средством при изучении такого интересного комплекса документов, как униатский архив.

Таким образом, Комиссии не удалось продолжить издание своих трудов, которое остановилось еще до революции, составив 56 томов публикаций, увидевших свет. Среди бумаг Комиссии сохранился так и не осуществленный «Общий план издательской деятельности 2 отделения IV секции Государственного архивного фонда» первых пореволюционных лет. Из данного документа видно, что Комиссия не только желала завершить издание «Описания документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Синода» (т. е. Синодальной Канцелярии) за XVIII в., «Описания Архива западнорусских униатских митрополитов» (3-й том) и ПСПиР за XVIII — начала XX вв. (до 1917 г.), но также подготовить и опубликовать 50 томов «Описания общего обер-прокурорского архива и секретного с перепиской обер-прокуроров Д.А.Толстого, К.П.Победоносцева и др.» и 20 томов описаний архивов Петроградской духовной консистории, управлений военным и придворным духовенством¹⁸².

Хотя тяжелые условия первых послереволюционных лет и не позволили Комиссии возобновить издание своих трудов, тем не менее сам факт ее существования и заложенные ею еще в дореволюционные годы традиции связанного с церковными архивами научного сотрудничества позволили в эти сложные годы собрать вокруг бывшего Синодального Архива, а тогда 2 петроградского отделения IV секции ЕГАФ, плеяду прекрасных ученых, много сделавших для спасения церковных архивов, их концентрации в хранилищах ЕГАФ и даже, на-

сколько позволяли условия тех лет, начала разработки этих материалов (хотя бы на уровне инвентарного описания). Так, на заседании Комиссии 31 декабря 1920 г. был пересмотрен ее состав. Из него были исключены лица, не принимавшие более трех лет участия в трудах Комиссии. Кроме того, в Комиссию были приняты новые члены — сотрудники 2 отделения IV секции ЕГАФ в звании профессора, начавшие свою работу под началом К.Я.Здравомыслова уже в годы советской власти: И.Д.Андреев, А.И.Бриллиантов, А.А.Бронзов, Н.Н.Глубоковский, И.А.Карабинов, П.С.Смирнов, Б.В.Титлинов, протоиереи В.М.Верюжский и П.И.Лепорский. Эти имена известных академических профессоров, богословов и церковных историков не нуждаются в отдельном представлении и пояснениях. Кроме того, в состав Комиссии были включены историки: профессор Петроградского университета М.Д.Приселков (он изучил издания Комиссии и дал о них отзыв, видимо, для Главархива) и В.И.Яцкевич (как бывший директор Канцелярии обер-прокурора Синода и знаток ее архива, на тот момент полностью включенного в состав 2 отделения). Всего в состав Комиссии на конец 1920 г. входило 27 членов¹⁸³.

Благодаря трудам этих новых членов Комиссии, а также других сотрудников 2-го петроградского отделения IV секции ЕГАФ, не имевших профессорского звания (среди них — отец будущего митрополита Крутицкого Николая протоиерей Д.Ф.Ярушевич, бывший протопресвитер придворного духовенства А.Дернов, протоиерей Ф.Д.Филоненко и др.), в отделении удалось сконцентрировать (фактически спасти от гибели) и обработать следующие церковные архивы Петрограда: Канцелярии заведующего придворным духовенством, Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства, Петербургской Синодальной типографии, Училищного совета при Синоде и др. Эти архивные фонды и поныне хранятся в РГИА. Также в состав 2-го отделения IV секции ЕГАФ в эти годы были включены архивы Петроградской духовной консистории и Петроградской духовной академии. Однако в 1926 г. консисторский архив пришлось передать в местный региональный архив (ныне — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга), как и архив Духовной академии. Личные же архивы некоторых профессоров Академии в итоге поступили на хранение в Публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека)¹⁸⁴.

Помимо этих, безусловно, важных трудов, плоды которых мы можем пожинать и в наши дни благодаря возможности пользоваться сохраненными в те лихие годы бесценными архивными сокровищами церковного происхождения, церковные архивисты, собравшиеся во 2-м петроградском отделении IV секции ЕГАФ и Комиссии описанию его материалов, интересовались и другими вопросами. Так, последний председатель Комиссии В.Г.Дружинин на заседании 31 декабря 1920 г., стремясь активизировать деятельность Комиссии (а она не собиралась до этого 2 года!), предложил собираться ее членам чаще для обмена мнениями и сообщениями о текущей работе, чтения рефератов по разным темам, дискуссий по вопросам архивного дела и т. п.¹⁸⁵ Это предложение было очень кстати, поскольку наступавший 1921 г. оказался очень благоприятным для

проведения заседаний Комиссии: их было проведено четыре. На первом из них, 25 января, сам Дружинин прочитал доклад «Мельников-Печерский как бытописатель старообрядцев»¹⁸⁶.

Активно работали члены Комиссии и вне ее формальных рамок. Собрание Управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ, среди которых был и К.Я.Здравомыслов, весной 1919 г. выражало беспокойство по поводу того, что в Инструкции Наркомюста, изданной 24 августа 1918 г. в качестве конкретизации положений декрета об отделении Церкви от государства, «совершенно не упомянуты архивы церковные и монастырские, и их целостность осталась неогражденной»¹⁸⁷. Собрание даже сформировало особую «Комиссию о выработке правил об охране монастырских и церковных архивов», в состав которой вошли В.Г.Дружинин, управляющий 2 петроградским отделением IV секции ЕГАФ К.Я.Здравомыслов, В.И.Яцкевич¹⁸⁸ и В.Т.Георгиевский. Последний из перечисленных лиц уже упоминался в данной работе: он был делопроизводителем VII Отдела Поместного Собора и занимался разработкой проекта учреждения Патриаршей Палаты церковного искусства и древностей. В Петроградском Отделении Главархива В.Т.Георгиевский являлся инспектором.

Названная Комиссия разработала и вынесла на Собрание управляющих несколько предложений по поводу церковных архивов. Первые два пункта этих предложений в принципе повторяют те меры, необходимость принятия которых обсуждалась на Съезде губернских уполномоченных Главархива: 1) Собрать сведения путем опроса и посещения церковных архивов для осмотра; 2) Предложить провинциальным архивным организациям принять конкретные меры по охране этих архивов и сообщить об этом в ГУАД (руководство губархива должно было решить само, оставить ли архивные материалы на местах или вывезти в губернское хранилище)¹⁸⁹.

Третий пункт предложений Комиссии говорил о необходимости «при национализации монастырских и церковных имуществ включать в состав Комиссий, производящих согласно декрету опись и приемку имуществ, — представителей Главархива и местных архивных организаций с правом голоса, которые должны заботиться о целостности архивов и о их дальнейшей судьбе»¹⁹⁰.

Однако все это осталось лишь на бумаге. Собрание управляющих постановило «сделать духовенству соответствующие указания»¹⁹¹, однако никакого нормативного акта по этому поводу принято не было.

В рамках Первой конференции архивных деятелей Петрограда, проходившей 25–28 мая 1920 г., работала Секция Б, которая занималась деятельностью некоторых «специализированных», в том числе церковных, архивов¹⁹². Председателем Секции был К.Я.Здравомыслов, а почетным председателем — известный ученый богослов, доктор богословия, профессор Петроградской духовной академии и Петроградского университета, член-корреспондент Академии наук Н.Н.Глубоковский. На заседании Секции К.Я.Здравомысловым был прочитан доклад «О так называемом секретном архиве 2 Отделения IV Секции». В докладе было охарактеризовано происхождение Архива Синода и его состав. Как сообщалось в отчетной статье о конференции: «Доклад вызвал большой инте-

рес, и докладчику пришлось делать дополнительные разъяснения по вопросу о канонизации Иоанна Кронштадтского, о письмах Распутина и делах сектантов и пр.»¹⁹³.

Факт этого доклада нужно отметить особенно, поскольку в дальнейшем на таких представительных форумах архивистов, как, например, на Всероссийской конференции архивных деятелей 1921 г., уже не будет места для докладов, посвященных комплексам архивных документов церковного происхождения, поскольку все большее внимание будет уделяться собиранию материалов по истории революции и партии большевиков (VIII секция ЕГАФ)¹⁹⁴.

В феврале 1921 г. под эгидой Комиссии удалось организовать и провести празднование 200-летнего юбилея учреждения Святейшего Синода. Формально это мероприятие было названо «200-летие Архива 2 отделения IV секции ЕГАФ». В рамках этого мероприятия прошло торжественное заседание, в ходе которого были зачитаны доклады сотрудников Отделения по вопросам истории Синода и его архивных материалов¹⁹⁵.

Протоколы заседания Комиссии обрываются на 168-м заседании 30 января 1923 г. На нем был заслушан некролог члена Комиссии А.Б.Надеждина (+1922), доклады членов Комиссии профессора Карабинова «О коронационных чинах русских государей» и В.И.Яцкевича «О брачных делах секретного архива». В конце заседания Комиссия заручилась поддержкой заведующего Петроградским отделением Центрархива С.Ф.Платонова в предполагаемой организации во 2-м отделении IV секции ЕГАФ выставки и использовании бывшего синодального храма под размещение архивных материалов, которые было необходимо переместить для освобождения площадей под экспозицию¹⁹⁶. Скорее всего, это было последнее заседание Комиссии. Вскоре, в ходе реорганизации советской архивной системы и борьбы нового советского архивного руководства во главе с М.Н.Покровским со старыми архивными кадрами, бывший Архив Синода утратит свою организационную самостоятельность (ныне собранные в бывшем Синодальном Архиве архивные фонды являются частью Российского государственного исторического архива).

Деятельность члена Комиссии С.Г.Рункевича по спасению церковных архивов в Москве

Однако больше всего Комиссию в 1921 г. волновала деятельность ее члена доктора церковной истории С.Г.Рункевича, жизнь и труды которого, начиная с Собора 1917–1918 гг., были в основном связаны с Москвой. Помимо работы в руководстве делопроизводственной службы новых органов ВЦУ, Рункевич принял активное участие в спасении важнейших церковных архивов (Поместного Собора 1917–1918 гг., Московской духовной семинарии, новых органов ВЦУ, а также дел Синодальной канцелярии, перемещенных в связи с переездом Синода на время работы Собора в Москву). Кроме того, Рункевич был озабочен вопросом спасения церковных архивов вообще, законодательного регулирования этого вопроса, отметим, что именно благодаря деятельности этого церковного исто-

рика мы до сих пор имеем возможность пользоваться всеми перечисленными выше архивными материалами церковных учреждений, безусловно, важными для церковной истории.

Вопрос о судьбе историко-документального наследия Русской Церкви беспокоил не только архивистов, но и сами церковные круги. На заседании Делегации Высшего церковного управления для защиты пред правительством имущественных и иных прав Церкви (далее — Делегация ВЦУ) 12 декабря 1918 г. С.Г.Рункевич, основываясь на фактах повсеместной реквизиции церковных зданий местными советскими властями, выразил беспокойство по поводу сохранности архивов и библиотек церковных учреждений¹⁹⁷. По итогам заявления Рункевича Делегация решила обратиться в Совнарком с обращением по этому поводу¹⁹⁸. В обращении отмечалось, что при реквизиции церковных зданий органы местной власти зачастую требуют немедленного освобождения здания от архивных и библиотечных материалов, если таковые там имеются. В противном случае реквизирующие органы угрожают уничтожением этих материалов («как ненужные реквизирующим органам, будут уничтожены»)¹⁹⁹.

В документе обращалось внимание на то, что декрет об отделении Церкви от государства (23 января 1918 г.) дает право свободно выбирать вероисповедание, в то время как это право зачастую нарушается. Далее проводилось достаточно интересное *обоснование* необходимости существования церковных библиотек и архивов. С одной стороны, говорилось в обращении, существует религиозное учение, которое без просвещения может выродиться в пагубное суеверие, а просвещение немислимо без книги. С другой стороны, поскольку в Церкви существует иерархическое устройство, выраженное в органах церковного управления, а «для устранения возможности злоупотреблений в делах управления и для обеспечения надзора необходимо письменное выражение административных действий, т. е. письменные акты церковного или религиозного управления»²⁰⁰, значит, нужны и архивы, где эти акты хранятся.

По мнению членов Делегации, церковные книги и библиотеки, кроме того, имеют и очень большую «общечеловеческую» ценность, почему в условиях объявленной свободы совести их уничтожение «являлось бы ничем не оправданным противоречием, сознательно или бессознательно наносящим непоправимый вред человечеству»²⁰¹.

Последнее требование более или менее понятно: новая власть формально объявляла религию личным делом каждого и даже разрешала объединяться в религиозные общины. Тем не менее, фраза о необходимости существования церковных архивов как средств для пресечения злоупотреблений органов церковного управления являлась пустым звуком, поскольку декрет СНК от 23 января 1918 г. признавал только местные религиозные общины — в нем ничего не говорилось о церковной иерархии или управлении. Что же касается необходимости просвещения, которым авторы обращения пытались обосновать существование церковных библиотек, то советская власть уже успела продемонстрировать свое отношение к религиозному просвещению, фактически ликвидировав в дека-

бре 1917 г. своим декретом все духовно-учебные заведения, при формальном признании права граждан получать духовное образование частным образом (ст. 9 декрета 23 января 1918 г.²⁰²) или в специальных богословских учреждениях (Инструкция НКЮ; п. 33)²⁰³.

Члены Делегации ВЦУ, в составе которой было, по крайней мере, два профессиональных юриста²⁰⁴, не могли не понимать, что их обращение, скорее всего, останется пустым звуком для народных комиссаров, как и большинство тех жалоб и протестов, которые подавала в Совнарком Делегация. Тем не менее, авторы обращения делали свое дело, подобно многим представителям ученой общественности, которые со временем все больше понимали, что с новой властью им в итоге окажется не по пути. Необходимо также отметить, что у Делегации с весны 1918 г. сложились конструктивные отношения с Управляющим делами Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевичем, который с участием относился к ее жалобам на злоупотребления местных властей, давал разъяснения, о чем свидетельствуют его достаточно благосклонные письма председателю Делегации протопресвитеру Н.Любимову²⁰⁵.

Итак, в своем обращении Делегация просила Совнарком издать особый декрет, который бы гарантировал охрану и функционирование церковных библиотек и архивов. Причем предлагалось отдать их в ведение органов церковного управления соответствующего уровня (высшего, епархиального или приходского) «с отводом для них зданий», ввиду того, что, по мнению членов Делегации, группа верующих, принимающих в пользование церковное имущество от местного Совета (согласно декрету 23 января), не в состоянии обеспечить охрану и функционирование церковных архивов и библиотек.

Необходимо отметить, что, согласно декрету 23 января и Инструкции НКЮ от 24 августа 1918 г., местным религиозным общинам выдавалось только имущество, предназначенное для совершения религиозных обрядов и богослужений²⁰⁶. Из формулировок этих актов не ясно, относятся ли к этой категории церковные библиотеки и архивы. Если говорить о библиотеках, то здесь вопрос несколько яснее: по крайней мере, для совершения «религиозных обрядов» необходимы богослужебные книги, так что формальная «зацепка» для существования книжных собраний при церквях была. Сложнее с архивами (они не несут прямой богослужебной функции), хотя без них невозможно правильное функционирование церковной жизни: даже при передаче функции записи актов гражданского состояния государственным органам, церковные каноны о браке, разводе, вторичном браке и др. никто не отменял, а для их осуществления нужны какие-то записи. В дальнейшем мы увидим, что Церкви не оставили и этого, проведя насильственное изъятие метрических книг.

Как бы там ни было, обращение поступило в Совнарком, который переслал копию с него в Главархив²⁰⁷.

Вопрос рассматривался 25 декабря 1918 г. Коллегией Главархива, которая постановила: «Оставив открытым вопрос о библиотеках, не относящийся к компетенции Главного Управления Архивным Делом, предложить Председателю Делегации представить точные сведения, где именно находятся те архивные ма-

териалы, о которых говорится в прошении, а также, если возможно, приблизительно объем и количество их»²⁰⁸.

Неизвестно, какие действия предприняла Делегация по этому поручению ГУАД: журналы ее заседаний за период после этого обращения до конца мая 1919 г. не сохранились или неизвестны²⁰⁹. Не пишет об этом в своей «Записке» о деятельности Делегации и С.Г.Рункевич²¹⁰, хотя именно он из всех ее членов имел наиболее близкие связи с Главархивом.

26 декабря 1918 г. Делегация направила новое обращение по этому поводу, но уже в Главархив²¹¹. Текстуально оно близко к первому обращению: в нем проводится такое же обоснование необходимости существования церковных библиотек и архивов. Также выражается необходимость издания декрета об их охране, хотя конкретизируется, что такой документ должен быть временным: «библиотеки и архивы православных церковных учреждений и духовно-учебных заведений, *впредь до издания правил о порядке приема их в государственный книжный и архивный фонды* (курсив мой. — Авт.), во избежание их повреждения и утраты, должны быть передаваемы на хранение Высшему Церковному, Епархиальным и Приходским Советам под надзором государственных архивных органов. Ради научных и культурных целей надлежит оказывать церковным советам содействие в хранении поручаемых им библиотек и архивов»²¹². Прочитированная выдержка из обращения — примерная формулировка декрета, которую предлагала Делегация ВЦУ Главархиву.

Новое обращение было рассмотрено Коллегией Главархива 10 января 1919 г.²¹³, которая постановила, что в качестве временной меры, до включения церковных документов в ЕГАФ, «не встречается препятствий к изданию декрета в просимом Делегацией смысле, при условии установления правильной регистрации и предоставления Главному Управлению возможности надзора и контроля за церковным и духовным архивными фондами»²¹⁴. Постановление Коллегии было сообщено для окончательного разрешения вопроса в Совнарком.

Однако сам Совнарком вопросами такого порядка в ближайшем приближении не занимался: для этого существовал VIII («ликвидационный») Отдел Наркомюста, который на запрос Управления делами Совнаркома ответил следующее: «<...> VIII Отдел полагает, что для удовлетворения ходатайства об издании особого декрета, охраняющего библиотеки бывшего Церковного Ведомства, не видит оснований, ибо все библиотеки должны быть взяты, в силу декрета об охране библиотек и книгохранилищ, под охрану Советской власти (ст. 592 Собр[ания] Узак[онений] и Расп[оряжений] Раб[очего] и Кр[естьянского] Пр[авительства]); причем этим декретом установлен порядок пользования и открытия библиотек. Богослужбные же книги могут быть передаваемы в пользование группам граждан на общих основаниях, предусмотренных инструкцией по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от Государства; 2) Что касается архивов, то все бумаги, имеющие значение для внутренней церковной жизни, могут быть, по разборке архивов[,] переданы заинтересованным лицам с ведома Управления Государственными Архивами, и 3) что касается помещений для вновь основывающихся библиотек и частных архивов того или иного куль-

та, то вопрос этот является чисто местным вопросом[,] разрешаемым на местах жилищным отделом в общем порядке»²¹⁵.

Что заставляет задуматься в этом ответе «ликвидационного» Отдела? Во-первых, это пункт 2, который фактически означал нарушение принципа недробности фонда (иначе нельзя отделить документы, «имеющие значение для внутренней церковной жизни»). Во-вторых, данный ответ в принципе подразумевал право церковных учреждений иметь библиотеки и архивы.

Таким образом, обращение Делегации ВЦУ не привело к желаемому результату, вопрос о церковных архивах так и остался открытым. Необходимо отметить лишь следующее: в своем постановлении от 19 января 1919 г. Коллегия Главархива признала свое бессилие в деле сохранения церковных архивов, которые продолжали гибнуть в силу различных обстоятельств на местах. «Впредь до получения возможности сосредоточения означенных архивов в Единый Государственный Архивный Фонд»²¹⁶ Коллегия сочла необходимым непосредственное участие в этом церковных учреждений, но советская власть, преследовавшая свои цели («ликвидация» Церкви), не вняла данным нуждам своей архивной службы²¹⁷.

Для членов Делегации ВЦУ, которая, будучи сформированной Поместным Собором, представляла интересы всей Церкви, было бесспорно понятно одно, что церковные архивы все-таки должны войти в состав ЕГАФ: в изученных нами материалах Делегации из фонда С.Г.Рункевича это просматривается достаточно ясно. Другое дело, как при этом обеспечить интересы самой Церкви. Желание закрепить за церковными учреждениями хотя бы временные права по заведыванию собственными архивными материалами, как было показано, не увенчалось успехом. Однако Делегация не отступила.

Один из активнейших ее членов, доктор церковной истории С.Г.Рункевич, которому, как сотруднику Комиссии по описанию Синодального Архива и члену Союза РАД, проблемы исторической науки и архивов были очень близки, продолжает налаживать контакты с руководством Главархива. Тем более, что последнее, состоя из представителей цвета тогдашней исторической науки, охотно шло на такой контакт, сознавая, что без привлечения широких общественных, в том числе церковных, сил добиться сохранности многих документальных комплексов не удастся. Сам С.Г.Рункевич впоследствии, уже после смены руководства ГУАД в середине 1920 г., отмечал такое качество прежнего руководства, как «правильность и благородство сознания»²¹⁸. Он даже выражает некоторое сожаление, что ему не удалось «произвести благоприятного впечатления» «на Главноуправляющего товарища Рязанова». Напротив, со стороны других представителей ГУАД Рункевич «встретил предупредительное внимание и полную готовность содействовать охране архивов»²¹⁹.

Между прочим, непосредственное взаимодействие с Главархивом С.Г.Рункевич, как он пишет в своей записке о деятельности Делегации ВЦУ, начал, «получив указания от В.Д. Бонч-Бруевича»²²⁰, который продолжал быть как бы связующим звеном между советской властью и ученой общественностью.

6 февраля 1919 г. Совещание Управляющих Московскими отделениями секций ЕГАФ, созданное по примеру Петрограда и включавшее в свой состав Управ-

ляющих секциями, отделениями и их заместителей, а также представителей Коллегии ГУАД и некоторых ученых лиц по приглашению, начало обсуждение вопроса о «Правилах пользования архивными материалами»²²¹. Именно с этого заседания в работах Совещания начинает принимать участие С.Г.Рункевич, который, как видно из его выступлений здесь, представлял интересы Церкви, хотя, как пишет сам Рункевич, он был приглашен в Совещание «впрочем не по титулу члена Делегации, а по титулу члена Союза Росс[ийских] Архивн[ых] деятелей»²²². Понятно, что по «титулу» представителя Церкви, когда власти развернули широкомасштабную борьбу против религии, его участие в Совещании вряд ли бы приветствовалось представителями государства, органом которого был Главархив.

13 февраля 1919 г. Рункевич уже активно участвовал в прениях на Совещании. Здесь он, во-первых, поддержал точку зрения таких ученых, как М.К.Любавский, С.К.Богоявленский и С.Б.Веселовский, о том, что «все архивы считаются открытыми для пользования сторонних лиц, кроме тех из них, о временном закрытии которых последовало распоряжение ГУАД». Именно эта формулировка, в конце концов, вошла в утвержденный вариант «Правил»²²³, хотя изначально в Совещании высказывались и иные предложения: например, в качестве исходного тезиса принять разделение всех архивов на открытые и закрытые. Мало того, Совещание определило случаи, когда архивы или отдельные комплексы документов *временно* объявлялись «безусловно закрытыми»: отсутствие описания фондов, плохое физическое состояние документов, недостаточный штат сотрудников для обслуживания и т. п.²²⁴

Естественно, «открытость» архивов была в интересах Церкви, поскольку для Ее нормального и разностороннего функционирования, а представители Делегации ВЦУ верили в возвращение такой возможности (хотя бы по окончании Гражданской войны, когда, как думали в церковных кругах, власть даст Церкви, в которой сейчас видит пособника белого движения, некоторую свободу), были необходимы документы прежнего Церковного Управления, наиболее важные из которых в большинстве своем вошли в ЕГАФ, составив 2-е петроградское отделение IV Секции.

20 февраля 1919 г. С.Г.Рункевич указал Совещанию, «что в проекте пропущены некоторые субъекты, которым разрешается пользование архивами. Имеются Государственные и ученые учреждения и частные лица. Упущена категория общественных учреждений»²²⁵. Хотя один из авторов проекта «Правил пользования» С.А.Друцкой и возразил на это, «что общественных учреждений в государственном масштабе сейчас нет» (как и в случае с религиозными организациями, власть признавала лишь местные частные общества и союзы), Совещание приняло по этому поводу решение, формулировка которого стала в итоге статьей 2-й «Общих положений» «Правил пользования архивными материалами для государственных, научных и частных потребностей»: «2. Архивами могут пользоваться государственные, ученые и *общественные* (курсив мой. — Авт.) учреждения и частные лица»²²⁶.

Понятно, почему С.Г.Рункевич внес дополнение об общественных учреждениях: статья 10 декрета об отделении Церкви от государства приравнивала

религиозные организации к частным обществам и союзам («Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах»²²⁷). Это была еще одна лазейка, при помощи которой Делегация ВЦУ надеялась наладить нормальное функционирование церковных учреждений.

Та же причина заставила С.Г.Рункевича выступить в марте 1919 г. против полного запрещения пересылки документов. Здесь он выступал как бы с двух позиций. С одной стороны, как ученое лицо он заявлял, «что *полное запрещение пересылки* документов остановит издание документов и даже научную разработку их»²²⁸ (в духовном ведомстве до революции существовали специально разработанные Архивом Св. Синода «Правила пересылки вещей и дел»²²⁹).

С другой стороны, Рункевич указывал, что «сейчас ведомства остались почти без своих дел, так как во многих ведомствах дела до 1917 г. сданы в архив»²³⁰. Он, предложив разрешить пересылку дел за 30 лет, обратил внимание, «что не все архивы походят на Архив Юстиции, Патриаршую Библиотеку и др. старые архивы, содержащие почти исключительно исторические материалы большой ценности»²³¹. Однако это не означает, что историк-профессионал С.Г.Рункевич не признавал ценности за современными архивами. Он всего лишь подчеркивал одну из проблем, вставшую перед государственной архивной службой, которой приходилось решать не только чисто научные задачи, но и вступать в отношения с действовавшими учреждениями по вопросу о документах, не потерявших своей практической надобности.

В итоге была допущена пересылка документов за последние 25 лет²³².

Кроме того, в Совещании управляющих С.Г.Рункевич выступал еще по некоторым вопросам. Например, 3 июля 1919 г. он участвовал в прениях по вопросу о введении наказаний за порчу архивных материалов, высказавшись за введение имущественной ответственности, а также тюремного заключения²³³. Принятие правил о наказаниях за порчу архивных документов как никогда требовалось для спасения в том числе церковных архивов, которые во множестве гибли из-за произвола местных властей.

Когда во второй половине июля началось обсуждение проблем, связанных в подготовкой новых кадров архивистов, С.Г.Рункевич выступил за необходимость уделения как можно большего внимания практическим занятиям обучающихся для усиления «интереса к науке»²³⁴. Он привел пример из собственной практики, когда с помощью группы заинтересовавшихся учеников петербургских духовных школ «удалось выпустить в свет 3-х томное издание описания архива Александро-Невской Лавры в Петрограде»²³⁵. На это М.К.Любавский выразил сомнение в «ценности собраний, выпущенных из-под пера начинающих ученых», с чем С.Г.Рункевич отчасти согласился, конкретизировав, что такая «разработка архивов» молодыми специалистами должна обязательно вестись «под наблюдением ученых архивистов»²³⁶. В дальнейшем как раз 2-е петроградское отделение IV Секции ЕГАФ уделяло значительное внимание практической работе слушателей петроградских архивных курсов в архивах, проводя для них практические занятия на материалах синодальных учреждений²³⁷.

В связи с этим также небезынтересно отметить, что С.Г.Рункевич поддерживал идею М.К.Любавского о разделении архивных работников на два «типа»: 1) *архивариусов*, «так сказать техников, составляющих просто инвентарную опись и хранящих дела в смысле бережного внимания и укладки дел», и 2) *архивистов*, «являющихся уже художниками архивных разработок»²³⁸.

Такая идея была как раз в духе С.Г.Рункевича, активнейшего сотрудника Архива Св. Синода и Комиссии по его описанию: в прошлых главах достаточно много говорилось о теоретических и методологических наработках Комиссии, четко различавшей краткое описание («инвентарная опись») и подробное, представлявшее собой род научного труда. Вспомним, что Рункевич не преминул включить эту важную наработку в проект, представленный им Синоду и затем Собору в декабре 1917 г.²³⁹

При обсуждении работы хранилища частных архивов, созданного в феврале 1919 г. в бывшем особняке Шереметевых в Москве, С.Г.Рункевич вместе с С.К.Богоявленским высказался резко против дробления усадебных архивов на «генеалогический» (связанный с историей рода и семьи) и хозяйственный, признав такое условное разделение только для удобства разборки материалов²⁴⁰. Хотя принцип недробимости фонда еще не был четко сформулирован в архивоведении, С.Г.Рункевич многие годы проработавший с материалами Синодального Архива, содержавшего фонды многих учреждений духовного ведомства, интуитивно понимал важность и значение этого принципа. Его проведение было необходимо также и для сохранения фондов церковных учреждений, поскольку, например, при реквизиции имущества Духовных Консistorий на местах органы ЗАГС, как правило, проявляли интерес только к сравнительно поздним консисторским документам (метрическим книгам и др.), с пренебрежением относясь к другим материалам²⁴¹.

В 1920–1921 гг. С.Г.Рункевичем была осуществлена передача во 2-е московское отделение IV секции такого ценнейшего комплекса документов по истории Церкви, как архив Поместного Собора 1917–1918 гг. После закрытия Собора в сентябре 1918 г. Рункевич перенес его материалы в свою комнату в Московском епархиальном доме в Лиховом переулке (д. 6), где в 1917–1918 гг. работал Собор²⁴². Передача архива в хранилище ЕГАФ (бывший Архив Печатного Двора на Никольской улице) производилась в спешке, поскольку местный Совет летом 1920 г. потребовал немедленно освободить здание Епархиального дома, где проживал Рункевич, для «других нужд». Из письма заведующего 2-м петроградским отделением IV секции ЕГАФ К.Я.Здравомыслова С.Г.Рункевичу видно, что дела пришлось перевозить при сильном дожде²⁴³.

Вместе с Архивом Собора Рункевич, как видно из его «Записки о хранении Архива Синода и Собора», перевез на Печатный Двор достаточно большой объем дел, которые относились к делопроизводствам Канцелярии Святейшего Синода и его центральных учреждений (Хозяйственного Управления, Учебного Комитета, Контроля, Училищного Совета)²⁴⁴. Это были материалы, перемещенные в связи с переездом Святейшего Синода в августе 1917 г., а также документы, отложившиеся за период до 1 февраля 1918 г., когда Святейший Синод объявил о

своим роспуске и передаче своих функций новым органам Высшего церковного управления (Патриарху, Священному Синоду и Высшему Церковному Совету).

Рункевич считал несомненным, что эти материалы должны быть перевезены в Петроград в Архив Святейшего Синода и воссоединены с фондами учреждений, к которым они принадлежали. Как видно из записки Рункевича, он сделал многое для спасения этих документов: произвел описание, договорился с руководством Главархива и представителями Высшего церковного управления о перевозке их в Петроград. Перемещение произошло позднее, и ныне в фондах Канцелярии Святейшего Синода и его центральных учреждений в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге имеются дела за этот период (по февраль 1918 г.)²⁴⁵.

Из письма К.Я.Здравомыслова и записки самого С.Г.Рункевича, а также из отчета заведующего Архивом Печатного Двора А.А.Покровского за 1921 г.²⁴⁶ видно, что Рункевич произвел разбор и описание Соборного Архива. Однако, когда в 1929 г. осуществлялась передача фонда Собора из Центрального архива народного хозяйства, культуры и быта (одним из его хранилищ был тогда Архив Печатного Двора) в Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР), описи у него не было, хотя архивисты и обнаружили в конце одного из дел «канцелярскую сдаточную опись», по которой и осуществлялась приемка фонда. Вряд ли это была опись, оставленная в 1921 г. Рункевичем, поскольку, во-первых, сомнительно, чтобы он приобщил ее к одному из дел даже руководящего органа Собора — Соборного Совета, и, во-вторых, данная «канцелярская опись» не охватывала всех дел фонда²⁴⁷. К сожалению, нам не удалось обнаружить и эту опись, поскольку она была изъята из дела. В составе фонда сохранилась лишь опись, составленная в конце 1920 — начале 1930 гг. ЦАОР²⁴⁸. На рубеже 1970–1980 гг. к фонду была составлена новая опись, которая в корне изменила его организацию: дела были распределены по структурным подразделениям Собора²⁴⁹.

Таким образом, становится ясно, что фонд Поместного Собора 1917–1918 гг. поступил на госхран не через органы госбезопасности, как полагали некоторые современные архивные деятели²⁵⁰, а был передан официальным представителем Церкви (С.Г.Рункевич — член Делегации ВЦУ и помощник Управляющего Канцелярией Священного Синода) по причине реквизиции здания, где он ранее хранился. В своей записке²⁵¹ Рункевич упоминает также о материалах еще одного документального комплекса. Это, по его сообщению, был «Архив Священного Синода» за 1918 г. и постановления ВЦУ за 1918–1919 гг. Рункевич произвел их описание и указал, что эти материалы, как историческое продолжение Соборного архива, должны храниться вместе с ним. Переданные первоначально туда же, в здание Архива Печатного двора, они, вместе с частью дел Собора, в конце 1920-х гг. были перемещены в Ленинград, где ныне хранятся в РГИА и составляют, соответственно, фонды №№831 и 833²⁵².

* * *

Рассмотрев деятельность Комиссии в 1918–1923 гг. (т. е. со времени подчинения бывшего Архива Св. Синода советскому архивному ведомству и до

того момента, когда делопроизводство Комиссии обрывается), можно сделать вывод, что в сложное время членам Комиссии не только удалось выполнить первоочередную задачу любого архивиста, сохранив и сконцентрировав архивные фонды органов высшего и центрального управления Русской Церкви дореволюционного периода и первых пореволюционных лет, как в Петрограде, так и в Москве. Члены Комиссии также активно занимались в эти годы научной деятельностью, в первую очередь в отношении методических и практических вопросов архивного дела. Причем не только в рамках Комиссии, но и в различных консультативных органах советского архивного ведомства (Главархива и его Петроградского отделения), внося, основываясь на более чем полувековом опыте работы Комиссии, несомненный вклад в разработку некоторых методических документов. Важно и то, что все эти годы, несмотря на нахождение в подчинении советскому ведомству, Комиссия продолжала ощущать себя установлением в основе своей церковным, призванным нести свое служение на благо Церкви и ее истории (это видно из отношений с представителями церковного руководства тех лет). И, несмотря на то, что вскоре синодальная архивоведческая школа в силу разных (в первую очередь политических причин) прекратила свое существование, в наши дни мы имеем возможность пользоваться результатами ее практических (сохраненные и доступные ныне в государственных архивах архивные документы церковных учреждений) и теоретических (различные проекты, нормативно-методические документы, материалы дискуссий, сохранившиеся как в делопроизводстве Комиссии, так и других учреждений тех лет) трудов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги настоящей работы, отметим, что нам в целом удалось решить задачи, поставленные во введении. Начав с краткого обзора истории Комиссии и ее достижений в дореволюционный период, мы провели развернутый анализ ее трудов в переломном 1917 г. и в последующие годы (до 1923 г., когда Комиссия, судя по сохранившимся документам, прекратила свою работу, а вскоре и сам бывший Архив Синода окончательно утратил свою организационную самостоятельность в ходе очередной реформы советской архивной системы).

Рассмотрение деятельности Комиссии, как это и было заявлено во введении, велось в двух плоскостях: в контексте церковной истории и истории архивов тех лет. Это позволяет нам сделать следующие выводы. Синодальным архивистам в первые послереволюционные годы удалось не только спасти и сконцентрировать в государственном архивном хранилище, возникшем на базе бывшего Синодального Архива, архивы важнейших церковных учреждений дореволюционной России, но и принять активное участие в российском архивном строительстве тех лет, начиная с деятельности Союза Российских архивных деятелей. Бывший Архив Синода в эти годы пополняется (хотя и временно) многими ценными кадрами в лице видных церковных историков и богословов. Объединительным

фактором для этого явилась Комиссия по описанию Синодального Архива, начавшая свою деятельность еще в 1865 г. и просуществовавшая как минимум до 1923 г. Несмотря на остановку подготовки и публикации изданий Комиссии (ранее это была ее важнейшая задача), ее значение в эти годы заключается в ее организационно-объединительном факторе, а также в том, что ей удалось «поделиться» более чем полувековым опытом архивной работы с молодой российской (в те годы — советской) государственной архивной службой (имеется в виду работа членов Комиссии в консультативных органах Главархива).

В то же время нельзя не отметить, что сотрудники бывшего Синодального Архива в первые годы советской власти, несмотря на свой статус советских служащих (архивных работников), продолжали ощущать себя также людьми Церкви и, несмотря на законодательное отделение Церкви от государства, поддерживать связи с новыми органами Высшего церковного управления Русской Церкви во главе со Святейшим Патриархом Тихоном.

¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: В 4-х выпусках / Соборный Совет. М., 1918. Вып. 1–4.

² Следственное дело патриарха Тихона: Сб. док. По материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с. + 32 с. илл.

³ НИОР РГБ. Ф. 257 (С.Г.Рункевич). К. 1. Д. 9, 12; К. 8. Д. 23; К. 9. Д. 9.

⁴ Сб. декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу/ Главное управление архивным делом. Вып. 1. М., 1921. 123 с.; Сб. материалов, относящихся до архивной части в России: Т. 1 / Императорское Рус. историч. об-во. Пг., 1916. III, 710 с.

⁵ Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — нач. XX вв.: Сб. док./ Министерство культуры РФ; Сост. Дедюхина В.С., Масленицкая С.П., Шестопалова Л.В. и др. М., 1997. 396 с.

⁶ ГАРФ. Ф. 5325 (Главархив). Оп. 9. Д. 6, 35, 63, 65, 123, 320.

⁷ РГИА. Ф. АА. Оп. 1. Д. 275.

⁸ РГИА. Ф. 814 (Канцелярия Архива и Библиотеки Св. Синода). Оп. 1. Д. 156, 191.

⁹ Напр.: *Бобков В.Н.* Церковные и монастырские архивы Казанской губернии в первые годы советской власти// Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 195–199.

¹⁰ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865–1915. Ист. записка. Пг.: Синод. тип., 1915. VI. 454 с., портр.

¹¹ Напр.: *Здравомыслов К.Я.* Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. Спб.: Синодальная типография, 1906. 61 с.

¹² *Щеглов Г.Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924): Жизнь и служение на переломе эпох. Минск: Врата, 2008. 436 с., ил.

¹³ *Щеглов Г., Ионов А.* Делегация Высшего церковного управления и церковные архивы в первые годы после Октябрьской революции // Церковно-исторический вестник / Общество любителей церковной истории. М., 2004. №11. С. 149–159.

¹⁴ Щеглов Г.Э. К истории описания и публикации документов Архива западно-русских униатских митрополитов// Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2004. №3. С. 206–222; Он же. Неизвестный юбилей [Электронный ресурс]. Жировичи: Минские духовные школы, 2007. Режим доступа: http://minds.by/academy/trudy/5/tr5_12.html, свободный). Загл. с экрана. (Труды Минской духовной академии. Т. 5); Ионов А.С. К вопросу об уровне развития теории и методики и архивоведения в Архиве Св. Синода в начале XX в. // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современной этапе: Доклады и сообщения на Пятой Всерос. научн. конф. М., 2005. С. 161–167; Он же. С.Г.Рункевич и судьба архивных материалов Поместного собора // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее. М., 2005 (Труды Историко-архивного института РГГУ. Т. 36). С. 337–341; Ионов А., *свящ.* Деятельность церк. архивистов в первые пореволюционные годы (1917 – начало 1920-х гг.) // Труды Коломенской духовной семинарии: Вып. 4. М., 2009. С. 60–78.

¹⁵ Напр.: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. 664 с.; Священный Собор Православной Российской Церкви: Обзор деяний. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2002. Т. 1–3 (Первая — третья сессии).

¹⁶ *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России// *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001 С. 313–393; *Хорхордина Т.И.* История и архивы. М.: РГГУ, 1994. 358 с.; Она же. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.; *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. 128 с.

¹⁷ *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 309.

¹⁸ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156, 191 и др.

¹⁹ *Любавский М.К.* Лекции, читанные на архивных курсах Центрархива в 1928/29 гг.: [Машинопись в Библиотеке ИАИ РГГУ]. Лекция 9.

²⁰ *Здравомыслов К.Я.* Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб.: Синодальная типография, 1906. С. 2–6.

²¹ *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 128.

²² *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих Реформ. М., 1999. 567 с.

²³ *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 95–106.

²⁴ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб.: Синодальная типография, 1868. Т. 1. С. 2–3; Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865–1915. Ист. записка. Пг.: Синод. тип., 1915. С. 9.

²⁵ Цит. по: *Здравомыслов К.Я.* Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб.: Синодальная типография, 1906. С. 1.

²⁶ Имеется в виду специально учрежденный в 1853 г. для описания церковных имуществ России комитет.

²⁷ Там же. С. 8–9.

²⁸ Цит. по: *Здравомыслов К.Я.* Архив и библиотека... С. 11–12.

- ²⁹ Там же. С. 13.
- ³⁰ Делопроизводителем Комиссии по должности являлся начальник Архива Святейшего Синода
- ³¹ *Здравомыслов К.Я.* Архив и библиотека... С. 14.
- ³² Опубликовано: Там же. С. 37–38.
- ³³ Перечень дел на стадии их производства, ведшийся, как правило, в структурном подразделении учреждения.
- ³⁴ *Здравомыслов К.Я.* Архив и Библиотека ... С. 39–60.
- ³⁵ См. подробнее: *Ионов А.С.* К вопросу об уровне развития теории и методики и архивоведения в Архиве Св. Синода в начале XX в. // *Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современной этапе: Доклады и сообщения на Пятой Всерос. научн. конф.* М., 2005. С. 161–167.
- ³⁶ В 1908 г. членами Комиссии были: сенатор А.Г.Вешняков, протоиерей М.И.Горчаков, А.В.Гаврилов, Н.Ф.Марков, С.П.Григоровский, С.Г.Рункевич, А.Н.Надеждин, И.Д.Дьяконов, священник В.А.Васильев, А.И.Никольский, С.Ф.Платонов, академик Е.Е.Голубинский, П.Н.Жукович, Ф.И.Виноградов, Б.Н.Жукович, П.П.Лукьянов, П.Д.Овсянкин, П.В.Мудролюбов и Н.В.Туберозов. Предполагалось также избрать в члены Комиссии следующих лиц: акад. Н.П.Кондакова, А.А.Дмитриевского, Н.В.Покровского, И.Е.Евсеева, В.Т.Георгиевского, Я.И.Смирнова, А.В.Щусева (*Здравомыслов К.Я.* Сведения о консисторских архивах... СПб., 1908. С. 19).
- ³⁷ Пятидесятилетие... С. 85.
- ³⁸ Там же. С. 42.
- ³⁹ Там же. С. 39–40.
- ⁴⁰ Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: Сб. док./ Дедюхина В.С., Масленицына С.П., Шестопалова Л.В., Лифшиц Л.И., Потапова Н.А. М.: Отечество, 1997. С. 102–104.
- ⁴¹ Там же. С. 103.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Пятидесятилетие... С. 51.
- ⁴⁴ Там же. С. 52.
- ⁴⁵ Там же. С. 48.
- ⁴⁶ Там же. С. 49.
- ⁴⁷ Там же. С. 60.
- ⁴⁸ Там же. С. 59.
- ⁴⁹ Там же. С. 69.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. АА. Оп. 1. Д. 275. Л. 34.
- ⁵¹ Пятидесятилетие... С. 78-79.
- ⁵² На данный момент известен 31 том настоящего издания, включая вышедшие после 1915 по 1917 гг. (*Старостин Е.В.* Архивы Русской Православной церкви (X–XX вв.): Учебное пособие. М.: РГГУ, 2011. С. 90).
- ⁵³ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб.: Синодальная типография, 1868. Т. 1. С. 3.
- ⁵⁴ *Здравомыслов К.Я.* Архив и Библиотека ... С. 29–30.
- ⁵⁵ Там же. С. 31.

⁵⁶ Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Спб.: Синодальная типография, 1897. Т. 1. С. I–IV.

⁵⁷ ГАРФ. Оп. 1. Ф. 3431. Д. 283. Л. 288.

⁵⁸ Планам А.Н.Львова осуществиться не удалось, хотя к его идее создать особое церковно-научное учреждение, которое ведало бы вопросами охраны и изучения памятников истории и культуры не только в ретроспективе, но и в перспективе (изучение и координация развития современного церковного искусства), вернулись через полтора десятка лет после его кончины (умер в 1901 г.), на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Речь об этом пойдет во 2-й главе настоящей работы.

⁵⁹ *Покровский Н.В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. 1906. Т. 221. № 12. С. 111–114.

⁶⁰ Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв.: Сб. док. М., 1997. С. 8.

⁶¹ Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях, с проектом «Правил Высочайше утвержденной Архивно-Археологической Комиссии при Св. Синоде» и «Положения о Церковно-Археологических Комитетах». Спб., 1908. С. 31–36.

⁶² Там же. С. 33 (п. 12 проекта «Правил...»).

⁶³ Там же. С. 36.

⁶⁴ *Комарова И.И.* Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX в. // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1993. С. 83–102.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 283. Л. 262.

⁶⁶ *Старостин Е.В.* Архивы Русской Православной церкви (X–XX вв.): Учебное пособие. М.: РГГУ, 2011. С. 112.

⁶⁷ Церковный вестник. 1908. №3. С. 1060–1062.

⁶⁸ Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: Сб. док. М., 1997. С. 249.

⁶⁹ Там же. С. 281.

⁷⁰ *Комарова И.И.* Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX вв.// Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1993. С. 85.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 283. Л. 239.

⁷² Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв.: Сб. док. М., 1997. С. 280–283.

⁷³ *Комарова И.И.* Указ. соч. С. 85.

⁷⁴ Сохранение памятников церковной старины ... М., 1997. С. 281.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 283. Л. 262, 288.

⁷⁶ *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России// *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 319–321.

⁷⁷ *Хорхордина Т.* История и архивы. М.: РГГУ, 1994. С. 27.

⁷⁸ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 338.

⁷⁹ Там же. Лл. 338 об. – 339.

- ⁸⁰ Там же. Лл. 345–347 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 348.
- ⁸² Там же. Лл. 348 об. — 349.
- ⁸³ Там же. Л. 349.
- ⁸⁴ Там же. Л. 349 об.
- ⁸⁵ Там же. Л. 350.
- ⁸⁶ Там же. Л. 350 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 351 об.
- ⁸⁸ Там же. Л. 351.
- ⁸⁹ Там же. Л. 352: Протокол Общего Собрания служащих Сенатского Архива 20 декабря 1917 г.
- ⁹⁰ Там же. Л. 351.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же. Л. 351 об.
- ⁹³ Положение об Архиве и Библиотеке Святейшего Синода [1897 г.] // Сб. материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 215.
- ⁹⁴ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 351 об.
- ⁹⁵ *Хорхордина Т.* История и архивы. М.: РГГУ, 1994. С. 43–47.
- ⁹⁶ *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 344.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 357.
- ⁹⁹ Там же. Л. 357 об.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² *Хорхордина Т.* Указ. соч. С. 48–49.
- ¹⁰³ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 358.
- ¹⁰⁴ *Хорхордина Т.* Указ. соч. С. 53.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 346.
- ¹⁰⁷ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 359.
- ¹⁰⁸ *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 348.
- ¹⁰⁹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 360 об.
- ¹¹⁰ *Хорхордина Т.И.* Указ. соч. С. 55–71.
- ¹¹¹ Дело, которое в описи, составленной на рубеже 1970–1980 гг., названо «Протоколами подотдела о храме», на самом деле содержит переписку и проекты, связанные с развитием церковного искусства и охраной церковных древностей.
- ¹¹² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Дд. 307–310, 283.
- ¹¹³ Там же. Д. 309. Л. 3.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 1–2 об.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 2 об; здесь имеется в виду проект «Правил Архивно-Археологической Комиссии» «Положения о Епархиальных Церковно-Археологических Комитетах» 1908–1909 гг., о судьбе которых упоминается в заявлении.
- ¹¹⁶ В 1925–1928 и 1933–1937 гг. — главный библиотекарь Гос. публичной библиотеки. Расстрелян в 1938 г.
- ¹¹⁷ Будущий священномученик архимандрит Сергей (расстрелян в 1922 г.).

- ¹¹⁸ В эмиграции — профессор Карлова университета в Праге.
- ¹¹⁹ Впоследствии — член-корресподент Академии наук.
- ¹²⁰ 1920–1925 гг. — директор БАН и Книжной палаты. Историк книжности Древней Руси.
- ¹²¹ Стоял у истоков казанского архивоведения (*Бобков В.Н.* Церковные и монастырские архивы Казанской губернии в первые годы советской власти // *Археографический ежегодник за 1991 год.* М., 1994. С. 195–199).
- ¹²² ГАРФ, Ф. 3431. Оп. 1. Д. 309. Л. 1.
- ¹²³ Там же. Л. 4.
- ¹²⁴ Священный Собор: Обзор деяний: 1 сессия. С. 94.
- ¹²⁵ *Фирсов С.Л.* Указ. соч. С. 519.
- ¹²⁶ ГАРФ, Ф. 3431. Оп. 1. Д. 283. Лл. 200–201.
- ¹²⁷ Там же. Л. 204 об.
- ¹²⁸ Там же. Д. 309. Л. 13.
- ¹²⁹ Там же. Д. 283. Л. 251.
- ¹³⁰ Там же. Л. 253.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же. Л. 284–284 об.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же. Л. 285.
- ¹³⁵ Там же. Д. 192. Л. 20.
- ¹³⁶ С середины августа 1917 г., в связи с открытием Поместного Собора, Св. Синод перенес свою работу в Москву.
- ¹³⁷ Имеется в виду Союз Российских архивных деятелей (РАД). Это единственное упоминание Союза РАД в материалах Собора, которое нам удалось обнаружить.
- ¹³⁸ ГАРФ, Ф. 3431. Оп. 1. Д. 309. Л. 16.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 15.
- ¹⁴² Там же. Л. 25.
- ¹⁴³ Там же. Л. 26; Священный Собор: Обзор деяний: 2 сессия. С. 31.
- ¹⁴⁴ ГАРФ, Ф. 3431. Оп. 1. Д. 309. Л. 17–24.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 17–18.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 17.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 18.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 21.
- ¹⁴⁹ Священный Собор Православной Российской Церкви: Обзор деяний: Вторая сессия. М., 2001. С. 16, 301–329, 447–459.
- ¹⁵⁰ Собрание определений и постановлений Священного Собора. М.; Пг., 1918. Вып. 3. С. 58–60.
- ¹⁵¹ Священный Собор: Обзор деяний: Вторая сессия. С. 482.
- ¹⁵² ГАРФ, Ф. 3431. Оп. 1. Д. 283. Л. 284 об.
- ¹⁵³ Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях, с проектом «Правил Высочайше утвержденной Архивно-

Археологической Комиссии при Св. Синоде» и «Положения о Церковно-Археологических Комитетах». СПб., 1908. С. 32.

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 309. Л. 19.

¹⁵⁵ *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. С. 117.

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 310. Л. 1–1 об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 4–6.

¹⁵⁸ Там же. Л. 12..

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 368.

¹⁶⁰ Там же. Л. 372.

¹⁶¹ Там же. Л. 370.

¹⁶² Там же. Л. 371.

¹⁶³ Там же. Л. 373.

¹⁶⁴ Там же. Л. 462.

¹⁶⁵ Там же. Л. 399.

¹⁶⁶ Там же. Л. 384.

¹⁶⁷ Академии наук.

¹⁶⁸ Память: Ист. сборник. Вып. 1. М., 1976. Нью-Йорк, 1978. С. 383–384.

¹⁶⁹ *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество [Электронный ресурс]: Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. Б.М., б.г. Режим доступа: http://semeyskie.narod.ru/en_d.html, свободный. Загл. с экрана.

¹⁷⁰ *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 307.

¹⁷¹ *Дружинин Василий Григорьевич* // Социальная история отечественной науки [Электронный ресурс]. — [Электронная библиотека и архив]. М.: Институт истории естествознания и техники РАН, б.г. Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/repress/academy/drujinin-v.htm>, свободный. Загл. с экрана.

¹⁷² РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156.. Л. 368.

¹⁷³ Там же. Лл. 368 об. — 369 об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 369 об.

¹⁷⁵ Там же. Лл. 373 об. — 375.

¹⁷⁶ Там же. Л. 376.

¹⁷⁷ Там же. Л. 380.

¹⁷⁸ Там же. Лл. 380 об. — 381.

¹⁷⁹ Там же. Лл. 383— 384.

¹⁸⁰ Там же. Л. 386-б об.

¹⁸¹ *Щеглов Г.Э.* К истории описания и публикации документов Архива западно-норусских униатских митрополитов// Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2004. №3. С. 216–217.

¹⁸² РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 386-а об.

¹⁸³ Там же. Л. 364 об.

¹⁸⁴ *Крылов Н.С.* Церковь, государство, общество в документах синодального архива [Электронный ресурс]. СПб.: Институт Высшая религиозная философская школа, б.г. Режим доступа: <http://srph.ru/articles.htm#kr>, свободный. Загл. с экрана.

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 385.

¹⁸⁶ Там же. Л. 410 об.

- ¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 65. Л. 180.
- ¹⁸⁸ В прошлом — директор Канцелярии обер-прокурора Синода и департамента православного вероисповедания Временного правительства (Священный Собор: Обзор деяний: Первая сессия. С. 411).
- ¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 123. Л. 180.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 180 об.
- ¹⁹¹ Там же.
- ¹⁹² *Аннинский С.* Первая конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и дни: Ист. журнал. Пг., 1920. Кн. 1. С. 378–379.
- ¹⁹³ *Аннинский С.* Первая конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и дни: Ист. журнал. Пг., 1920. Кн. 1. С. 379.
- ¹⁹⁴ См.: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. С. 118–120.
- ¹⁹⁵ *Щеглов Г.Э.* Неизвестный юбилей [Электронный ресурс]. Жировичи: Минские духовные школы, 2007. Режим доступа: http://minds.by/academy/trudy/5/tr5_12.html, свободный). Загл. с экрана. (Труды Минской духовной академии. Т. 5.)
- ¹⁹⁶ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Лл. 426–428.
- ¹⁹⁷ Следственное дело патриарха Тихона. С. 477.
- ¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 6. Л. 40–41.
- ¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 35. Л. 4.
- ²⁰⁰ Там же.
- ²⁰¹ Там же. Л. 4 об.
- ²⁰² Следственное дело Патриарха Тихона. С. 815.
- ²⁰³ Там же. С. 832.
- ²⁰⁴ Там же. С. 488–489.
- ²⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 8. Д. 23. Л. 1, 3.
- ²⁰⁶ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 815, 828.
- ²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 35. Л. 1.
- ²⁰⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 6. Л. 41.
- ²⁰⁹ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 477, 489.
- ²¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 18–21.
- ²¹¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 35. Л. 2–2 об.
- ²¹² Там же. Л. 2 об.
- ²¹³ Там же. Д. 6. Л. 48–49.
- ²¹⁴ Там же. Л. 49.
- ²¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 20.
- ²¹⁶ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 6. Л. 49.
- ²¹⁷ *Щеглов Г., Ионов А.* Делегация Высшего церковного управления и церковные архивы в первые годы после Октябрьской революции // Церковно-исторический вестник / Общество любителей церковной истории. М., 2004. №11. С. 149–159; *Щеглов Г.Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924): Жизнь и служение на переломе эпох. Минск, 2008.
- ²¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 9. Л. 2 об.
- ²¹⁹ Там же. К. 9. Д. 9. Л. 20 об.
- ²²⁰ Там же. Л. 20 об.
- ²²¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 63. Л. 27.

- ²²² НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 21.
- ²²³ Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Вып. 1. М., 1921. С. 113.
- ²²⁴ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 63. Л. 30.
- ²²⁵ Там же. Л. 31.
- ²²⁶ Сб. декретов, циркуляров, инструкций... С. 113.
- ²²⁷ Декрет СНК «Об отделении...» // Следственное дело Патриарха Тихона. С. 815.
- ²²⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 63. Л. 32 об.
- ²²⁹ *Здравомыслов К.Я.* Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. Спб., 1906. С. 39–40.
- ²³⁰ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 63. Л. 32 об.
- ²³¹ Там же.
- ²³² НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 21.
- ²³³ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 63. Л. 46 об.
- ²³⁴ Там же. Л. 48 об.
- ²³⁵ Там же.
- ²³⁶ Там же.
- ²³⁷ У автора настоящей работы имеется подборка документов по данному вопросу, выявленных в РГИА в фондах Петроградского отделения Главархива (ф. 6900) и Архиве архива.
- ²³⁸ Там же. Л. 54.
- ²³⁹ См. п. 2.2 главы 2 настоящей работы.
- ²⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 63. Л. 51 об.
- ²⁴¹ См., например, НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 10–14 об.: ненужная местному Отделу ЗАГС часть консисторского архива была просто выброшена.
- ²⁴² НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 9. Л. 1–2 об.
- ²⁴³ Там же. Д. 12. Л. 2.
- ²⁴⁴ Там же. Д. 9. Л. 1–2 об.
- ²⁴⁵ История Русской Православной Церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга: Аннотированный справочник-указатель. М., 1995. С. 86–104.
- ²⁴⁶ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 320. Л. 23.
- ²⁴⁷ ГАРФ. Дело фонда 3431. Л. 10.
- ²⁴⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 660.
- ²⁴⁹ ГАРФ. Дело фонда 3431. Л. 14–21.
- ²⁵⁰ Участие архивов и церкви в сохранении и использовании историко-культурного наследия России: Материалы конференции // Вестник архивиста. 1992. №4. С. 48; сотрудники ГАРФ в устных беседах также высказывали мнение, что в Центральный архив народного хозяйства культуры и быта фонд поступил из ОГПУ.
- ²⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 9. Л. 1–2 об.
- ²⁵² Российский государственный исторический архив: Путеводитель: В 4 т. Спб., 2000. Т. 1. С. 175–176; *Ионов А.С.* С.Г.Рункевич и судьба архивных материалов Поместного собора... // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее. М., 2005 (Труды Историко-архивного института РГГУ. Т. 36). С. 337–341.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АА — Архив архива.
ААК — Архивно-археологическая комиссия.
ВЦУ — Высшее церковное управление.
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
Главархив — Главное управление архивным делом.
ГУАД — Главное управление архивным делом.
ЕГАФ — Единый государственный архивный фонд.
ИАИ — Историко-архивный институт.
ЛИО — Литературно-издательский отдел.
МИД — Министерство иностранных дел.
Наркомпрос — Народный комиссариат по просвещению.
Наркомюст — Народный комиссариат юстиции.
НИОР — Научно-исследовательский отдел рукописей.
НКЮ — Народный комиссариат юстиции.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
ПСПиР — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания.
РАН — Российская академия наук.
РГБ — Российская государственная библиотека.
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
СНК — Совет народных комиссаров.
Совнарком — Совет народных комиссаров.
Союз РАД — Союз Российских архивных деятелей.
СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия.
ЦАК — Церковно-археологический комитет.
ЦКУА — Центральный комитет по управлению архивами.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Источники:

Опубликованные

1. Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу / Главное управление архивным делом. Вып. 1. М., 1921. 123 с.
2. Сборник материалов, относящихся к доархивной части в России: Т. 1 / Императорское Рус. историч. об-во. Пг., 1916. III. 710 с.
3. Следственное дело патриарха Тихона: Сб. док. По материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с. + 32 с. илл.
4. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: В 4-х вып. / Соборный Совет. М., 1918. Вып. 1–4.

5. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв.: Сб. док. / Министерство культуры РФ; Сост. Дедюхина В.С., Масленицкая С.П., Шестопалова Л.В. и др. М., 1997. 396 с.

Неопубликованные

6. ГАРФ. Ф. 3431 (Поместный Собор Всероссийской Православной Церкви 1917–1918 гг.). Оп. 1. Д. 283, 307–310, 660.

7. ГАРФ. Ф. 5325 (Главархив). Оп. 9. Д. 6, 35, 63, 65, 123, 320.

8. ГАРФ. Дело фонда 3431.

9. НИОР РГБ. Ф. 257 (С.Г.Рункевич). К. 1. Д. 9, 12; К. 8. Д. 23; К. 9. Д. 9.

10. РГИА. Ф. АА. Оп. 1. Д. 275.

11. РГИА. Ф. 814 (Канцелярия Архива и Библиотеки Св. Синода). Оп. 1. Д. 156, 191.

Литература:

12. Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 313–393.

13. Аннинский С. Первая конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и дни: Ист. журнал. Пг., 1920. Кн. 1. С. 378–379.

14. Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. 664 с.

15. Бобков В.Н. Церковные и монастырские архивы Казанской губернии в первые годы советской власти // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 195–199.

16. Здравомыслов К.Я. Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб.: Синодальная типография, 1906. 61 с.

17. Ионов А., *свящ.* Деятельность церковных архивистов в первые послереволюционные годы // Труды Коломенской духовной семинарии. Вып. 4. М., 2009. С. 60–78.

18. Ионов А.С. К вопросу об уровне развития теории и методики и архивоведения в Архиве Св. Синода в начале XX в. // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современной этапе: Доклады и сообщения на Пятой Всерос. научн. конф. М., 2005. С. 161–167.

19. Ионов А.С. С.Г.Рункевич и судьба архивных материалов Поместного собора // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее. М., 2005 (Труды Историко-архивного института РГГУ. Т. 36). С. 337–341.

20. Комарова И.И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1993. С. 83–102.

21. Крылов Н.С. Церковь, государство, общество в документах синодального архива [Электронный ресурс]. СПб.: Институт Высшая религиозная философская школа, б.г. Режим доступа: <http://srph.ru/articles.htm#kr>, свободный. Загл. с экрана.

22. *Любавский М.К.* Лекции, читанные на архивных курсах Центрархива в 1928/29 гг.: [Машинопись в Библиотеке ИАИ РГГУ]. Лекция 9.
23. *Покровский Н.В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. 1906. Т. 221. №12. С. 111–114.
24. Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865–1915. Ист. записка. Пг.: Синод. тип., 1915. VI. 454 с., портр.
25. *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих Реформ. М., 1999. 567 с.
26. *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. 128 с.
27. Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях, с проектом «Правил Высочайше утвержденной Архивно-Археологической Комиссии при Св. Синоде» и «Положения о Церковно-Археологических Комитетах». Спб., 1908. 36 с.
28. Социальная история отечественной науки [Электронный ресурс]. — [Электронная библиотека и архив]. М.: Институт истории естествознания и техники РАН, б.г. Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/repress/academy/drujiniin-v.htm>, свободный. Загл. с экрана.
29. *Старостин Е.В.* Архивы Русской Православной церкви (X–XX вв.): Учебное пособие. М.: РГГУ, 2011. 255 с.
30. Участие архивов и церкви в сохранении и использовании историко-культурного наследия России: Материалы конф. // Вестник архивиста. 1992. №4. С. 36–52.
31. *Хорхордина Т.И.* История и архивы. М.: РГГУ, 1994. 358 с.
32. *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.
33. *Щеглов Г., Ионов А.* Делегация Высшего церковного управления и церковные архивы в первые годы после Октябрьской революции // Церковно-исторический вестник/ Общество любителей церковной истории. М., 2004. №11. С. 149–159.
34. *Щеглов Г.Э.* К истории описания и публикации документов Архива западнорусских униатских митрополитов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2004. №3. С. 206–222.
35. *Щеглов Г.Э.* Незвестный юбилей [Электронный ресурс]. Жировичи: Минские духовные школы, 2007. Режим доступа: http://minds.by/academy/trudy/5/tr5_12.html, свободный). Загл. с экрана. (Труды Минской духовной академии. Т. 5.)
36. *Щеглов Г.Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924): Жизнь и служение на переломе эпох. Минск: Врата, 2008. 436 с., ил.

Справочные издания:

37. *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество [Электронный ресурс]: Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. Б.м.,

б.г. Режим доступа: http://semeyskie.narod.ru/en_d.html, свободный. Загл. с экрана.

38. История Русской Православной Церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга: Аннотированный справочник-указатель. М., 1995. 400 с.

39. Российский государственный исторический архив: Путеводитель: В 4 т. Спб., 2000. Т. 1–4.

40. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1: (1470–1700). Спб.: Синод. тип., 1897. VIII. 502 с., IV л. ил.

41. Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. Спб.: Синодальная типография, 1868–1915. Т. 1–2, 50.

42. Священный Собор Православной Российской Церкви: Обзор деяний. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2002. Т. 1–3 (Первая – третья сессии).

Священник Вадим Суворов

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ 34-го Апостольского правила и 9-го правила Антиохийского Собора

Сегодня стало общепринятым мнение, согласно которому фундаментальное значение как для православной экклезиологии, так и для канонической структуры управления в Православной Церкви имеет 34-е Апостольское правило. Именно оно стало основным каноническим аргументом сторонников восстановления патриаршества на Поместном Соборе Русской Церкви 1917–1918 гг. Между тем к этому же правилу активно обращались и противники означенного явления. Использование 34-го Апостольского правила защитниками столь противоположных позиций, несомненно, свидетельствует о том, что в уяснении точного смысла этого правила точка еще не поставлена. Для прояснения значения рассматриваемого правила кандидат богословия священник Вадим Суворов обращается к толкованиям профессоров Н.А. Заозерского и Н.Н. Глубоковского.

Сегодня стало общепринятым мнение, согласно которому фундаментальное значение как для православной экклезиологии, так и для канонической структуры управления в Православной Церкви имеет 34-е Апостольское правило. Данное правило гласит: «Епископам всякаго народа подобает знати перваго в них и признавати его яко главу, и ничего превышающаго их власть не творити без его разсуждения; творити же каждому только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без разсуждения всех. Ибо тако будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святыи Дух»¹.

Согласно действующему Уставу Русской Православной Церкви, «отношения между Патриархом Московским и всея Руси и Священным Синодом, в соответствии с общеправославной традицией, определяются 34-м правилом свв. Апостолов и 9-м правилом Антиохийского Собора» (п. IV. 5; ср. также п. IV. 7, пп. «с» Устава).

Как известно, 34-е Апостольское правило стало основным каноническим аргументом сторонников восстановления патриаршества на Поместном Соборе Русской Церкви 1917–1918 гг. Между тем даже беглое ознакомление с предсоборной полемикой, а также с дискуссией на самом Соборе 1917–1918 гг. позволяет сделать вывод о том, что к 34-му правилу свв. Апостолов активно обращались не только сторонники восстановления патриаршества в Русской Церкви, но и его противники. Против попыток привлечения 34-го Апостольского правила как аргумента в пользу восстановления патриаршества выступали достаточно авторитетные русские канонисты того времени. Так, например, профессор

Н.С.Суворов утверждал, что в 34-м правиле говорится о национальном, народном начале, в то время как патриархи «не были первыми епископами какого-либо народа, так как в каждом патриархате было несколько народностей»².

Протоиерей Николай Добронравов (впоследствии архиепископ, новомученик) говорил на заседаниях Собора, что если епископы каждого народа должны знать первого среди них, то в многонациональном Российском государстве «может быть не один патриарх Московский, а могут быть и патриарх Украинский и патриарх Сибирский и т. д...»³.

Некоторые канонисты резонно указывали на то, что 34-е Апостольское правило относится скорее к митрополичьим округам, чем к целой Поместной Церкви. Патриархи являлись первенствующими епископами отдельных частей Римской империи, а не целой империи, каковым должен был стать русский Патриарх.

Солидаризируясь с мнением Н.С.Суворова, профессор-протоиерей Федор Титов также настаивал на «несвоевременности и невозможности» усвоения первому епископу Русской Церкви патриаршего титула с наделением его высшей властью и особыми правами. По его мнению, 34-е Апостольское правило «говорит исключительно только о преимуществах чести первого епископа и о непрременной обязанности его ничего не творить без рассуждения со всеми»⁴.

Особую остроту дискуссия о точном смысле и значении 34-го Апостольского правила приобрела в связи с обсуждением на заседаниях Предсоборного Присутствия вопроса об автокефалии Грузинской Церкви. Епископ Сухумский Кирион (Садзаглишвили, будущий Католикос, священномученик) в своем докладе «Национальный принцип в Церкви» обосновывал законность требования грузинской автокефалии 34-м Апостольским правилом: «По прямому смыслу этого правила в православной церкви каждая национальность должна иметь своего высшего предстоятеля духовного чина, каждая иметь свою особую физиономию, сложившуюся законно-историческим путем и не противную духу Вселенской Церкви». Согласно епископу Кириону, «Церковь Вселенская даже узаконила право каждой народности иметь свою собственную церковь с национальной иерархией во главе. И первоначальное разделение пределов церковного управления было вызвано различием принадлежащих к Церкви народностей и совпало с их территориями. Это воззрение лежит в основе церковных правил, и оно санкционировано соборными определениями, следовательно требование себе отдельного самоуправления (автокефалии) каким бы то ни было народом на основании его отдельности не только не предосудительно, напротив, оно вполне законно»⁵.

За этнографическое толкование 34-го правила выступил сторонник грузинской автокефалии профессор Н.А.Заозерский. Противник автокефалии профессор Н.Н.Глубоковский выступил за топографическое (территориальное) понимание правила, опубликовав краткую справку под названием «К толкованию 34-го Апостольского правила»⁶.

Горячая дискуссия между Н.Заозерским и Н.Глубоковским по этому вопросу продолжилась на страницах Богословского вестника.

По убеждению профессора Н.Глубоковского, слово «народ» (ἔθνος) в тексте правила должно пониматься исключительно в топографическом (территориальном) смысле церковной провинции (ἐπαρχία).

В своих рассуждениях Н.Глубоковский следует традиции предметного отождествления 34-го Апостольского правила и 9-го правила Антиохийского Собора (около 341 г.), которое похожим образом формулирует отношения между епископами области (ἐπαρχία) и первенствующим епископом, «в митрополии начальствующим».

9-е Антиохийское правило гласит: «В каждой области епископам должно ведати епископа, в митрополии начальствующаго, и имеющаго попечение о всей области, так как в митрополию отвсюду стекаются все, имеющие дела. Посему рассуждено, чтобы он и честию преимуществовал, и чтобы прочие епископы ничего особенно важнаго не делали без него, по древле принятому от отец наших правилу, кроме того токмо, что относится до епархии, принадлежащая каждому из них, и до селений, состоящих в ея пределах. Ибо каждый епископ имеет власть в своей епархии, и да управляет ею, с приличествующею каждому осмотрительностию, и да имеет попечение о всей стране, состоящей в зависимости от его града, и да поставляет пресвитеров и диаконов, и да разбирает все дела с рассуждением. Далее же да не покушается что-либо творити без епископа митрополии, а также и сей без согласия прочих епископов»⁷.

Фактически на отождествлении по предметному средству 34-го Апостольского и 9-го Антиохийского правил строится вся аргументация Н.Глубоковского в пользу топографического понимания слова «народ» (ἔθνος) в 34-м Апостольском правиле. «Правила 34-е Апостольское и 9-е Антиохийское предметно отождествлялись издавна, хотя бы у Зонары, — пишет Н.Глубоковский, — ...причем термины ἔθνος и ἐπαρχία необходимо уравнивались по смыслу»⁸.

Как известно, по вопросу о времени происхождения Апостольских правил в науке поныне не существует единого мнения. Обращая внимание на близкое сходство некоторых Апостольских правил и правил Антиохийского Собора, одни исследователи считали, что первые явились источником для последних, другие, напротив, полагали, что составитель Апостольских правил уже имел перед собой постановления Антиохийского Собора⁹.

Н.Глубоковский признает бесспорным, что 34-е Апостольское правило и 9-е правило Антиохийского Собора близки по эпохе и условиям происхождения, а потому считает безразличным, который из этих канонов редактирован раньше¹⁰.

В дополнение к указанному главному аргументу Н.Глубоковский привлекает еще два достаточно притянутых доказательства. Первое основывается на исследовании его современника, шотландского профессора Рэмсея (William M.Ramsay). «Профессором Рэмсеем, — пишет Н.Глубоковский, — раскрыто, что в отношениях Римлян к покоренным областям доминировало собственно не самое покорение той или иной страны, а обложение ее податями в целях государственного фиска... Победителей интересовало не место (τόπος), а сидевший на нем народ (ἔθνος) — плательщик, т. е. последний преобладал у них в системе управления и в юридическом понимании «провинций», для обозначения

ния которых, естественно и мог выдвигаться на первый план, при чем в этом частном случае ἔθνος и ἐπαρχία постепенно сближались и как бы отождествлялись. Ввиду сего — по противоположности с «этнографическим» (или «этническим») моментом — у меня избирается термин «топографический» для определения данного специального оттенка в ἔθνος»¹¹. Очевидно, что данный аргумент Н.Глубоковского в вопросе о 34-м правиле может быть истолкован и в противоположном, этнографическом смысле.

Второе доказательство Н.Глубоковского строится на том, что у римского историка Кассия Диона слову ἔθνος иногда усваивается территориальный смысл. «Я тем больше имел права привлекать этого римского писателя, — пишет Н.Глубоковский, — что он жил во II–III вв. по Р.Хр., а 34-й апостольский канон с вероятностью приурочивается к концу III века»¹². Глубоковский приводит пример, когда провинцию Асию Кассий Дион называет ἡ Ἀσία τῶ ἔθνος (Histor. Rom. LIV, 30:3), т. е. употребляет термин ἔθνος с топографическим оттенком. «Автор пользуется им в таком частном значении без всяких пояснений и оговорок. Следовательно, — заключает Н.Глубоковский, — подобное понимание было ходячим и общедоступным»¹³.

Профессор Н.Заозерский, обосновывая этнографическое понимание 34-го правила, подверг аргументацию Н.Глубоковского обстоятельной критике.

В первую очередь Н.Заозерский расходится с Н.Глубоковским в оценке взаимоотношения 34-го Апостольского правила и 9-го правила Антиохийского Собора. Для Н.Глубоковского принципиальным является факт более древнего происхождения Апостольского правила. Оно, по мысли Н.Заозерского, «в самой терминологии своей носит печать глубокой христианской древности — печать церковного устройства первых трех веков»¹⁴.

По мнению Н. Заозерского, употребление в 34-м правиле термина ἔθνος, а не ἐπαρχία (область, гражданская провинция), как и термина πρῶτος ἐναυτοῖς, а не более поздних — μητροπολίτης, ἀρχιεπίσκοπος, πατριάρχος, — свидетельствует о более древнем происхождении 34-го правила по сравнению с правилами Поместных и Вселенских Соборов¹⁵.

Согласно Н. Заозерскому, в эпоху первых трех веков, к которой относится появление 34-го правила, церковное устройство эллинизированных христианских народностей Азии и Балканского полуострова «приспособлялось к национальному укладу», а в эпоху Вселенских Соборов — к политическому¹⁶. Это «произошло потому, что церковная централизация пошла вперед, приспособляясь к политической или государственной централизации, что было вполне естественно, так как и сама церковь сделалась из свободной и независимой — вероисповеданием государственным, имперской церковью»¹⁷.

Внимательно сравнивая тексты обоих правил, Н.Заозерский приходит к выводу, что отцы Антиохийского Собора не толковали 34-е правило, ибо оно «и так ясно», а «лишь применяли его, как общий принцип церковного устройства, к частному новому явлению церковной жизни — к учреждению митрополий и митрополитов»¹⁸. Являясь последователями I Вселенского Собора в установлении власти митрополитов, отцы Антиохийского Собора «желали со своей стороны

закрепить это новое учреждение ссылкой на “древнее от отец принятое правило” (т. е. 34-е Апостольское)», а с другой — стремились значительно расширить единоличную власть митрополита по сравнению с правами примаса¹⁹.

Н.Заозерский аргументирует свою позицию и с лингвистической точки зрения. Согласно Н.Заозерскому, как в Новом Завете, так и в каноническом праве слово ἔθνος употребляется только в двух значениях: в племенном (национальном) и культовом (в смысле «язычников» — народа, чуждого по вере), но никогда — в смысле провинции или епархии. Так, в 71-м Апостольском правиле упоминается «капище языческое» (ιερόν ἔθνῶν), в 80-м — о пришедшем «от языческого жития» (ἐξ ἔθνικοῦ βίου), во 2-м правиле II Вселенского Собора содержится постановление о Церквах Божиих у иноплеменных народов (τάς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἔθνεσι τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίας). Это постановление повторяется затем в 28-м правиле IV Вселенского Собора²⁰.

У Кассия Диона Н.Заозерский указывает два места, где слово ἔθνος действительно переводится словом «провинция»: *Histor Rom.* LIV, 30:3 и XLVI, 23:4. Причем для первого случая замечает, что в словосочетании ἡ Ἀσία τὸ ἔθνος слово ἔθνος хотя и переводится словом «провинция», однако допустим и вольный перевод: «население провинции Азии»²¹.

В подавляющем большинстве остальных случаев, как убедительно показывает Н.Заозерский, Кассий Дион употребляет слово ἔθνος не для обозначения провинции, а в смысле племенного, национального союза (лат. *gens*) или в смысле населения известной местности.

В результате Н.Заозерский приходит к заключению, что христианский народ, ἔθνος, о котором говорится в 34-м правиле, есть «поместная национальная церковь». «По точному смыслу 34-го Апостольского правила, — пишет Н.Заозерский, — вся Церковь Христова представляет собой духовный союз или федерацию национальных, самоуправляющихся церквей»²². «В основу церковного самоуправления или церковной автономии здесь полагается национальность — это выразительно обозначается термином ἔθνος — народ, нация, язык (курсив авт. — *B.C.*)»²³.

Представляется очевидным, что аргументы, выдвинутые Н.Заозерским в его полемике с Н.Глубоковским, выглядят более обоснованными и убедительными. Как отмечают в том числе и современные авторитетные авторы, 34-е Апостольское правило, при его большом сходстве с 9-м Антиохийским, все же исходит из более древнего церковного устройства, поскольку говорит о разграничении церковных областей по этническому принципу, хотя, безусловно, и связанному с территориальным²⁴. Существование митрополичьих округов, из которого исходит 9-е правило Антиохийского Собора, соответствовало административному делению империи на провинции, введенному в начале IV в. при Диоклетиане. Как может показаться, с этим аргументом порой соглашается и сам Н.Глубоковский, когда пишет следующее: «По реальному генезису ἔθνος и ἐπαρχία сближались между собою и покрывали себя взаимно, ибо провинциальное распределение (в частности, в Малой Азии) покоилось у Римлян на национально-этнографическом обособлении, заранее намечавшем прочные тер-

риториальные очертания. Отсюда естественно было обозначать и провинцию именем обитавшего в ней народа»²⁵.

Наиболее уязвимым в позиции Н.Заозерского является сделанный им общий вывод о том, что национальность является основой церковного самоуправления. Критиками национального объяснения 34-го Апостольского правила справедливо указывалось, что церковное деление по национальному признаку вступает в очевидное противоречие с новозаветным принципом, согласно которому во Христе нет ни еллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа (ср.: Кол. 3:11). Не случайно в русской канонической традиции в итоге возобладал территориальный, «топографический» подход в трактовке 34-го Апостольского правила. «Этнографическая» интерпретация правила, выраженная принципом «каждая народная церковь — автокефальна»²⁶, многократно использовалась и продолжает использоваться церковными сепаратистами в борьбе за провозглашение национальных автокефалий. Поэтому Константинопольский Собор 1872 г. справедливо осудил этнофилетизм как посягательство на канонический церковный строй.

Между тем, как это ни парадоксально, все то же 34-е Апостольское правило, но уже в «топографической» интерпретации, порой используется в равной мере как противниками, так и сторонниками сепаратистских устремлений. В ходе упомянутой выше предсоборной дискуссии некоторые противники грузинской автокефалии объясняли свою позицию отсутствием на тот момент у Грузии политической независимости. Современные украинские автокефалисты также апеллируют к 34-му Апостольскому правилу, утверждая, что политическая независимость Украины является достаточным основанием для церковной автокефалии.

О неполноте «топографической» трактовки 34-го правила, понимаемой в узком смысле, сегодня свидетельствует и проблема диаспоры. С точки зрения территориального принципа церковной юрисдикции множественность параллельных юрисдикций в православных диаспорах является канонической аномалией. Сторонники особой первенствующей роли Константинопольского Патриархата в вопросе окормления диаспоры нередко ссылаются на 34-е Апостольское правило, говоря о необходимости особого служения первенствующего епископа на уровне Вселенской Церкви. При этом сторонники абсолютной независимости и равенства между собой Поместных Церквей также объясняют свою позицию 34-м правилом. Согласно их аргументации, 34-е Апостольское правило говорит лишь об отдельных провинциях империи и потому не предполагает единого вселенского церковного центра.

Использование 34-го Апостольского правила защитниками столь противоположных позиций, несомненно, свидетельствует о том, что в уяснении точного смысла и значения этого правила точка еще не поставлена. Вопрос об универсальном первенстве в Православной Церкви, а также вопросы автокефалии, автономии и диаспоры сегодня, как известно, еще не получили общеправославного решения. Без единого понимания смысла 34-го Апостольского правила решение указанных вопросов, очевидно, будет невозможным.

Путь примирения двух подходов — «этнографического» и «топографического» видится в следующем. Как уже было отмечено, наиболее убедительной представляется аргументация Н.Заозерского в его обосновании «этнографического» толкования 34-го Апостольского правила, однако используемое им понятие этноса требует уточнения.

Прежде всего, следует отметить, что понятия «этнос» и «национальность» не равнозначны; ἔθνος, о котором говорит 34-е правило, не сводится к понятию национальности как кровного, генетического родства. Защищая национальное толкование 34-го правила, Н.Заозерский многократно ссылается на известное сочинение профессора П.В.Гидулянова «Митрополиты в первые три века христианства» (М., 1905) и обильно его цитирует. Между тем в действительности П.В.Гидулянов в упомянутом труде, наряду с этническими, говорит также о религиозных, исторических, географических, лингвистических и других особенностях, значение которых преобладало над административно-территориальным фактором во внутренней жизни провинций Римской империи в указанную эпоху. Каждая из стран, входивших в состав одной провинции, жила самостоятельной жизнью и имела «свою историю, свою национальность, свой язык, свое право, своих богов»²⁷. Причем особенно важным фактором в распространении христианства в эту эпоху Гидулянов считает именно общий язык, на котором говорило население известного округа, а не национальность или иные перечисленные факторы²⁸.

Задавая базовый принцип канонического устройства церковного управления, заключающийся в гармоничном сочетании уравнивающих друг друга властных полномочий первоиерарха и собора епископов, 34-е Апостольское правило устанавливало способ поддержания общения и единства местных Церквей, формировало механизм самовоспроизводства церковной структуры в случае смерти епископа и т. п.

Принцип, лежащий в основе как 34-го Апостольского, так и 9-го Антиохийского правил, можно сформулировать так. Епископ, предстоятель местной Церкви, для разрешения вопросов, выходящих за рамки внутренней жизни его епархии, должен обратиться к ближайшему первенствующему епископу, который, в свою очередь, основывал бы свои решения не только на личном рассуждении, но и на соборном мнении других соседних епископов. Из соображений удобства важно, чтобы это был именно «ближайший» во всех отношениях первенствующий епископ: 1) вступление с ним в сношение должно иметь как можно меньше препятствий вследствие различия языков, дальности расстояний, невозможности пересечь границу другого государства и т. п.; 2) для адекватного решения возникающих вопросов важно, чтобы первенствующий епископ, как и другие епископы, признающие его «яко главу» и участвующие в соборном «рассуждении», находились в схожих условиях, в которых протекает церковная жизнь их епархий. А для этого желательно, чтобы население этих епархий было близко по своему языку, культуре, истории, территории проживания, а также внешним условиям, которые определяют, в первую очередь, административной подчиненностью того гражданского округа, на территории которого находится данная епархия.

Очевидно, что национальность, как генетическая принадлежность к тому или иному народу, в данном случае никакой роли не играет. Между тем и гражданско-административный, территориальный принцип не всегда может иметь самодовлеющее значение.

В первые три века христианства ключевую роль в расширении Церкви и процессе централизации структуры церковного управления играло единство того или иного этноса — по языку, культуре, компактности проживания, внешним условиям, в которых существовал данный народ. Максимальная легкость в коммуникации между епископами и общность народной жизни внутри единого этноса и определили употребление термина ἔθνος в 34-м Апостольском правиле. В этом смысле (и это хочется еще раз особо подчеркнуть!) 34-е Апостольское правило говорит именно то, что оно говорит, употребляя термин ἔθνος в его прямом, «этнографическом», а не искусственно притянудом «топографическом» значении.

С наступлением эпохи Вселенских Соборов ситуация меняется. Церковь из гонимой становится Церковью имперской. В начале IV века вводится административное деление империи на провинции. Как следствие, в практике взаимного общения местных Церквей, определении границ епархий и формировании центров церковного управления доминирующее значение начинает играть не этнический фактор, а гражданское административно-территориальное деление Римской империи в данную эпоху.

Церковная централизация начинает приспособливаться к государственной централизации. Устанавливая взаимное отношение 34-го Апостольского правила и 9-го правила Антиохийского Собора, следует согласиться с выводом Н.Заозерского о том, что отцы Антиохийского Собора не толковали 34-е правило (как считал Н.Глубоковский и другие единомысленные с ним толкователи), а лишь применяли его, как общий принцип церковного устройства, к частному новому явлению церковной жизни — к учреждению митрополий и митрополитов. Отцы Антиохийского Собора в 9-м правиле стремились, с одной стороны, «закрепить это новое учреждение ссылкой на «древнее от отец принятое правило» (т. е. 34-е Апостольское)», а с другой — значительно расширить единоличную власть митрополита по сравнению с правами примаса²⁹.

9-е правило Антиохийского Собора отражает период развития церковной структуры, при котором уже образовались три уровня церковной централизации — примас, митрополит, патриарх. Заозерский справедливо обращает внимание на то, что примаса в 34-м Апостольском правиле предписывается почитать «как главу» автокефальной «народной церкви», в то время как митрополиту провинции, согласно 9-му Антиохийскому правилу, епархиальные епископы должны воздавать только «всеобщее уважение, как ближайшему начальнику», т. е. предполагается, что и над ним может быть высший примас. «Что такое предположение допустимо и для оо. Антиохийского собора, — пишет Н.Заозерский, — видно из того, что 1-й Вселенский собор, установив равенство митрополитов между собой, упомянул о преимуществах церквей (точнее их примасов), как то Александрийской, Римской и Антиохийской — образовавшихся путем древнего обы-

чая»³⁰. Таким образом, с введением митрополий в этих церквах власть их древних примасов ничего не должна была терять от устанавливаемого нововведения.

Обращает внимание Н.Заозерский и на концовку обоих правил. Если Апостольское правило имеет в виду мотив: да пребудет единомыслие между епископами и да прославится Бог, то антиохийское правило мотивирует власть митрополита интересом порядка и удобства (ибо в митрополию стекаются все, имеющие дела) и ссылкой на «древле принятое от отец наших правило»³¹.

Для уяснения взаимного отношения 34-го Апостольского и 9-го Антиохийского правил и общего принципа, лежащего в их основе, было бы интересно проследить, каким образом Церковь заново выстраивает систему своего высшего управления и централизации в ситуации внезапного одновременного разрушения государственной административной системы и сложившейся структуры Высшего Церковного Управления. В данном историко-каноническом контексте огромный интерес и ценность представляет известный документ из истории Русской Церкви в XX в.: Постановление № 362 от 7/20 ноября 1920 г. Данное Постановление было принято соединенным присутствием Священного Синода и Высшего Церковного Совета под председательством святого Патриарха Тихона. Оно определяло канонические основы и пути продолжения церковной жизни в условиях гражданского хаоса и гонений на Церковь, когда выстраивавшаяся на протяжении веков система церковной централизации и управления в Русской Церкви могла оказаться полностью разрушенной.

Согласно п. 2 данного Указа, в случае если епархия вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т. п. оказывалась вне всякого общения с Высшим Церковным управлением или само Высшее Церковное управление во главе со Святейшим Патриархом прекращало свою деятельность, епархиальный архиерей должен был немедленно войти в сношение с архиереями соседних епархий «на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли Временного Высшего Церковного Правительства или митрополичьего округа или еще иначе)»³². Пунктом 3 Положения оговаривалось, что попечение об организации Высшей Церковной Власти для группы епархий, оказавшихся в положении, указанном в п. 2, возлагается на старейшего в означенной группе по сану архиерея.

Согласно п. 7, если в отрезанном от Высшего Церковного управления положении окажется епархия, лишенная архиерея, «епархиальный Совет или, при его отсутствии, клир и миряне обращаются к епархиальному Архиерею ближайшей или наиболее для них доступной по удобству сообщения епархии...». В случае же если тот или иной правящий архиерей сам окажется в изоляции от архиереев соседних епархий, и такое положение может принять характер «длительный и даже постоянный», Указ признавал «наиболее целесообразной (в смысле утверждения церковного порядка) мерой» разделение епархии на несколько местных епархий. Для этого правящий архиерей должен был предоставить своим викариям права епархиальных архиереев, учредить «по соборному суждению с ними» новые епархии и образовать «во главе с Архиереем главного

епархиального города церковный округ, который и вступает в управление местными церковными делами согласно канонам» (п. 5–6).

В целом Постановление указывало порядок, по которому отрезанная от системы Высшего Церковного Управления церковная единица могла заново выстроить необходимую для церковного управления каноническую структуру, предполагающую наличие собора епископов нескольких самостоятельных епархий, объединенных вокруг первенствующего епископа.

В условиях, в которых должно было работать данное Постановление, теряли самодовлеющее значение как «этнографический», так и «топографический» временные исторические факторы. Главными факторами в объединении епархий Постановление признает:

1. Легкость коммуникации между «ближайшими или наиболее доступными по удобству сообщения епархиями».

2. Одинаковость «положения» и «условий», в которых находятся епархии, объединенные вокруг первенствующего епископа.

Показательно, что этот же принцип закладывался в основу деления Русской Церкви на митрополичьи округа на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Предлагалось в качестве основания для объединения епархий в один церковный округ положить: «а) церковно-бытовые условия, б) условия исторические, в) удобства путей сообщения, г) культурно-бытовые особенности, д) особенности гражданского и административного деления для некоторых местностей, е) а также соображения, связанные с вопросами переселения»³³.

Таким образом, по смыслу 34-го Апостольского и 9-го Антиохийского правил объектом церковной миссии являются конкретные люди, а не та или иная «территория» или «национальность». Люди же могут принадлежать к тем или иным народам, имеющим свой язык, свои особенности, и проживать на тех или иных территориях, находящихся в различных внешних условиях. Именно эти особенности и учитывают оба канона с точки зрения практической целесообразности для своих исторических эпох.

Неизменным в обоих правилах остается одно: в качестве основы церковного строя утверждается гармоничное сочетание соборного и иерархического начал в жизни Церкви; единство и общение церквей должно обеспечиваться балансом между властью собора епископов и властью примаса.

Какое же значение имеют приведенные соображения для решения стоящих сегодня перед Церковью актуальных проблем?

Первое

Реализация заложенных в 34-м Апостольском правиле принципов в перспективе исторического развития могла приводить и приводила к образованию не одного, а нескольких уровней церковной централизации. В решении вопросов, превосходящих компетенцию епархиального епископа, последний обращался к митрополиту. Необходимость применения лежащих в основе 34-го Апостольского правила принципов в новых условиях привела в начале IV в. к появлению 9-го правила Антиохийского Собора. Митрополии со временем объединялись в патриархаты. Патриархи становились как бы «митрополитами для митропо-

литов». В ходе дальнейшей централизации церковной системы конкуренция первенствующих патриарших кафедр — Рима и Константинополя — на уровне Вселенской Церкви привела в XI в. к печальному разделению Церквей. Вопрос о первенствующем епископе на универсальном уровне каноническим сознанием Церкви до конца разрешен не был.

В XX в. Поместные Православные Церкви оказались в совершенно новых условиях, требующих от них оперативного и скоординированного решения многих вопросов и проблем, возникающих в сфере межцерковных и межправославных отношений. Следует признать, что стабильные механизмы решения подобных проблем в Православной Церкви отсутствуют до сих пор. Предложенная трактовка 34-го Апостольского и 9-го Антиохийского правил не противоречит возможности реализации лежащего в их основе принципа на уровне Вселенской Церкви. Если экстраполировать указанный принцип на универсальный уровень, в решении вопросов, выходящих за рамки внутренней жизни автокефальных Церквей, особая координирующая роль могла бы принадлежать епископу признанного всеми первенствующего престола при условии соборного участия в принятии решений предстоятелей (непосредственно или через их полномочных представителей) остальных Поместных Церквей. Это могло бы существенно снизить остроту проблем, связанных с провозглашением и признанием новых автономий и автокефалий, скоординировать деятельность Поместных Церквей в окормлении диаспор и т. д.

Второе

Предложенное понимание 34-го Апостольского правила не дает оснований считать параллельные юрисдикции в диаспорах канонической и экклезиологической аномалией и избавляет от необходимости искать спорные канонические решения проблемы диаспоры наподобие тех, которые предлагаются сегодня представителями Константинопольского Патриархата. Очевидно, что по смыслу 34-го Апостольского правила реальные пастырские задачи по духовному окормлению диаспоры требуют преимущественного учета «этнографического», а не «топографического» принципа в решении вопроса о юрисдикции этих общин. В условиях глобализации современного мира административно-территориальный критерий в организации церковной жизни начинает играть в диаспоре гораздо меньшую роль по сравнению с этнокультурным критерием. Легкость в коммуникации, объясняющаяся единством языка, общность культурно-бытовых традиций, единство культурной и исторической самоидентификации, а также схожесть внешних условий, в которых пребывают православные, оказавшиеся в рассеянии, делают целесообразным окормление этих общин своими епископами, входящими в юрисдикцию первенствующего епископа своего «народа».

К похожему выводу приходит и современный исследователь проблемы церковной диаспоры А.А.Ухтомский. Данный автор полагает, что принципу, выраженному в 8-м правиле I Вселенского Собора («да не будет двух епископов во граде») существующая практика окормления диаспоры не противоречит. «Из канонических правил известно, — пишет А.Ухтомский, — что понятия «область» и «город» носили не только территориальный характер. В 34-м апостольском

правиле понятие «епископ всякого народа» синонимично понятию «его (епископа) епархии и мест, к ней принадлежащих», и означает то, что епископ имеет юрисдикцию, во-первых, над народом, нахождение этого народа на определенной территории и юрисдикция над ней является акциденцией: епископ не имеет юрисдикции на незаселенной территории»³⁴.

По мнению А. Ухтомского, церковное устройство, соответствовавшее административным условиям Римской империи, не всегда могло переноситься в другие места. В древней Ирландии при отсутствии четких территориальных границ и центров епископ являлся скорее духовным пастырем племени, чем духовным руководителем определенной территории. В древней Сербии по причине малочисленности городов первые епископы почти все находились в монастырях. Из этого А. Ухтомский делает вывод, что наличие в диаспорах нескольких епископов на одной территории «является, скорее всего, частным случаем 8-го правила I Вселенского Собора, поскольку они окормляют паству, разнящуюся в культурном или каком-либо другом отношении»³⁵.

Третье

Предложенная трактовка 34-го Апостольского правила не позволяет церковным сепаратистам использовать данное правило ни в национальном, ни в «топографическом» истолковании для оправдания претензий на автокефалию. Не будучи Церковью «только для русских», Русская Православная Церковь сегодня уже не является и Церковью Российской, «Церковью Российской Федерации», включая в свою каноническую территорию несколько независимых государств, связанных исторически, этнически и культурно. Вместе с тем отсутствие политической независимости народов, входящих в ту или иную Поместную Церковь, полиэтничный состав паствы или нахождение на новых миссионерских территориях не могут однозначно рассматриваться как препятствие к получению автокефалии. На территории одного государства может существовать несколько Поместных Церквей, существенно отличающихся по своей истории и этническому составу (например, Русская и Грузинская Церкви в СССР). Вполне законное автокефальное бытие сегодня имеет Православная Церковь в Америке.

Следует согласиться с тем, что канонические границы церковного устройства не взаимосвязаны однозначным образом с гражданским (государственным) территориальным делением. Совпадение этих границ, так же как и отсутствие этого совпадения, не является ни нормой, ни ее нарушением³⁶. Во главу угла здесь должны быть положены соображения удобства в решении пастырских задач по окормлению церковного народа.

Четвертое

В настоящее время в Русской Церкви создаются митрополичьи округа, разрабатываются положения об их управлении. Тема митрополичьих округов как формы церковного устройства разрабатывается Комиссией Межсоборного присутствия по вопросам церковного управления и механизмов осуществления соборности в Церкви.

Появление данных административно-территориальных единиц в структуре Русской Церкви полностью отвечает духу и смыслу рассмотренных в настоящей

статье 34-го Апостольского и 9-го Антиохийского правил и может иметь большое практическое значение в оживлении и укреплении соборных начал в жизни Русской Церкви.

Вместе с тем важно отметить, что исторически развитие церковной централизации происходило по восходящей — от епархий к митрополиям, от митрополий к патриархатам. В пределах Римской империи в IV столетии существовало не менее 200 провинций и, следовательно, примерно столько же митрополичьих округов, по сути дела, автокефальных Поместных Церквей, которые с течением времени стали объединяться в патриархаты³⁷. По смыслу 34-го Апостольского и 9-го Антиохийского правил епископ и митрополит на своем уровне обладали полнотой самостоятельности, вынося на суд вышестоящей инстанции (соответственно митрополита или патриарха с их синодами) лишь те вопросы, которые выходили за рамки внутренней жизни их церковных округов.

При рассмотрении вопроса о создании митрополичьих округов на Поместном Соборе 1917–1918 гг. данные округа мыслились как полноценные, самостоятельные церковные образования, строящиеся на соборных связях как внутри себя, так и во внешних своих³⁸.

При несоблюдении данного подхода создаваемые сегодня митрополии вместо дополнительных центров соборности на промежуточном между Патриархом и епархиальными архиереями уровне могут стать очередной бюрократической инстанцией в нисходящей церковно-административной «вертикали», со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. При разработке системы управления митрополичьих округов данное обстоятельство необходимо учитывать.

Это подтверждает важность осмысления значения рассмотренных в настоящей статье канонических правил не только в разрешении различных вопросов в области межцерковных и межправославных отношений, но и на уровне отдельной Поместной Церкви.

Профессор Н.Глубоковский, приводя в своей работе слова «одного авторитетного для него в науке русского ученого», писал, что «от пространных толкований смысл 34 апостольского правила вовсе не раскрывается и только разбаливается голова». Хочется надеяться, что приведенные в настоящей статье соображения, возникшие при рассмотрении полемики профессора Н.Глубоковского с профессором Н.Заозерским, все-таки приблизят нас к более точному пониманию 34-го Апостольского канона.

¹ Цит. по: Правила Святы́хъ Апосто́ль и Святы́хъ Оте́ць с толкованіями. М.: Паломник, 2000. С. 74–75.

² Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. №22. С. 1507.

³ См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Т. 2. С. 348.

⁴ Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия. Спб., 1906. Т. 1. С. 278.

⁵ Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. №47. С. 55–58.

- ⁶ Прибавления к Церковным ведомостям. 1907. №10. С. 319–320.
- ⁷ Правила Святыхъ Поместныхъ Соборовъ с толкованіями. М.: Паломник, 2000. С. 163–164.
- ⁸ *Глубоковский Н.Н.* Смысл 34-го Апостольского правила: [Ответ на возражения проф. Н.А.Заозерского] // Богословский вестник, 1907. Т. 2. №7/8. С. 750 (2-я пагин.).
- ⁹ См.: *Цыпин В., прот., Литвинова Л.В.* Апостольские правила // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 120.
- ¹⁰ См.: *Глубоковский Н.Н.* Смысл 34-го апостольского правила. С. 738.
- ¹¹ Там же. С. 739.
- ¹² Там же. С. 740.
- ¹³ Там же. С. 742.
- ¹⁴ *Заозерский Н.А.* Точный смысл и значение Апостольского 34-го правила: (По поводу статьи проф. Н.Н.Глубоковского «Смысл 34-го Апостольского правила» // Богословский вестник июль–август 1907 г.) // Богословский вестник 1907. Т. 3. №12. С. 771 (2-я пагин.). (Начало).
- ¹⁵ См.: Там же. С. 780, 782.
- ¹⁶ Там же. С. 774–775.
- ¹⁷ Там же. С. 780–781.
- ¹⁸ *Заозерский Н.А.* Точный смысл и значение Апостольского 34-го правила: (По поводу статьи проф. Н.Н.Глубоковского «Смысл 34-го Апостольского правила» // Богословский вестник июль–август 1907 г.) // Богословский вестник 1908. Т. 1. №1. С. 85–86 (2-я пагин.). (Окончание.).
- ¹⁹ См.: Там же.
- ²⁰ См.: *Заозерский Н.А.* Топографический смысл 34-го Апостольского правила // Богословский вестник 1907. Т. 2. №6. С. 346–347. (2-я пагин.).
- ²¹ Там же. С. 349.
- ²² *Заозерский Н.А.* Точный смысл и значение Апостольского 34-го правила // Богословский вестник 1907. Т. 3. №12. С. 779.
- ²³ Там же. С. 773.
- ²⁴ См.: *Цыпин В., прот.* Курс церковного права: Учеб. пособие. Клин: Христианская жизнь, 2002. С. 64.
- ²⁵ *Глубоковский Н.Н.* Смысл 34-го Апостольского правила. С. 749.
- ²⁶ См.: *Заозерский Н.А.* Точный смысл и значение Апостольского 34-го правила // Богословский вестник 1908. Т. 1. №1. С. 88.
- ²⁷ *Заозерский Н.А.* Точный смысл и значение Апостольского 34-го правила // Богословский вестник 1907. Т. 3. №12. С. 776–777. (С. 37–39 у Гидулянова).
- ²⁸ Там же. С. 778–779.
- ²⁹ *Заозерский Н.А.* Точный смысл и значение Апостольского 34-го правила // Богословский вестник 1908. Т. 1. №1. С. 85–86.
- ³⁰ Там же. С. 88.
- ³¹ *Заозерский Н.А.* Точный смысл и значение Апостольского 34-го правила // Богословский вестник 1908. Т. 1. №1. С. 89.
- ³² Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви от 7/20 ноября 1920 г. за №362 (http://www.russianorthodoxchurch.ws/Istoria/ukaz_362.html).

Труды Коломенской Духовной семинарии

³³ См.: *Артемов Н., прот.* Поместный Собор 1917–1918 гг. как основа и источник Постановления №362 от 7/20 ноября 1920 г. // 1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона: Материалы межд. науч. конференции: Москва 19–20 ноября. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 121.

³⁴ *Ухтомский А.* Православная диаспора: проблема формирования канонического статуса // Церковь и время. М.: ОВЦС МП. №3 (48) 2009. С. 146–147.

³⁵ Там же.

³⁶ Ср.: *Ухтомский А.* Новая Пентархия — новая соборность? (http://www.bogoslov.ru/text/2239930.html#_ftnref7).

³⁷ Ср.: *Цытин В., прот.* Курс церковного права. С. 291.

³⁸ См.: *Артемов Н., прот.* Указ. соч. С. 133.

Священник Илия Ничипоров

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ
святителя Филарета (Дроздова)
как школа духовного воспитания

В многогранной архипастырской, богословской, церковно-общественной, творческой деятельности святителя Филарета Московского (1782–1867) значительное место принадлежит эпистолярному наследию. В историю отечественной словесности он вошел как автор поэтического послания, написанного в ответ на отчаянно-исповедальное стихотворение А.С.Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» (1828). Строки этого послания являют претворение архипастырского молитвенного опыта в духовной силе художественного слова и отчетливо иллюстрируют пронизательное суждение историка и писателя М.П.Погодина о митрополите Филарете как «сокровище русской литературы»¹:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светлый ум².

Энергия вразумляющего слова, которое вводит мудрые пастырские наставления в русло теплой отеческой беседы, ярчайшим образом воплотилась и в объемном корпусе переписки святителя с мирянами и духовными лицами. Комплексное богословское, филологическое, историческое осмысление данного материала еще впереди, здесь же речь пойдет лишь о некоторых доминирующих темах, идеях, образах этих писем.

Одним из смысловых центров писем митрополита Филарета являются его Пасхальные приветствия. Они далеки от привычных форм традиционного поздравления и содержат в себе проникновенные интуиции о явленных и потаенных сторонах Воскресения Христова, которое перед каждым верующим чело-

веком открывает светоносный путь личного воскресения: «умственного — от неведения к боговедению», «нравственного — от греха к добродетели», «духовного — от смерти к жизни вечной», возможность «возрождения того, что есть лучшего в быту человеческом»³. Пастырское назначение этих посланий состоит в призыве к «общению и с ближними в сей радости», которая запечатлевается посредством образной ассоциации с непреложными законами природного мироздания: «Подобно как от взора естественного солнца непрерывно исходят в мире жизнь, веселие и благолепие».

Заветной для святителя Филарета оказывается мысль о духовной необходимости постоянного личностного переживания христианином событий земной жизни и проповеди Спасителя. Своим адресатам он советовал «освящать известные часы дня воспоминанием страданий Господних, когда то возможно» и, прибегая к развернутому образному уподоблению, прозревал в подобных благоговейных воспоминаниях путь к очищению «одежд души» от греховных пятен: «Примечать на одежде души пятна, требующие очищения. Кровь, пролитая за нас на Голгофе, да коснется их и да очистит душу, да разрешит ее от связующей одежды тьмы и да явит, наконец, в одежде света».

Сквозными в письмах архипастыря являются *размышления о молитве*, ее значении как в сокровенной духовной жизни, так и в текущей повседневности, межчеловеческом общении. Святитель выступает неустанным проповедником сосредоточенной сердечной молитвы, непреходящая ценность которой передается им в Евангельском притчевом образе: «Внутренняя молитва есть сокровище, сокровенное на селе, для приобретения которого можно и надобно продать все невнутреннее... Осмотримся, не пожалели ль мы чего продать?» Припоминая сокрушение псалмопевца о «восмердевших и согнивших ранах» души (Пс. 37:6), митрополит Филарет видит в сердечной молитве залог того, «чтобы мы смиряли себя скорбью покаяния, только бы не унывали и не отлагали упования на милосердие Божие».

При помощи молитвы, как убеждает святитель, достигается торжество Божеской любви к людям над эгоистическими импульсами. В секулярном мире, где господствуют силы конфронтации и разъединения, «молитва друг о друге есть лучшее из общений», ибо шаткое здание человеческих отношений укрепляется здесь прочным фундаментом духовных оснований. Письма митрополита наполнены пронизательными наблюдениями над извечной потребностью человеческой души в покое и умиротворении. Благословляя своим чадам хотя бы временное удаление от городского шума, дабы через «большую близость к простоте природы» достичь «удобнейшего приближения к Творцу ее», он в то же время предостерегал от ложного понимания молитвы, призывал «различать дело молитвы от услаждения в ней», помнить о том, что «дело делает человек... а утешение дарует Бог по благодати».

Вообще антитетический принцип выстраивания пастырских назиданий в письмах святителя Филарета способствует отчетливому распознаванию подлинного и мнимого в духовной жизни. Так, молитвенное приближение к Царствию Божию как «миру и радости о Дусе Святе» (Рим. 14:17) состоит, как он под-

черкивает, отнюдь «не в том, чтобы другие нас не беспокоили... но в том, чтобы сами мы не выходили из покоя за земные мелочи. Для сего надобно вооружаться терпением и молитвою с упованием на Бога».

Через многие письма митрополита Филарета проходят и размышления об основополагающих *христианских добродетелях*, сущность которых раскрывается не в отвлеченно-назидательной риторике, но в прорисовке узнаваемых коллизий повседневной жизни в свете Евангельских идеалов.

Устанавливая сложное соотношение духовного и обыденного измерений в текущем мирском существовании, святитель направляет своим адресатам призыв «испытывать помыслы и остерегаться, чтобы не смешивать человеческие с Божественными и мирские с духовными». При обращении к мирянам он избегает категоричного требования до конца «пожертвовать мирским для духовного», но в образно-метафорической форме делится опытом сосредоточенной жизни во Христе, которая заключается в том, чтобы каждый день суметь освятить хотя бы избранными мгновениями молитвенного уединения и через это разглядеть во внешних событиях «след пути Провидения»: «Но доколе сети мирские так перепутаны, что когда выпутываешь одну ногу, другая запутывается, — надобно: то, что свободно, сколько можно простирать к Богу».

В качестве краеугольного камня христианской жизни митрополит выдвигает *смирение* и, в частности, в одном из писем к поэту и церковному историку А.Н.Муравьеву воплощает эту идею в развернутом метафорическом изображении борьбы небесного, проистекающего от Божественной гармонии света с поглощающим душу туманом: «Гордое мудрование с умствованиями... восходит в душе как туман, с призраками слабого света: дайте туману сему упасть в долину смирения; тогда только Вы можете увидеть над собою чистое высокое небо». Родственные изящной словесности иносказательные параллели между поисками смирения и потаенной жизнью природы сочетаются в письмах святителя с раскрытием конкретных житейских проявлений этой добродетели. Так, например, он указывает на немалую духовную пользу от того, что человек узнает о себе «слово осуждения», которое, в случае вдумчивого отношения к нему, может послужить «врачевством против гордости и наставлением об осторожности». Не менее значимо, однако, и внутреннее устояние личности перед «всяким ветром слова человеческого», поскольку «надобно человеку, и особенно человеку верующему, быть тверже травы».

Благим плодом смирения выступает, по мысли митрополита, и умудренное отношение к телесным недугам, прозрение в них подвластных Богу ритмов физического и внутреннего бытия человека, осознание того, что «Бог дает здоровье, чтобы человек действовал... и посылает болезнь, чтобы... переносил бездействие». В одном из многочисленных писем к наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву) святитель оригинально сформулировал духовное назидание в виде медицинского рецепта: «Взять... довольно жестокого самообличения, положить в довольно глубокую ступку смирения и довольно толочь пестом терпения; сей порошок принимать каждый раз, когда начнут бить в голову высыющиеся помыслы...»

От смирения, воспитания в себе молитвенной созерцательности архипастырь протягивает нить к *добродетели неосуждения*, которая достигается путем самообуздания в словах, через неустанное «мысленное осуждение себя за осуждение ближних». В смирении им усматривается врачующее средство от сухости и жесткости сердца, вызванных «погружением ума и сердца в житейские попечения». Не раз возвращаясь в своих письмах к Евангельскому эпизоду посещения Христом Марфы и Марии, митрополит Филарет призывает всех почаще «напоминать себе сказанное Марфе» и стремиться усвоить путь Марии, с ее «безмолвным преседением при ногах Господа Иисуса и благоговейным вниманием слову Его».

Венцом смирения святитель видит неиссякаемую устремленность личности к благодарению Творца. В письме к Е.П.Головиной это иллюстрируется притчевой историей о древнем подвижнике, который долгое время трудился сам и не желал принимать приношений, но когда по немощи телесной все-таки был вынужден принять помощь, то, сторонясь уязвленного тщеславия, возблагодарил Бога за ниспосланную милость и обнаружил тем самым сущность подлинно христианского благодарения: «Дающий пособие должен благодарить Бога, что может дать; и приемлющий должен благодарить Бога, Который послал дающего».

Во многих случаях состоявшие в переписке со святителем просили его о духовной помощи в периоды тяжелых жизненных испытаний. В ответных наставлениях архипастырь неизменно обращался с увещанием о преодолении горделивой, подчас не до конца осознаваемой обиды на Творца, которая закрывает дверь человеческого сердца перед Его исцеляющим утешением: «Не ставьте печальных воспоминаний крепкою стеною против утешения Божия; пусть они находят и приходят, как облака, а свет Христов беспрепятственно входит в печальную душу и светится в ней своим светлым утешением так, чтобы тьма печали не объяла его». Проникая в смысловые глубины Евангельского образа двери, святитель развивает его в своем наставлении и напоминает усомнившимся сердцам, что «дверь милосердия Божия всегда отворена и легко снова отворится, если постучать с верою, смирением и терпением, не произнося наперед строгого суда на Милосердного, якобы Он не расположен отворить, и не отступая нетерпеливо, если дверь не отворилась по первому удару». Предостерегая от самонадеянного человеческого стремления ожидать от Бога прямых ответов на собственные вопрошания, что порождает типичную для обыденного сознания боязнь любых непредвиденностей, святитель Филарет укрепляет своих пасомых в смиренном уповании и молитвенном взыскании Бога, «у Которого нет ни внезапностей, ни перемен, но всегдашняя безопасность и вечное спасение»: «Не будьте настоятельны в том, чтобы всякий вопрос Ваш разрешался ясным ответом».

В письмах святителя не оставлены в стороне и *церковно-практические, богослужебные вопросы*. В середине XIX столетия, когда в самых широких слоях русского общества происходило неуклонное оскудение живого церковного чувства, митрополит Филарет свидетельствовал о Церкви Христовой как Вечном Древе, источающем благодатную силу для всего человечества, которое, в случае

отпадения от этого живоносного источника, обрекает себя на самоисчерпание: «Семя веры посеяно в начале мира, росло веки, процвело и принесло плоды в открытии христианской Церкви: за сим и по закону развития должна следовать постоянная жизнь плодоношения, и если не сохраним живого дерева, иные ветви отломятся, увянут, засохнут...» Особое внимание уделяется и духовному приготовлению к принятию Святых Христовых Таин, которое заключается прежде всего в искреннем стремлении очистить «ясли души» для грядущего Спасителя: «Посетитель душ Сам да уготовит в вас Себе обитель, как Ему благоугодно».

Обращаясь к духовенству, Владыка призывал со вниманием относиться к глубинной смысловой значимости привычных, казалось бы, моментов богослужения. Так, например, священнику, произносящему отпуст и поминающему святых дня, он настоятельно советует памятовать о живом предстательстве каждого из них перед Творцом, духовными очами прозревать, как они своим посредством очищают наши грешные молитвы и приносят их «перед престолом Всевышнего». Предметами постоянной пастырской заботы святителя выступали и звучащая с амвона *проповедь*, которая должна быть «наставлением простым, ясным, деятельным», чуждым «темных путей гадательного умствования», и *пристальное внимание к вновь создаваемым богослужебным текстам*, призванным являться «произведением духа, а не литературы» и приближаться к исконному строю «православного богослужения, древнего, мудрого, полного благодати и назидательности». В этом ряду — и пронизательные предостережения от *соблазна раннего духовного наставничества*, подкрепляемые давней мудростью, согласно которой «хорошо сеять тому, кто уже собрал жатву...».

Приведенные здесь размышления, назидания святителя Филарета являются лишь некоторыми гранями того колоссального духовного, архиерейского опыта, который нашел выражение в живом слове, настоянном на красоте и образности как церковного языка, так и меткой народной речи. Эпистолярное наследие митрополита Филарета может рассматриваться как красноречивый исторический документ, памятник русского литературного языка своего времени, но прежде всего оно является средоточием опыта жизни во Христе, школой духовно-нравственного воспитания, открывающей свои двери не только современникам и непосредственным адресатам, но и последующим поколениям.

¹ Цит. по: *Святитель Филарет Московский. Призовите Бога в помощь: Сб. писем / Сост. иерод. Никон (Париманчук). М., Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 164.*

² Творения Филарета, Митрополита Московского и Коломенского. М., 1994. С. 22.

³ *Святитель Филарет Московский. Призовите Бога в помощь... С. 76.* Далее тексты писем приведены по этому изданию.

Алексей Ситало

АВВА ЕВАГРИЙ ПОНТИЙСКИЙ: ВОЗМОЖНО ЛИ ПРАВОСЛАВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ?

*Не прибавляй к словам Его,
чтобы Он не обличил тебя,
и ты не оказался лжецом.
(Притч. 30:6)*

ВВЕДЕНИЕ

К сожалению, сейчас среди православных христиан, особенно ученых, распространена тенденция оправдывать уже осужденных Соборами еретиков. Например, многие современные богословы склонны считать, что Ориген и Евагрий Понтийский осуждены напрасно, что нельзя следовать только тем их лжеучениям, которые непопулярны в наше время (например, учение о развоплощении и разрушении материального мира), а те, которые льстят ленивым (лжеучение о всеобщем спасении), можно популяризовать, прикрываясь теорией теологумена, которым можно замаскировать любую ересь. Однако все они по строгому смыслу этого канона подвергают себя анафеме: «Если же кто-либо из всех не содержит и не приемлет вышереченных догматов благочестия, и не тако мыслит и проповедует, но покушается идти противу оных: тот да будет анафема, по определению, прежде постановленному предупомянутыми святыми и блаженными отцами, и от сословия Христианскаго, яко чуждый, да будет исключен и извержен»¹.

Поводом для написания данной работы послужило сообщение о приеме в позапрошлом году в православную веру известного католического богослова иеромонаха Гавриила (Бунге). На сайте «Православие и мир» было опубликовано интервью под названием: «Православие — плод всей моей жизни христианина и монаха», которое заставляет читателя сорадоваться Ангелом этой встрече, этому долгожданному переходу.

Иеромонах Гавриил является крупным исследователем трудов Евагрия Понтийского, и в интервью он коснулся этой темы: «Восьмое письмо Василия Великого, по традиции приписываемое святителю Василию, совершенно точно написано Евагрием. Все учение Евагрия содержится в этом письме. Значит, Евагрия всегда можно прочитать по-православному. Но можно и не по-православному. Вопрос в методе»².

Что это за метод? Что значит прочтение «по-православному», а что «по-инославному»? А также возможно ли это по отношению к авве Евагрию Пон-

тийскому? На эти и другие интересующие многих вопросы хотелось бы дать ответ в данной работе.

Итак, в 1952 г., работая в библиотеке Британского национального музея, 37-летний французский ученый Антуан Гийомон обнаружил таинственную неисследованную рукопись на сирийском языке. Она состояла из 540 небольших глав, никак не рассортированных по темам. Каково же было удивление ученого, когда он обнаружил, что на текст рукописи более тысячи лет назад была наложена древняя анафема. «Если кто признает мифологическое предсуществование душ и вытекающее из него странное восстановление (*ἀλοκατάστασις*): да будет анафема» — так звучит первый из пятнадцати анафематизмов V Вселенского Собора, проходившего по воле Святого Духа при императоре Юстиниане в Константинополе.

Через шесть лет Гийомон опубликовал свою работу, в которой он показал, что это и есть самое главное богословское эзотерическое сочинение весьма авторитетного еретика IV в. Евагрия Понтийского, осужденного на VI и VII Вселенских Соборах наряду с «нечестивым и богоборным» Оригеном и Дидимом Слепцом. Это сочинение называется «Умозрительные главы» («Гностические главы» от лат. «*Kephalaia gnostica*»). После осуждения большая часть его трудов подверглась уничтожению, либо сохранилась под именами других авторов, часть вошла в «Добротолюбие», «Отечник» свт. Игнатия Брянчанинова. Однако монофизитские и несторианские авторы, не признавая осуждения Евагрия Понтийского, продолжали считать его одним из авторитетнейших аскетических богословов, переписывать и изучать его сочинения. В армянских святцах его имя упоминается 11 февраля, а в коптских — в 5-е воскресенье Великого Поста³.

В настоящее время в православной среде существуют мнения, что «включение в «Добротолюбие» творений Евагрия следует рассматривать как признание этого великого подвижника и богослова»⁴, что «Евагрия всегда можно прочесть по-православному»⁵, что он «был основоположником того направления в восточно-христианском аскетизме, к которому в той или иной степени принадлежали преподобный Иоанн Лествичник... и позднейшие исихасты»⁶. Однако мог бы преп. Иоанн Лествичник называть богопротивным того, у кого он учился?⁷ Думается, всем семинаристам известны изречения Евагрия Понтийского из современных учебников по догматическому богословию: «Богослов — тот, кто имеет чистую молитву»⁸. Но, чтобы послушав Евагрия в этом, не слушать его в остальном, подчеркнем, какие его догматические заблуждения были осуждены на V Вселенском Соборе.

ДОГМАТИЧЕСКИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ АВВЫ ЕВАГРИЯ

Исследования найденной рукописи показали, что именно «Умозрительные главы» легли в основу анафематизмов, составленных отцами Собора. Так, 5-й и 8-й анафематизмы дословно цитируют 11-ю главу 5-й сотницы, 78-ю главу

второй и 18-ю главу четвертой сотниц. Под каждое из 15 анафематствованных мнений подпадает в среднем по 10 глав, то есть всего, по подсчетам монаха Феофана (Константина) (Theophanes (Constantine)), 150 глав⁹. Следуя линии Оригена, «Евагрий развивает целое гностическое учение. Согласно ему, вначале существовало широкое духовное единство «чистых умов», которые затем отпали от Бога»¹⁰. В качестве исправительного наказания этим придуманным богом, который не имеет ничего общего с Богом любви у христиан, творится мир, куда по степени греховности помещаются отпавшие души — кто в ангела, кто в человека, кто в беса. Это прямо противоречит православному учению, согласно которому душа человека появляется одновременно с телом. «Спасение, по Евагрию, состоит в постепенном развоплощении «ума» и возвращении его в Энаду — в его растворении в божественной сущности»¹¹. В аскетическом учении он называет это «сущностным ведением». Одним словом, спасение, по Евагрию, заключается в распадении человеческой личности. Он считает Христа отдельным от Божественного Логоса субъектом, который является единственным из тех тварных «умов», который не отпал и по собственной воле воплотился для спасения всех остальных душ. Очень оптимистично, что у него «адские мучения являются только промежуточным и временным состоянием для некоторых», самых испорченных, «умов». «Спасение всех именовалось в оригенистской традиции «восстановлением всех» (*ἀποκατάστασις τῶν πάντων*)»¹². Это учение не только не учитывает свободу воли человека, но и представляет Бога несправедливым: ведь если не вечны адские муки, то не вечно и райское блаженство.

Учение Евагрия — это и есть главная разновидность оригенизма к началу VI в. Эта странная доктрина, явно от антихристового духа, осуждена на V Вселенском Соборе, исповедующие ее не могут быть допущены ко Причастию и поминаться на Литургии.

ПРАВСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ДОГМАТОВ ЕВАГРИЯ

Хотя в своих трудах авва Евагрий, лично общавшийся с египетскими монахами, приводит много изречений святых отцов, в его трудах прослеживается ряд искажений, вытекающих из его неправославной догматики.

Во-первых, блаженный Иероним критикует учение Евагрия и других еретиков о бесстрастии: «Все они того мнения, что добродетель и мудрость человеческая могут достигать совершенства и... равенства с Богом, так что уверяют, что, достигши вершины совершенства, они не могут согрешать даже помыслом и неведением»¹³. Однако наставник Евагрия преп. Макарий Великий говорил: «Даже когда я соединен с Тобою... даже когда мне кажется, что я больше от Тебя не отличаюсь, я знаю, что Ты — Господин, а я — раб»¹⁴. Также он говорил, что «свобода, возможная для человека, простирается на то, чтобы противиться дьяволу, а не на то, чтобы при сей возможности непременно иметь и власть над страстями»¹⁵.

Во-вторых, прп. Иоанн Лествичник называет его «богопротивным Евагрием», который «воображал, что он из премудрых премудрейший, как по красноречию, так и по высоте мыслей: но он обманывался, бедный, и оказался безумнейшим из безумных, как во многих своих мнениях, так и в следующем. Он говорит: «Когда душа наша желает различных снедей, тогда должно изнурять ее хлебом и водою». Предписывать это то же, что сказать малому отроку, чтобы он одним шагом взошел на самый верх лестницы. Итак, скажем в опровержение сего правила: если душа желает различных снедей, то она ищет свойственного естеству своему; и потому противу хитрого нашего чрева должно и нам употребить благоразумную осторожность; и когда нет сильной плотской брани, и не предстоит случая к падению, то отсечем прежде всего утучняющую пищу, потом разжигающую, а после и услаждающую»¹⁶.

В-третьих, преподобные Варсануфий и Иоанн Газские единогласно говорят: «Это догматы языческие. Это пустословие людей, которые думают о себе, что они нечто значат. Это слово людей праздных. Это порождения прелести»¹⁷.

Наконец, в противовес практике «развоплощения «ума»», «его растворения в божественной сущности» у Евагрия Дионисий Ареопагит выдвигает в своем *Corpus Areopagiticum* православное учение о богопознании и обожении. А в VII в. прп. Максим Исповедник «продолжал реализацию аутентичного замысла автора «Ареопагитик» по созданию исчерпывающей альтернативы онтологии оригенизма»¹⁸.

Из этих замечаний следует, что, несмотря на то, что авва Евагрий жил среди египетских монахов, он не прошел аскетический путь богоносных отцов и является, скорее, не тайнозрителем, а собирателем чужих изречений.

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЧТЕНИЯ СОЧИНЕНИЙ ЕВАГРИЯ ПО-ПРАВОСЛАВНОМУ

В связи с повышенным интересом к трудам Евагрия Понтийского возникает вопрос о том, возможно ли все-таки прочтение его трудов по-православному? Является ли это православное прочтение чем-то похожим на первое «Добротолюбие», составленное свт. Григорием Богословом из одних трудов еретика Оригена? Или же это попытка оправдать, как, например, прп. Максим Исповедник прекрасно защитил труды свт. Григория Нисского от обвинений в оригенизме¹⁹ (в том числе и тех, которые продолжают, к сожалению, и сейчас хамски звучать)? И еще одним из методов прочтения, в большей степени который можно применить к Евагрию, а также Оригену, осужденным именно за возобновление эллинских басен, является метод, предложенный свт. Григорием Паламой в 11 триаде, ч. 1.: «Так и мы, слыша благочестивые речи от эллинов, их самих ни благочестивыми не считаем, ни к учителям не причисляем, потому что хоть нам известно, что все это они взяли от нас... однако, присмотревшись, мы догадываемся, что они поняли все не в том же смысле. И даже если кто из отцов говорит то же, что внешние философы, совпадение только в словах — в смысле же раз-

ница велика: у одних, по Павлу, «ум Христов» (1 Кор. 2:16), а другие вещают от человеческого рассудка, если не хуже. ... Что же сказать в отношении людей, которые уверяют, будто эти теологи единогласны с нашими богословами или даже учителя наших, и думают, что от них были переняты главные богословские выражения? Разве что просить у «Света, просвещающего всякого человека, приходящего в мир» их тоже избавить от страшного мрака незнания и просветить для понимания того, что от змей нам тоже есть польза, но только надо убить их, рассечь, приготовить из них снадобье и тогда уж применять с разумом против их собственных укусов. Так же вот и изобретения внешней мудрости полезны нам, чтобы пользоваться ими против них самих»²⁰.

Именно так свт. Григорий Палама понимал прочтение по-православному трудов тех, кто примешивает эллинские басни к христианству. Без такой «химической» обработки слова Евагрия Понтийского служат большим соблазном. Образцом, как оценивать то, что Евагрий собрал многие изречения святых отцов, является слово свт. Иоанна Златоуста о сектантских сборищах, владеющих Священным Писанием: «Что же, скажи мне, когда дьявол говорил от Писания, неужели освятились уста его? Нельзя сказать этого: он остался тем, чем был, дьяволом. А демоны? И они проповедовали и говорили: «сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения» (Деян. 16:17): ужели поэтому поставим их в ряду апостолов? Никак; напротив, мы также (как и прежде) отвращаемся их и ненавидим... За то-то особенно и ненавижу синагогу, что в ней лежат закон и пророки, и ненавижу теперь более чем когда бы в ней не было их. А почему? Потому, что это служит сильной приманкой, большим соблазном для простых душ... Храня молчание, (демоны) не так бы прельщали; но, говоря, они увлекали бы многих слабых людей, и заставляли бы слушать себя и в других случаях. Чтобы отворить дверь своим обманам и придать лжи больше благовидности, демоны примешали к ней несколько и истины, подобно тому, как приготовляющие ядовитые составы, обмазывая края сосуда медом, достигают того, что вредное зелье легко принимается. Вот почему особенно Павел не стерпел и поспешил заградить им уста, что они присваивали себе не принадлежавшее им достоинство... Они не были бы так виновны, если бы отвергали Христа потому, что не верили бы пророкам. А теперь они лишили себя всякого извинения, говоря о себе, что верят пророкам, и, однако же, понося Того, о Ком те пророчествовали»²¹.

В последнее время для доказательства того, что авва Евагрий был православным человеком, современные богословы используют следующие аргументы. Алексей Иванович Сидоров, ведущий патролог Московской православной духовной академии, во вступительной статье в книге «Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты» пишет: «Церковь, произнося проклятия на еретиков, осуждает их не как личности, но лишь как носителей неправомысленных идей; Она осуждает не людей, а ложные догматы»²², «опоненты оригенизма ни разу не упоминают имени Евагрия и не высказывают тени сомнения в его православности»²³, «ошибочные ходы мысли в IV в. были лишь неправильными богословскими мнениями, а не ересью в собственном смысле слова,

ибо не являлись догматами... Итак, с полным основанием можно сказать, что отдельные ошибочные взгляды Евагрия не сложились в систему еретического мирозерцания. Такая система была создана только спустя более века после кончины Евагрия»²⁴, «для сирийцев (как монофизитов, так и несториан) Евагрий был «учителем тайнозрения» или «величайшим из гностиков»... Например, св. Исаак Сирий, которого называют «пустынным философом», четырнадцать раз ссылается на Евагрия»²⁵.

Иеромонах Гавриил Бунге в вышеупомянутом интервью приводит следующие аргументы: «Дело в том, что на V Вселенском Соборе он не был лично, напрямую осужден, а лишь в связи с оригенистами. А поскольку решили, что он был оригенистом, на его счет записали совершенно невозможные вещи». «Когда я с кем-нибудь общаюсь на эту тему, то говорю: «Евагрия обвиняют в том, что он не согласен практически ни с одним из положений православной христологии. Хорошо, но Вы не считаете странным, что Василий Великий ничего подобного у него не обнаружил? Григорий Богослов тем более, а Феофил Александрийский хотел сделать Евагрия епископом (он сбежал от него). И даже антиоригенисты (Епифаний Кипрский, Иероним) никогда ни в чем Евагрия не обвиняли, хотя знали лично. Не ошибаемся ли мы где-то?» «Восьмое письмо Василия Великого, по традиции приписываемое святителю Василию, совершенно точно написано Евагрием. Всё учение Евагрия содержится в этом письме. Значит, Евагрия всегда можно прочитать по-православному. Но можно и не по-православному. Вопрос в методе. То же самое касается и «Трактата о молитве», который нам известен под именем Нила Анкирского. Чтобы сохранить творения Евагрия, их подписали именами православных Отцов, — чтобы их прочли по-православному, и это действительно возможно»²⁶. Иеромонах Гавриил Бунге считает, что если 8-е письмо свт. Василия было написано Евагрием под надзором свт. Григория Богослова в Константинополе, все идеи в этом письме являются православными. С его точки зрения, мы не можем использовать то прочтение найденной рукописи «Умозрительных глав», которое выдает неправославие Евагрия; напротив, мы должны учесть факт каппадокийского православного богословия 8-го письма свт. Василия для того, чтоб прочитать весь корпус сочинений Евагрия по-православному.

Монах Феофан (Константин), православный исследователь исихазма, написавший трехтомный труд «Психологические основы умной молитвы в сердце», в своем докладе на одном из американских симпозиумов (NAPS) в 2008 г. подвергает критике аргументы иером. Гавриила. В своей работе он дает новую датировку письма, согласную с жизнеописанием Евагрия, исследует письмо с филологической точки зрения, сравнивает с пятью богословскими словами свт. Григория, рассматривает письмо на соответствие идеям Евагрия, высказанным в Константинополе, принимая во внимание его духовное состояние во время отъезда из Константинополя. Монах Феофан приходит к выводам, что, во-первых, письмо не однородно по тематике, написано в разном тоне обращения к получателю. Во-вторых, оно содержит более разветвленную философскую систему по сравнению с системой самого свт. Григория Богослова во

время произнесения его пяти слов в Константинополе. И наконец, содержит параллели с «Умозрительными главами», так что если Евагрий написал его, то в позднейший период работы над этими «главами», а значит — уже не под наблюдением свт. Григория.

«Так как нет никаких документальных подтверждений, что свт. Григорий одобрил 8-е письмо свт. Василия в том виде, в каком оно сейчас у нас имеется, можно, исходя из учения, найденного в «Умозрительных главах», гораздо прозрачнее, чем это могли допустить отец Габриэль или д-р Кесиди, пролить свет на значение некоторых отрывков 8-го письма и даже выдвинуть предположение, что некоторые его отрывки, характерные для зрелого учения, изложенного в «Умозрительных главах», являются на самом деле поздними вставками в письмо либо Евагрием, либо каким-либо человеком из его круга.

Нельзя утверждать, что как в письме, так и в течение всей его литературной жизни, рассуждения автора являются, по сути, православными и должны считаться таковыми благодаря связи Евагрия на раннем этапе со свт. Василием и свт. Григорием Богословом. Люди меняются с течением жизни к лучшему или к худшему.

Полезно рассмотреть личность Евагрия во время его пребывания со свт. Григорием Богословом в Константинополе, когда он предположительно написал 8-е письмо свт. Василия. Из его собственной истории мы знаем, что Евагрий не был совершенным тайнозрителем. Он был известен своим тщеславием. Он связался с замужней женщиной, и, так как вопрос не разрешался, его жизнь оказалась в опасности, и после увещательного сна он неожиданно покинул Константинополь. После разговора в Иерусалиме с Меланией Старшей он дает согласие постричься в монахи и после этого отправляется в Египет жить монашеской жизнью.

Эта история просто не согласуется с тем, чтобы Евагрий изложил углубленную мистическую систему перед отъездом из Константинополя, такую мистическую систему, которая очевидно является более расширенной, чем мистическое учение, выдвинутое в тот же самый период его учителем, свт. Григорием Богословом. Поэтому нам следует учесть возможность того, что отрывки 8-го письма свт. Василия, выражающие расширенную мистическую доктрину, были написаны либо им самим, либо одним из его учеников уже после Константинополя, когда Евагрий провел некоторое время в аскетической среде в Египте»²⁷.

ВЫВОДЫ

Монах Феофан так оценивает богословскую систему Евагрия Понтийского: «Большая часть космологии, которую излагает Евагрий Понтийский, сейчас существует в кругах течения «New Age». Многие из его космологических идей имеют поразительное сходство с буддизмом»²⁸. Такая оценка встречается и у ряда других исследователей²⁹. В штате Индиана, Форт-Уэйн, создали в Интернете специальный образовательный центр имени Евагрия Понтийского, изучаю-

щий греховный образ мыслей (PIT — Patterns of Impure Thought). На сайте этого центра имеется аркада компьютерных игр, где на каждую из восьми страстей представлено по два десятка игр. Посетитель может поиграть (совершить грех, потратив драгоценное время, отведенное Богом на покаяние), а затем специальным тестом убедиться, какие страсти в нем проснулись. Так что если православные миссионеры перестанут свидетельствовать миру, что Евагрий не имеет никакого отношения к православной Церкви, то инославные горе-богословы рискуют оказаться в том месте, о котором пишет Иоанн Мосх в «Луге духовном», говоря о Евагрии, то есть в месте «мрачном, смрадном и испускающем пламень»³⁰.

После осуждения на V Вселенском Соборе Евагрия, «скрежетавшего на Бога», книги, подписанные его именем, по благочестивой традиции Православной Церкви были предаваемы огню, чтобы память богохульника поскорее была забыта и погибла с шумом горящего пламени. В этом достойном поступке отцы повторяли дела христиан, отвращавшихся от чародейства к истинному Богу в Эфесе после проповеди апостола Павла (Деян. 19:19). Они пресекли распространение еретических учений, чтобы не навлечь еще большей беды, которую они приносят, и не подвергнуть ни себя осуждению с оригенистами, ни ближних, ни будущие поколения христиан. К сожалению, сейчас это трудно сделать с книгами, оставшимися на руках у тех, кому указания Вселенских Соборов не нужны, однако обеспечить их труднодоступность в Интернете — задача православной службы защиты авторских прав.

Остается нерешенным вопрос: почему святые отцы Паисий Величковский, Макарий Коринфский, Никодим Святогорец, Феофан Затворник — авторы «Добротолюбия» — изволили включить в него некоторые главы книг еретика, сопроводив их его житием, взятым из «Лавсаика»? Здесь приходится согласиться с иеромонахом Гавриилом (Бунге) и признать, что некоторые труды под именем Евагрия, не содержащие ереси, возможно прочитать по-православному, но не на основе самого Евагрия, а мерками 15 анафематизмов, выдвинутых против него Церковью. Ведь именно они и являются продуктом православного прочтения Евагрия, данного святыми отцами почти полторы тысячи лет назад, положившими предел богословствованию на эту тему. Вот как на этот вопрос отвечает митр. Иерофей Влахов в беседе со студентами Московской духовной семинарии: «Нам не известно, какого молитвенного уровня достиг Евагрий. Может быть, он описал опыт других знакомых ему монахов, не имея своего собственного опыта видения нетварного света?»³¹

Более развернуто отвечает на аналогичный вопрос архим. Рафаил Карелин: «Из сочинений Евагрия святые отцы допустили пользоваться только относящимися к аскетической жизни. Как известно, Евагрий под впечатлением грозного сновидения удалился в Египет и там проводил жизнь среди скитян и анахоретов. Обладая пытливым умом, Евагрий беседовал с опытными подвижниками и записывал их слова. Таким образом, аскетические сочинения Евагрия можно рассматривать как патерик, составленный им, в котором отразился опыт скитский и фиваидских монахов. Разумеется, форма изложения принад-

лежит Евагрию, и это отразилось в том, что некоторые его подвижнические изречения носят умозрительный характер; впрочем, надо сказать и другое, что среди монахов второй половины четвертого века, было немало людей, имевших философское образование. Евагрия, скорее, можно назвать не автором, а собирателем. Поэтому Церковь отделила эти сочинения от неверных богословских трактатов Евагрия»³².

Включение трудов с именем Евагрия в золотой фонд святоотеческой письменности никак не позволяет говорить о его реабилитации. Иначе можно было бы поставить под подозрение в союзе с еретиками и святителей Василия Великого и Григория Богослова, которые составили первое «Добротолюбие» (от греч. *Φιλοκαλία* — «любовь к красоте») из отрывков произведений Оригена, выбросив вон лишнее и «положив в сосуды» нужное. Однако в этом нельзя упрекнуть ни двух святителей, ни позднейших авторов-составителей «Добротолюбия», так как «все, что сказано кем-нибудь хорошего, принадлежит нам, христианам»³³. Попытка прочитать по-православному какое-либо сочинение этого автора вне «Добротолюбия», лишенного всякой ереси и с любовью перепроверенного свт. Феофаном, — по меньшей мере есть проявление нерассудительности, а если еще вне апологетических целей — возвращение давно осужденной ереси, которое Евагрию, как личности, уже ничем не поможет, а ныне живущим людям повредит. «Проходящим эллинские учения и обучающимся им не ради только обучения, но и следующим их суетным мнениям и верующим в них как в истинные и таким образом настаивающим на них как на имеющих крепость, так чтобы и других один раз тайно, другой раз явно к ним приводить и учить без сомнения, — анафема»³⁴.

Авва Евагрий заблуждался почти по всем вопросам православной догматики — космологии, учения о Боге, движения, умах, антропологии, христологии, ангелологии, демонологии, эсхатологии, за что неоднократно был анафематствован на Вселенских Соборах. Его цитатник требует, по евангельскому слову, чтобы доброе вложили в сосуд, а злое извергли вон (Мф. 13:48). Его посмертное осуждение на Вселенском Соборе сравнивают с поступком царя Иосии, который сжег кости идольских жрецов на жертвеннике, долгие годы вводившем в грех Израильский народ (4 Цар. 23:16). Если бы не тенденция древних ересей возвращаться под видом новых, то можно было бы забыть про этот инцидент и не напоминать о нем в такой форме. К сожалению, вслед за аскетическими трудами Евагрия, как это часто бывает, все больше людей, даже в православной среде, принимают и его осужденные мнения, отвергающие соединение души с телом после воскресения, сотворение душ одновременно с телом и вечность адских мук. Однако именно он тщательно разработал эти языческие догматы оригенизма. Он постарался лишить Священное учение его высоты, возобновив эллинские басни. У него были все возможности укорениться в православии, так как бесспорна святость тех, кто его окружал, но он не сделал этого. В 399 г. Евагрий умер, причастившись Святых Христовых Таин, но оставшись во вражде с Церковью. Его келья, как засвидетельствовано в «Луге духовном», стала местом жилища для совращающего злого духа,

отвратившего этого еретика от правой веры и внушавшего ему нечестивые мысли³⁵.

Что касается новых спекуляций на давно закрытую тему, наиболее убедительными в отношении даты написания и авторства 8-го письма свт. Василия Великого представляются аргументы именно монаха Феофана. «Вопрос заключается в следующем: должны ли мы предполагать, исходя из ранней связи со свт. Григорием и свт. Василием Великим, что Евагрий является православным, и так интерпретировать такие отрывки, как 8 письмо Василия Великого, а затем перейти к православному прочтению «Умозрительных глав», отрицая апостериорные умозаключения о том, что анафемы Пятого Вселенского Собора предположительно были наложены на «Умозрительные главы»?³⁶ При таком понимании их прочтение как истинных, не является возможным: «Не представляется методологически верным навязывать Евагрию априори православный образ мыслей»³⁷.

¹ Первое правило VI Вселенского Собора.

² *Иеромонах Гавриил (Бунге)*. Православие — плод всей моей жизни христианина и монаха. 2010 // Опубликовано на сайте <http://www.pravmir.ru/gavriil-bunge/>

³ Евагрий Понтийский // ПЭ. М., 2007. Т. XVI. С. 561–562.

⁴ Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты. Пер., вступ. статья и комм. А.И.Сидорова. М.: Мартис, 1994. С. 74.

⁵ *Иеромонах Гавриил (Бунге)*. Православие — плод всей моей жизни христианина и монаха. 2010 // Опубликовано на сайте <http://www.pravmir.ru/gavriil-bunge/>

⁶ Евагрий Понтийский // ПЭ. М., 2007. Т. XVI. С. 578.

⁷ Преподобного отца аввы Иоанна. Лествица. СПб., 1995. С. 116–117, 292.

⁸ *Архимандрит Алипий, архимандрит Исая*. Догматическое богословие. Курс лекций. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. С. 12–13.

⁹ *Fr Theophanes (Constantine)*. The Orthodox Doctrine of the Person. / *Fr Theophanes (Constantine)*. The Psychological Basis of Mental Prayer in the Heart: In 3 Vol. (Hieron Kellion Archangelon Kavsokalyvia GR 63087 DAPHNE Aghion Oros — Mount Athos Chalkidiki GREECE: Timios Prodromos Publishers. Vol. 1. 2006) // Опубликовано на сайте <http://timiosprodromos.blogspot.com>

¹⁰ *Оливье Клеман*. Богословие отцов Древней Церкви. Тексты и комментарии. Перевод с французского Г.В.Вдовиной под редакцией А.И.Кырлежева. М.: Центр по изучению религий. Изд. предприятие «Путь», 1994. С. 332.

¹¹ *Лурье В.М.* История Византийской философии. Формативный период. СПб.: Аxiom, 2006. С. 153.

¹² Там же. С. 154.

¹³ *Блаженный Иероним Стридонский*. Разговор против пелагиан в лице Атика православного и Кривоула еретика. Пролог // Творения блаженного Иеронима Стридонского. 2-е изд. К.: Тип. Акц. Об-ва «Петр Барский в Киеве», Крещатик, №40. Т. 5. 1910. С. 134–135.

¹⁴ *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004. С. 363.

¹⁵ «Добротолюбие» в русском переводе. Дополненное. Т. I. Изд. 3-е., репринт. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра. С. 167.

¹⁶ Преподобного отца аввы Иоанна. Лествица. СПб., 1995. С. 116–117, 292.

¹⁷ Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна Пророка руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Перевод с греческого. Московское подворье Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Изд. «Правило веры», 1995. С. 381–395.

¹⁸ Лурье В.М. История Византийской философии. Формативный период. СПб.: Аxiom, 2006. С. 368.

¹⁹ Речь идет об одном из трех признаваемых Церковью видах восстановления, а именно о восстановлении душевных сил, падших от греха, опять в то состояние, в каком они созданы, но не участием в благах. Преподобный Феодор Студит. Послание 31(219). К Григорию сыну.

²⁰ «Добротолюбие» в русском переводе. Дополненное. Т. I. Изд. 3-е., репринт. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра. С. 167.

²¹ Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 1. Кн. 2. Против иудеев. Слово шестое. // Опубликовано на сайте http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z01_2/Z01_2_26.htm

²² Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты. Пер., вступ. статья и комм. А.И.Сидорова. М.: Мартис, 1994. С. 62.

²³ Там же. С. 49.

²⁴ Там же. С. 51.

²⁵ Там же. С. 72, 73. Нами не было найдено ни одной прямой ссылки на имя Евагрия в первом томе «Слов подвижнических» св. Исаака Сирина, тогда как автор второго тома действительно называет Евагрия «блаженным», наряду с «яснозвучным Феодором» (Мопсуестийским) и «святым Диодором, епископом Тарсийским».

²⁶ *Иеромонах Гавриил (Бунге)*. Православие — плод всей моей жизни христианина и монаха. 2010 // Опубликовано на сайте <http://www.pravmir.ru/gavriil-bunge/>

²⁷ To the Caesareans... By Evagrius Ponticus (Basil). Translation with Introduction and Notes by Fr Theophanes (Constantine). // Опубликовано на сайте <http://timiosprodromos5.blogspot.com>

²⁸ *Fr Theophanes (Constantine)*. The Orthodox Doctrine of the Person. / Fr Theophanes (Constantine). The Psychological Basis of Mental Prayer in the Heart: In 3 Vol. — (Hieron Kellion Archangelon Kavsokalyvia GR 63087 DAPHNE Aghion Oros –Mount Athos Chalkidiki GREECE:Timios Prodromos Publishers. Vol. 1. 2006) // Опубликовано на сайте <http://timiosprodromos.blogspot.com>

²⁹ *Gawronski R.* Evagrius Ponticus: Crypto-Buddhist of the Desert // *Id.* Word and Silence. Hans Urs von Balthasar and the spiritual encounter between East and West. Edinburgh, 1995.

³⁰ Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М.: Правило веры, 2004. С. 30.

³¹ <http://www.pravoslavie.ru/smi/38139.htm>

³² <http://karelin-r.ru/faq/answer/1000/4457/index.html>

³³ *Муч. Иустин Философ*. Апология II, 13.

³⁴ Акты Константинопольского Собора 1076 г. (Первый Собор на Итала). Анафема 7.

³⁵ Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М.: Правило веры, 2004. С. 200.

³⁶ To the Caesareans... By Evagrius Ponticus (Basil). Translation with Introduction and Notes by Fr Theophanes (Constantine). // Опубликовано на сайте <http://timiosprodromos5.blogspot.com>

³⁷ Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. *Алпий, архим., Исая, архим.* Догматическое богословие. Курс лекций. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. 288 с.

2. *Блаженный Иероним Стридонский.* Разговор против пелагиан в лице Аттика православного и Критулула еретика. Пролог.// Творения блаженного Иеронима Стридонского. 2-е изд. К.: Тип. Акц. Об-ва «Петр Барский в Киеве», Крещатик, №40. Т. 5. 1910. 444 с.

3. *Гавриил (Бунге), иером.* Православие — плод всей моей жизни христианина и монаха. 2010 // Опубликовано на сайте <http://www.pravmir.ru/gavriil-bunge/>.

4. «Добролюбие» в русском переводе. Дополненное. Т. I. Изд. 3-е., репринт. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра.

5. *Евагрий Понтийский* // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XVI. С. 557–581.

6. Клеман Оливье. Богословие отцов Древней Церкви. Тексты и комментарии. Перевод с французского Г.В.Вдовиной под редакцией А.И.Кырлежева. М.: Центр по изучению религий. Изд. предприятие «Путь», 1994. 383 с.

7. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.

8. Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М.: Правило веры, 2004. 783 с.

9. *Лурье В.М.* История Византийской философии. Формативный период. СПб.: Аxiom, 2006. XX + 553 с.

10. Преподобного отца аввы Иоанна. Лествица. СПб., 1995.

11. Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна Пророка руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Перевод с греческого. Московское подворье Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1995.

12. *Святитель Григорий Палама.* Триады в защиту священнобезмолвствующих. М.: Канон, 1995.

13. Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты. Пер., вступ. статья и комм. А.И.Сидорова. М.: Мартис, 1994.

14. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 1. Кн. 2. Против иудеев. Слово шестое. // Опубликовано на сайте http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z01_2/Z01_2_26.htm

15. *Fr. Theophanes (Constantine).* The Orthodox Doctrine of the Person. / Fr

Труды Коломенской Духовной семинарии

Theophanes (Constantine). The Psychological Basis of Mental Prayer in the Heart: In 3 Vol. (Hieron Kellion Archangelon Kavsokalyvia GR 63087 DAPHNE Aghion Oros — Mount Athos Chalkidiki GREECE: Timios Prodromos Publishers. Vol. 1. 2006) // Опубликовано на сайте <http://timiosprodromos.blogspot.com>.

16. *Gawronski R.* Evagrius Ponticus: Crypto-Buddhist of the Desert // *Id.* Word and Silence. Hans Urs von Balthasar and the spiritual encounter between East and West. Edinburgh, 1995.

17. To the Caesareans... By Evagrius Ponticus (Basil). Translation with Introduction and Notes by Fr Theophanes (Constantine). // Опубликовано на сайте <http://timiosprodromos5.blogspot.com>

Алексей Лунев

ТРАНСГУМАНИЗМ как следствие неверия в XXI веке

Прошли эпохи Возрождения, Нового времени, а вместе с ними и XIX век, лелеявший идеи гуманизма и социализма, в сущности которых был отказ от христианских и вообще религиозных ценностей. Высшим началом во вселенной провозглашался человек. Высшей целью — обожествление человечества, но не в Боге, а в независимых от какой бы то ни было религии абстрактных добродетелях. Известное уже древним выражение «человек — мера всех вещей» стало одним из лозунгов последних столетий, вылившись в более конкретную форму «наука — мера всех вещей». Наступивший вслед XX век, век социальных потрясений и технологических катастроф, с убедительностью показал поражение этих идей в своих претензиях на общемировое господство. Стало очевидно, что при всем прогрессе технологий, при всех преобразованиях в области государственного устройства человечество окончательно запуталось в круговороте философских идей, научных измышлений и проектов по устройству «рая на земле». Убедительное свидетельство этому — сегодняшний нравственный, социальный и экологический кризис.

Сегодня, как и более 2000 лет назад перед Рождеством Спасителя, все дальше отходящий от христианства человек с особой силой начал испытывать духовный голод, уже не удовлетворяясь ожиданием торжества старых гуманистических идей, науки в чистом ее виде. Это и понятно. Эти столпы чаяний человека XX в. уже в начале индустриальной эпохи начали давать трещины, и чем выше человек строит Вавилонскую башню современных достижений философии и науки, тем сильнее ширятся трещины ее основания, тем беспокойнее становится сердцу человека. Тогда одни из людей, не видящих Христа, стремясь выйти за пределы печальной обыденности, начинают искать Жизнь во всевозможных внехристианских религиях, другие же целиком устремляют свой ум долу.

Как показывает современная ситуация в научном обществе, которое во многих своих представителях атеистично (а точнее, не имеет морально-религиозных принципов, ставящихся выше принципов научного познания), упования в решении глобальных проблем возлагаются, как и в начале XX в., в первую очередь на достижения науки. Но сегодняшний ее статус в сравнении с началом XX в. серьезно поменялся. Тогда наука могла быть просто грубой силой в руках власти, а многие из ее потенциальных возможностей находились в зачаточном состоянии. Сегодня же под влиянием совершающегося процесса информатизации общества, появления поражающих воображение технических новшеств, ожидания революционных изменений в биотехнологиях, медицине, электронной технике

наука приобретает особый статус. В глазах многих людей она выступает как основной действующий и мотивирующий фактор возможности скорого вступления человечества в новый мир, где все имеющиеся сейчас острые проблемы социума и экологии будут решены применением ожидаемых в будущем технологий, а организм человека подвергнется кардинальным изменениям. Соответствующая этому философия именуется *трансгуманизмом*. Термин был предложен основателем ЮНЕСКО Джулианом Хаксли в 1957 г. А само это мировоззрение получило свое начало, когда в 1998 г. философы Ник Бостром и Дэвид Пирс основали Всемирную организацию трансгуманистов. В России трансгуманистическое движение было основано в 2003 г.¹

Рассмотрим основные положения этой философии в соотношении с православным мировоззрением. Постараемся выдвинуть гипотезы относительно возможных перспектив трансгуманизма в духовном и практическом плане на основе Священного Писания и учения Святых Отцов, а также опыта человеческой истории. Как мы увидим, трансгуманизм отчасти схож с христианством по своим целям, но, с точки зрения православия, дает им и возможностям их достижения совершенно превратную и неприемлемую интерпретацию.

Трансгуманизм сегодня — это крепнущая в умах многих материалистически настроенных ученых философия обожествления человека в рамках земного бытия с помощью современных технологий. В данном случае слово «обожествление» выбрано не случайно, поскольку именно оно самым точным образом отражает чаяния этой философии.

Основной принцип трансгуманизма гласит, что природа человека не только может, но и должна быть преобразована с помощью биотехнологий в новый вид так называемого постчеловека. Этот постчеловек должен будет получить возможность «бесконечно самосовершенствоваться», избавляясь от страданий, болезней и даже смерти. *«Трансгуманизм <...> утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и возможность и желательность — с помощью науки и современных технологий — безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас «естественными» пределы человеческих возможностей»².*

Как видно, внимание в трансгуманизме, как и следует из его названия, сосредоточено на человеке. В каком же качестве это мировоззрение утверждает «ценность человеческой жизни»? Парадигма трансгуманизма такова, что человек в ней представляется лишь биологической машиной, работу которой задает геном. Совокупность генов в молекуле ДНК признается определяющей основой личности. Концепция души отвергается. Это классический взгляд на природу человека в атеизме. Жизнь для трансгуманистов не мыслится вне материи.

Православный же взгляд на телесное существо человека совершенно иной. Тело человека изначально создано Богом и Им же одухотворено. *«И создал Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою»* (Быт. 2:7). Душа — сущность человека и стоит выше тела. *«И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить»* (Мф. 10:28). Тело в Священном Писании называется храмом Духа Святого — так высоко

его значение. Апостол Павел говорит: *«Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?»* (1 Кор. 6:19). *«Вы не свои»*, — добавляет апостол Павел. Бог прямо указывает, что тело человека, а особенно христианина — Его достояние. Святитель Иоанн Златоуст говорит об этом: *«Вы... члены Христа, вы — храм Духа; не будьте же членами блудницы; вы бесчестите не свое тело, потому что это тело — не ваше, а Христово. Этими словами показывает человеколюбие (Христа), Который сделал наше тело Своим, и вместе пресекает нашу порочную власть (над ним)»*³.

Здесь речь преимущественно о блуде. Но разве нельзя назвать блудом, уклонением от благословленного Богом пути, применение технологий вмешательства в святая святых человеческого организма, его геном, с целью внести какие-либо новые «полезные» свойства в организм, притом не связанное с лечением наследственных болезней (что Церковь допускает)?

В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви находим следующие слова: *«Привлекая внимание людей к нравственным причинам недугов, Церковь вместе с тем приветствует усилия медиков, направленные на врачевание наследственных болезней. Однако целью генетического вмешательства не должно быть искусственное «усовершенствование» человеческого рода и вторжение в Божий план о человеке. Поэтому генная терапия может осуществляться только с согласия пациента или его законных представителей и исключительно по медицинским показаниям. Генная терапия половых клеток является **крайне опасной, ибо связана с изменением генома (совокупности наследственных особенностей) в ряду поколений, что может повлечь непредсказуемые последствия в виде новых мутаций и дестабилизации равновесия между человеческим сообществом и окружающей средой»***⁴.

Трансгуманизм именно к этому и призывает. «Выход за естественные границы возможностей» в понятиях трансгуманизма есть обретение нестарения, то есть бессмертия, управление эмоциональной сферой, избавление от страданий, достижение состояния счастья, блаженства методами нейроинженерии. Вот на какие «высоты» замахивается трансгуманизм. Эта философия призывает человека прямо нарушить замысел Божий о нем. *«Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день»*, — говорит Господь (Ин. 6:40). Это прерогатива Бога — дать человеку вечную жизнь, воскресив его тело в новом, преображенном мире.

Философия трансгуманизма достаточно ясно устами его апологетов говорит о себе: *«В отличие от большинства верующих, трансгуманисты стремятся осуществить свои мечты в этом мире, полагаясь не на сверхъестественные силы, а на рациональное мышление и эмпиризм, посредством непрекращающегося научного, технологического, экономического и личного развития. Даже то, о чем когда-то могли громогласно заявлять только церкви, как, например, бессмертие, вечное блаженство и божественный разум, обсуждается трансгуманистами как возможные технические достижения!»* и далее: *«Рели-*

гиозные предрассудки, фанатизм и нетерпимость недопустимы среди трансгуманистов. Они считают, что многие предубеждения можно преодолеть с помощью научного и гуманистического образования, обучения критическому мышлению и общения с представителями разных культур». Кроме того, «<...> идея души плохо сочетается с натуралистической философией, какой является трансгуманизм, и не представляет для него большой ценности»⁵, — читаем у его идеологов. В другом месте официального сайта находим слова: «Трансгуманизм вступает в идейное противоборство с христианским дискурсом о мире жизни и положении человека в нем. В многовековом религиозном дискурсе доступ человека к миру жизни жестко лимитирован. Во второй главе Книги Бытия говорится: «...от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:17). В трансгуманистическом дискурсе о мире жизни и положении человека в нем все эти нравственные запреты отброшены»⁶. Не приходится сомневаться, что трансгуманизм становится в резкое противостояние с традиционными религиями, в первую очередь с христианством. Из приведенных цитат прекрасно видно, насколько дерзок, до безумия, человек, одержимый идеями этой философии. Последней же это ставится себе в заслугу, как преодоление якобы вековых предрассудков и стереотипов. Как и первый человек Адам, увлекаемый дьяволом, современные трансгуманисты желают занять место Бога.

Идеи эффективного продления жизни и омоложения тела и даже идеи бессмертия — звучат сегодня еще как фантастика, но имеют реальную аргументацию своей (хотя бы частичной) осуществимости в будущем. Существуют бессмертные клетки, делящиеся уже многие десятки лет без заметных признаков старения, целые живые организмы, смертность которых связана не со старением, а с морфологией роста (остистая сосна *Pinus longaeva*, черепахи, морские ежи *Echinoidea*, моллюски *Bivalvia*)⁷. Биология сегодня шаг за шагом движется к преодолению процесса старения человека генетическими и другими методами. Предел же жизни человека пока ограничен 70–80 годами, за редким исключением 90–100 и более. Господь Сам положил этот предел, что мы знаем из Книги Бытия: «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет» (Быт. 6:3). Именно прогрессирующий грех в природе человека стал причиной того, что Человеколюбец Бог положил предел этому в естественном старении. Если ученые получат способ значительного продления жизни человека и, в перспективе, методы непрерывной коррекции процессов старения в теле человека, а развитие личности в нравственно-духовном отношении будет восприниматься как атавизм, то умножение его грехов уже не будет ничем сдерживаться. Вспоминаются слова Откровения: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них» (Откр. 9:6). Пожелают умереть, страдая от невыносимой горечи греха внутри себя, как толкуют Святые Отцы.

Философия технологически достигаемого бессмертия называется *иммортализм*, это часть трансгуманистической парадигмы. Она подразумевает из-

бавление человека от физических и душевных (личностных) страданий, искусственно поддерживаемое состояние радости: *«Посредством перестройки или фармакологической стимуляции центров удовольствия в мозгу мы сможем испытывать больший спектр эмоций, бесконечное счастье и неограниченные по интенсивности радостные переживания каждый день»*⁸. Эти слова выражают стремление всякого человека к блаженству, но из них видно, насколько приземленное понятие о счастье без Бога у последователей трансгуманизма. Это эмоции, переживания. Более того, в представлениях трансгуманистов, как видим из слов Данилы Медведева, эксперта Российского трансгуманистического движения, эмоциональная составляющая человека в перспективе окажется пережитком телесного естества: *«Вместо удовольствия будет целесообразность. Смысл <...> в том, что возможен рациональный анализ любой задачи <...> и его результат будет правильнее и точнее, чем эмоциональная реакция. Поэтому <...> благодаря усилению интеллекта люди <...> перестанут руководствоваться эмоциями. В конце концов, люди совсем откажутся от эмоций»*⁹. Хотя цитируемые слова больше звучат как нездоровая фантастика и трудно представить, что интеллектуальный экстаз по своему эффекту вытеснит в человеке эмоциональную составляющую, налицо превознесение рационального элемента над всем остальным — еще одна классическая черта атеистического мировоззрения, каким является трансгуманизм. Сравним процитированное с новозаветными словами *«Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе»* (Рим. 14:17) и *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»* (1 Кор. 2:9). В Священном Писании не делается акцент на совершенном удовлетворении тяги человека к познанию в Царстве Небесном. Для христианина Царство Небесное прежде всего есть упокоевание во Христе, а земной рай для трансгуманистов — обладание безграничной властью над природой через познание ее законов.

Что касается страданий и скорбей, то о них Господь недвусмысленно говорит в речи о последних временах: *«Тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доньше, и не будет»* (Мф. 24:21). Мы веруем в незыблемость слов Христа. Мечтам трансгуманизма о ликвидации страданий сбыться не суждено. О терпении Христос сказал, что *«претерпевший до конца спасется»* (Мф. 10:22), то есть для желающего спастись скорби неминуемы, их следует терпеть до конца. Не просто неминуемы, но и необходимы, о чем особенно выразительно сказано в Книге Деяний апостольских: *«...многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие»* (Деян. 14:22). В этом трансгуманизм диаметрально противоположен Евангельскому учению.

Еще один комментарий к пути достижения бессмертия, по которому идут адепты этой философии. Использование стволовых клеток, добываемых из человеческих эмбрионов, активно обсуждается и одобряется трансгуманистами как «гуманный» способ для излечения тяжелобольных. По их словам, раз государство не запрещает аборт, то оно не должно запрещать использование эмбрионов в экспериментах со стволовыми клетками¹⁰. Православие смотрит

на подобные эксперименты, связанные так или иначе с убийством человеческого организма, как на вопиюще аморальные и недопустимые: **«Безусловно недопустимым Церковь считает употребление методов так называемой фетальной терапии, в основе которой лежат изъятие и использование тканей и органов человеческих зародышей, абортированных на разных стадиях развития, для попыток лечения различных заболеваний и «омоложения» организма. Осуждая аборт как смертный грех, Церковь не может найти ему оправдания и в том случае, если от уничтожения зачатой человеческой жизни некто, возможно, будет получать пользу для здоровья»**¹¹. Для трансгуманизма, где понятие морали условно, это приемлемый метод достижения омоложения и лечения болезней.

Количество активных приверженцев трансгуманизма и внимание к нему в обществе ускоренно растет. Это можно заключить из активности соответствующих сайтов в Интернете, обсуждениях, проводимых на государственном уровне, в среде высокой академической науки как в России, так и за рубежом. Трансгуманизм фактически является программой к действию (на официальном сайте представлен манифест, руководства по распространению идей). Он смело входит во все сферы жизни, в том числе и в личную жизнь человека. Это значит, что традиционные, нравственные ценности христианского общества, в том числе в России, стоят еще перед одной реальной угрозой, действующей не слепо, а целенаправленно. Поэтому Церкви необходимо учитывать это, оценивать угрозы, разрабатывать более четкие концепции взаимоотношения с техносферой, появляющимися технологиями активного воздействия на человека (в аспекте человеческого организма и личности), принимать меры по духовной защите православных верующих от соблазнов XXI в. Ведь известны две крайности, к которым склонен человек: категорическое неприятие научных достижений и, наоборот, безоговорочно широкое их использование. Ни то, ни другое Церковь не принимает¹².

Итак, в условиях нарастающего влияния трансгуманизма и его различных течений необходимо отстаивать ценности Православия, защищать основы семьи и общества, где вера и нравственность остаются единственными значимыми факторами духовного благополучия.

¹ Часто задаваемые вопросы по трансгуманизму [Электронный ресурс] / Официальный сайт Российского трансгуманистического движения. Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/>, свободный.

² Манифест Российского трансгуманистического движения [Электронный ресурс] / Официальный сайт Российского трансгуманистического движения. Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/>, свободный.

³ *Святитель Иоанн Златоуст*. Полное собрание творений. Т. 10. Кн. 1. Беседа 18. СПб., 1904. С. 172.

⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XII. Проблемы биоэтики, п. 5.

⁵ Часто задаваемые вопросы по трансгуманизму [Электронный ресурс] / Официальный сайт Российского трансгуманистического движения. Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/>, свободный.

⁶ Фаустовская дилемма XXI века: Нравственность или стратегические ресурсы? (Библейская цитата уточнена. — *Прим. авт.*) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Российского трансгуманистического движения. Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/490/48/>, свободный.

⁷ Human Ageing Genomic Resources (Данные о старении биологических видов) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://genomics.senescence.info>, свободный, англ.

⁸ Часто задаваемые вопросы по трансгуманизму [Электронный ресурс] / Официальный сайт Российского трансгуманистического движения. Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/>, свободный.

⁹ *Харт Женя*. Кто будет жить в светлом будущем. Интервью с Данилой Медведевым, экспертом по трансгуманизму [Электронный ресурс] / Медицинский портал «Будь здорова». Режим доступа: http://medportal.ru/budzdorova/issue_theme/675/, свободный.

¹⁰ Будут выращиваться органы: Организатор акции за разрешение клонирования человека в России объяснила свои мотивы. Интервью с футурологом, социологом Валерией Удаловой (Прайд), выступающей против запрета на клонирование и использование эмбриональных клеток [Электронный ресурс] / Газета «Взгляд».

¹¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XII. Проблемы биоэтики. П. 7.

¹² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XIV. Светские наука, культура, образование. П. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Будут выращиваться органы: Организатор акции за разрешение клонирования человека в России объяснила свои мотивы. Интервью с футурологом, социологом Валерией Удаловой (Прайд) [Электронный ресурс] / Газета «Взгляд». Режим доступа: <http://vz.ru/society/2010/12/15/454824.html>, свободный.

2. Манифест Российского трансгуманистического движения [Электронный ресурс] / Официальный сайт Российского трансгуманистического движения. Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/>, свободный.

3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.

а) XII. Проблемы биоэтики. П. 5;

б) Там же. П. 7;

в) XIV. Светские наука, культура, образование. П. 1.

4. *Святитель Иоанн Златоуст*. Полное собрание творений. Т. 10. СПб., 1904.

Труды Коломенской Духовной семинарии

5. Фаустовская дилемма XXI века: Нравственность или стратегические ресурсы? [Электронный ресурс] / Официальный сайт Российского трансгуманистического движения. Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/490/48/>, свободный.

6. Харт Женя. Кто будет жить в светлом будущем. Интервью с Дániлой Медведевым, экспертом по трансгуманизму [Электронный ресурс] / Медицинский портал «Будь здорова». Режим доступа: http://medportal.ru/budzdorova/issue_theme/675/, свободный.

7. Часто задаваемые вопросы по трансгуманизму [Электронный ресурс] / Официальный сайт Российского трансгуманистического движения. Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/>, свободный.

8. Human Ageing Genomic Resources (Данные о старении биологических видов) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://genomics.senescence.info>, свободный, англ.

Священник Димитрий Шаповалов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БОГОСЛОВИЯ и практической психологии

ВВЕДЕНИЕ

В наше время психология переживает бум. Психологические факультеты открываются даже в технических вузах, и, например, в Москве уже большинство вузов имеют такой факультет. Открываются все новые и новые психологические консультации — и нельзя сказать, что они испытывают недостаток в клиентах. Массово введена обязательная ставка психолога в общеобразовательных школах¹.

И в первую очередь психология интересуется обучающимися ей и прибегающими к ней с практической точки зрения. Действительно, не так часто можно увидеть интерес к вопросам психологии как науки, как интерес к практическим сторонам психологии, а проще говоря — к психологической помощи людям.

Центральным положением данной работы является то, что практическая психология (психотерапия, психологическая помощь и т. п.) в глубине своей невозможна без богословия. Такие слова могут показаться странными, но мы стараемся раскрыть эту точку зрения.

ОБЪЕКТ И ЦЕЛЬ РАБОТЫ ПСИХОЛОГА

Сами психологи признают, что психотерапия до сих пор не сложилась как единая наука с единым понятийным аппаратом, терминологией и теорией². Известно более 450 видов психотерапии, порой весьма значительно отличающихся друг от друга³. Между тем психолог работает всегда с одним и тем же объектом — живым человеком. Вопрос заключается в том, как видят свой объект и свою цель различные ветви психотерапии. Остановимся на этом вопросе.

Вопрос об объекте и цели работы имеет ключевое значение. Именно ответ на этот вопрос характеризует всю дальнейшую работу любого специалиста. Проиллюстрируем на простом примере. Для врача объект работы — организм. И если он добросовестный врач, для него неважна личность пациента, добрый тот человек или злой, президент перед ним или рабочий. Перед ним — организм. И цель врача — сделать все для того, чтобы этот организм корректно функционировал. Перед психологом, если говорить широко, стоит бессмертная человеческая душа. И цель психолога — помочь этой душе развиваться и жить полноценно. Но, конечно, вы никогда не встретите в психологической литературе таких слов, хотя смысл, который в свою работу вкладывают психологи, зачастую похож.

Например, Д.Бернштейн и Е.Рой о психотерапии говорят, что «общая цель психотерапии состоит в помощи пациентам изменить свое мышление и поведение таким образом, чтобы стать более счастливыми и продуктивными»⁴. Давайте же посмотрим, как сами психологи определяют объект своей работы.

Практический психолог работает с личностью⁵. Но понимание сущности личности в каждой психологической школе свое. Чтобы не перегружать статью обилием психологических терминов и ссылок, мы сгруппируем различные виды психотерапии по типу их отношения к обсуждаемым вопросам и рассмотрим основные подходы.

ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Подобный подход в психотерапии в первую очередь связывают с именем известнейшего психолога Зигмунда Фрейда. Каким же образом он описывал личность?

Личность, по Фрейду, состоит из трех главных компонентов⁶. Первый компонент — «ид» (оно) — резервуар бессознательной энергии, называемой либидо. «Ид» включает базовые инстинкты, желания и импульсы, с которыми люди рождаются, а именно: Эрос — инстинкт удовольствия и секса и Танатос — инстинкт смерти, который может мотивировать агрессию или деструктивность по отношению к себе или другим. «Ид» ищет немедленного удовлетворения, невзирая на социальные нормы или права и чувства других. Другими словами, «ид» действует согласно *принципу удовольствия*. (Следует отметить, что в поздних работах Фрейд отказался от Танатоса, оставив движущей силой только либидо.)

Второй компонент личности — «эго» (я). Это — разум. «Эго» ищет пути удовлетворения инстинктов с учетом норм и правил общества. «Эго» находит компромиссы между неразумными требованиями «ид» и требованиями реального мира — оно действует согласно *принципу реальности*. «Эго» пытается удовлетворить потребности, защитив при этом человека от физического и эмоционального ущерба, который может явиться следствием осознания импульсов, исходящих из «ид». «Эго» — исполнительная власть личности.

Третий компонент личности — «суперэго». Этот компонент развивается в процессе воспитания как результат присвоения родительских и социальных ценностей. Фрейд использует для этого процесса термин «интроекция». «Суперэго» включает интроецированные ценности, наши «надо» и «нельзя». Это наша совесть. «Суперэго» действует на основе *морального принципа*, нарушение его норм приводит к чувству вины.

Инстинкты (ид), разум (эго) и мораль (суперэго) часто не ладят между собой, приходят в столкновение и возникают *интрапсихические, или психодинамические, конфликты*. Фрейд считал, что число этих конфликтов, их природа и способы разрешения придают форму личности и определяют многие аспекты поведения. Личность отражается в том, как человек решает задачу удовлетворения широкого спектра потребностей⁷.

Наиболее важная функция «эго» — образование защитных механизмов против тревоги и вины. Механизмы защиты — это бессознательная психологическая тактика, помогающая защитить человека от неприятных эмоций. Благодаря действию защитных механизмов бессознательное становится трудным для исследования, но Фрейд разработал особый метод — *психоанализ*. Психоанализ включает толкование свободных ассоциаций, сновидений, обыденного поведения (обмолвок, ошибок памяти и др.), анализ механизмов переноса и др.

Таким образом, психоанализ (и любой другой метод в рамках психодинамического подхода) ставит перед собой две основные задачи:

1. Добиться у пациента осознания интрапсихического (психодинамического) конфликта.

2. Проработать конфликт, то есть проследить, как он влияет на актуальное поведение и на интерперсональные отношения, и провести его разрешение.

Конечно, со времен Фрейда школа психоанализа сильно изменилась, в качестве движущих сил развития предлагались силы иные, нежели либидо, но сердцевина подхода сохранилась. А.А.Александров описал ее следующими словами: «это подход, который подчеркивает важность для понимания генеза и лечения эмоциональных расстройств интрапсихических конфликтов, которые являются результатом динамической и часто бессознательной борьбы противоречивых мотивов внутри личности»⁸.

Таким образом, объект работы «психодинамического» психотерапевта — структура под- и надсознательных процессов, и цель его работы — выработка у пациента «психоаналитического Я», возможности осознавать свои конфликты и разрешать их.

Рассмотрев общие положения психодинамического подхода, можно увидеть, что они были известны задолго до Фрейда. Внутренние конфликты очень подробно описаны у святых отцов. Преподобный Максим Исповедник наиболее подробно описывает конфликты между природной и гномической волями⁹.

Центральное положение психодинамической терапии о том, что для решения конфликта, исцеления пациента, необходимо осознание конфликта и его разрешение, по сути является урезанным и неполным воспроизведением святоотеческого учения о покаянии. Святые отцы выделяли три ступени в покаянии, и мы можем увидеть прямую параллель им в психодинамическом учении. Первое — это осознание греха. Второе — раскаяние в нем («разрешение ситуации конфликта» в психотерапии). Третье — изменение, «метанойя». Но следует отметить ряд моментов:

Во-первых, самому, своими силами, человеку исправиться невозможно. И святые отцы учат в молитве и церковных Таинствах черпать силы для изменения души — этот источник закрыт для большинства психотерапевтов, хотя есть единичные исключения — например, работа известного психолога Ф.Е.Василюка «Переживание и молитва»¹⁰.

Во-вторых, разрешение конфликтной ситуации воспринимается совсем по-разному. Психотерапевт часто сам следует принципу удовольствия. Почему он борется с конфликтами? Потому что они вызывают страдания у его клиента.

И избавление от негативных переживаний часто воспринимается психотерапевтом как указание на успешную работу¹¹. Именно из психоанализа, хоть и как искажение его первоначальных идей, вырос известный «рецепт» решения проблем: «люби себя, чихай на всех, и в жизни ждет тебя успех». У святых же отцов критерием — и это, на наш взгляд, может быть единственным верным критерием — верного пути является смирение и перемена жизни. Преподобный Иоанн Лествичник пишет то, с чем многие психотерапевты не смогут согласиться: «Признак правильного покаяния заключается в том, что человек считает себя достойным не только всех встречающихся ему видимых и невидимых скорбей, и еще больших... Покаяние есть отказ без сожаления от всякого утешения телесного»¹².

В-третьих, психология не отвечает на вопросы: откуда происходят противоречия между бессознательными процессами? Откуда у человека может возникать страсть ко злу, если подсознание руководствуется только «принципом удовольствия»? Почему конфликт вызывает страдания (или, говоря простым языком, почему муки совести настолько тяжелы)? Откуда в человеке берутся страсти? Психология не имеет ответов на эти вопросы, в то время как в богословском наследии они подробно описаны.

В-четвертых, ряд положений психодинамического подхода вызывает большие сомнения и не может нами быть принят: например, положение Фрейда о ведущей роли либидо или положение Адлера¹³ о главенствующей роли стремления к превосходству в развитии личности не могут быть приняты не только православными христианами, но, на мой взгляд, и всяким здравомыслящим человеком. С другой стороны — действительно, если убрать Бога из поля зрения, как можно ответить на вопрос — что же движет душу к развитию?

Таким образом, подводя итог анализу психодинамического подхода в психотерапии, мы видим, что в святоотеческом наследии можно увидеть все самые важные и ценные психологические доктрины, но при этом святые отцы дают гораздо более глубокое и полное их раскрытие и объяснение, а также отвечают на те вопросы и дают такие возможности, каких психология не имеет.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ (ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ) ПОДХОД

Другой подход носит название феноменологического. Сторонники этого подхода убеждены, что не инстинкты, внутренние конфликты или стимулы среды детерминируют поведение человека, а его личное, уникальное для каждого человека, восприятие реальности в каждый данный момент. Человек — не арена для решения интрапсихических конфликтов и не глина, из которой благодаря научению лепится личность, а, как говорил Сартр: «Человек — это его выборы»¹⁴. Люди сами себя контролируют, их поведение детерминировано способностью делать свой выбор — выбирать, как думать и как поступать. Эти выборы продиктованы уникальным восприятием человеком мира. Феноменологические психологи рассматривают даже глубокую депрессию не как психи-

ческое заболевание, а как признак пессимистического восприятия индивидом жизни.

Фактически феноменологический подход оставляет за пределами своего рассмотрения инстинкты и процессы научения, которые являются общими и для людей, и для животных. Вместо этого феноменологический подход сосредоточивается на таких специфических психических качествах, которые выделяют человека из животного мира: сознание, самосознание, творчество, способность строить планы, принимать решения и ответственность за них. По этой причине феноменологический подход называется также гуманистическим.

Другое важное предположение этого подхода состоит в том, что у каждого человека есть врожденная потребность в реализации своего потенциала в личностном росте, хотя среда может блокировать этот рост. Люди от природы склонны к доброте, творчеству, любви, радости и другим высшим ценностям. Феноменологический подход подразумевает также, что никто не может по-настоящему понять другого человека или его поведение, если он не попытается взглянуть на мир глазами этого человека. Феноменологи, таким образом, полагают, что любое поведение человека, даже такое, которое кажется странным, исполнено смысла для того, кто его обнаруживает.

Эмоциональные нарушения отражают блокирование потребности в росте (в самоактуализации), вызванное искажениями восприятия или недостатком осознания чувств. Гуманистическая психотерапия основывается на следующих предположениях¹⁵:

1. Лечение есть встреча равных людей, а не лекарство, прописываемое специалистом. Оно помогает пациенту восстановить свой естественный рост и чувствовать и вести себя в соответствии с тем, какой он есть на самом деле, а не с тем, каким он должен быть по мнению других.

2. Улучшение у пациентов наступает само по себе, если терапевт создает правильные условия. Эти условия способствуют осознанности, самопринятию и выражению пациентами своих чувств. Особенно тех, которые они подавляли и которые блокируют их рост.

Как и при психодинамическом подходе, терапия способствует инсайту, т.е. осознанию, однако в феноменологической терапии инсайт — это осознание текущих чувств и восприятий, а не бессознательных конфликтов.

3. Наилучший способ создания этих правильных (идеальных) условий — установление отношений, при которых пациент чувствует безусловное принятие и поддержку. Терапевтические изменения достигаются не вследствие применения специфических техник, а вследствие переживания пациентом этих отношений.

4. Пациенты полностью ответственны за выбор своего образа мыслей и поведения.

Наиболее известными из форм феноменологической терапии являются «клиент-центрированная терапия» Карла Роджерса¹⁶ и «гештальттерапия» Фредерика Перлза¹⁷.

Важно отметить, что и Роджерс, и Перлз, и практически все их последователи, а также представители и других направлений психотерапии центром проблем своих клиентов считали одно и то же. Роджерс говорил об эгоцентризме, Перлз чаще называл его нарциссизмом, некоторые называли центральную проблему эгоизмом, но суть оставалась одна. Мы еще к ней вернемся.

Кратко рассмотрев особенности гуманистического подхода, мы снова видим, что задолго до психологических теорий святые отцы раскрыли уже главные его положения.

О том, что в свободном выборе определяется человек, писали все святые отцы. Отдельно и предельно глубоко тему свободы и выбора разработал в своих трудах прп. Максим Исповедник¹⁸. Именно свободным выбором характеризуется человек — и здесь гуманистическая психология совпадает с богословским наследием. Но психология не может до конца раскрыть, что есть истинная свобода, и не может привести человека к ней, в то время как у прп. Максима очень четко описано, что есть свобода, и у отцов-аскетов раскрыто, как достичь свободы¹⁹, как отличить свободу от произвола и т. д.

Одним из главных положений феноменологического подхода в психологии является учение о врожденной потребности в реализации своего потенциала у каждого человека. Святые отцы испокон веков учили о подобии Божию в человеке как уподоблении Богу путем жизни, о стремлении души к Богу. «Всякая душа по природе своей христианка», — писал Тертуллиан. И опять же, психология не раскрывает, в чем заключается потенциал человека, потому что невозможно дать ответ на этот вопрос, не выйдя за пределы человеческой природы. И только богословие дает конкретный ответ: потенциал человека — это его обожение.

Гуманистические психологи учат о благодати человеческой природы. Именно об этом свидетельствует и православное богословие. Но опять же психология встает перед неразрешимым для нее вопросом — откуда же тогда в человеке есть зло, если его природа блага? Богословие имеет ответ и на этот вопрос.

Центральным моментом лечения в гуманистическом подходе является полная ответственность клиента. Святые отцы учат каждого христианина полной ответственности за свою жизнь.

Наконец, главной проблемой психологи считают эгоцентризм, или нарциссизм. Но это именно тот грех, который на языке святых отцов именуется гордыней или самолюбием, и который святые отцы называют причиной всех грехов. «Где совершилось грехопадение, там прежде водворилась гордость; ибо провозвестник первого есть второе»²⁰, — пишет святой Иоанн Лествичник. Но если психология только предлагает попытки излечения от этого страшного душевного недуга и только указывает на необходимость кротости («быть и чувствовать себя таким, каким ты есть, а не следовать за чужим мнением», — говорил Роджерс, что полностью соответствует известному поучению прп. Макария Великого ко пришедшему к нему брату), святые отцы раскрывают целую школу исцеления, предлагая и лекарство — святое послушание²¹, раскрывая и структуру недуга, и причины его возникновения, и способы противодействия.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД

Теоретическим источником поведенческой терапии являлась концепция бихевиоризма американского зоопсихолога Уотсона и его последователей, которые поняли огромное научное значение павловского учения об условных рефлексах, но истолковали и использовали их механистически. Согласно взглядам бихевиористов, психическая деятельность человека должна исследоваться, как и у животных, лишь путем регистрации внешнего поведения и исчерпываться установлением соотношения между стимулами и реакциями организма независимо от влияния личности. В попытках смягчить явно механистические положения своих учителей необихевиористы²² позднее стали учитывать между стимулами и ответными реакциями так называемые «промежуточные переменные» — влияния среды, потребностей, навыков, наследственности, возраста, прошлого опыта и др., но по-прежнему оставляли без внимания личность. По сути, бихевиоризм следовал давнему учению Декарта о «животных машинах» и концепции французского материалиста XVIII в. Ламетри о «человеке-машине».

Основываясь на теориях научения, поведенческие терапевты рассматривали неврозы человека и аномалии личности как выражение выработанного в онтогенезе неадаптивного поведения и определяли поведенческую терапию как «применение экспериментально установленных принципов научения для целей изменения неадаптивного поведения. Неадаптивные привычки ослабевают и устраняются, адаптивные привычки возникают и усиливаются»²³. При этом выяснение сложных психических причин развития психогенных расстройств считалось излишним. Более того, такой психолог, как Айзенк, утверждал, что достаточно избавить больного от симптомов, и тем самым будет устранен невроз.

Несмотря на очевидные пробелы подобного подхода, он иногда приносит и положительный результат. И опять же, мы видим использование его положительных сторон в святоотеческих трудах. Святые отцы писали, конечно, не о рефлексах, но именно у них мы находим предельно строгое и стройное учение о формировании привычек, об их укреплении и борьбе с ними. Наиболее ярко формирование навыка описано, наверное, у прп. Нила Сорского²⁴ — и его учение по глубине разьяснения и проработке стоит на порядок выше психологических теорий.

Мы не рассмотрели еще когнитивный подход в психотерапии, а также более частные направления, но, полагаю, картина сложилась уже достаточно ясная.

ВЫВОДЫ

Итак, как мы показали в данной работе, все лучшее в практической психологии является отражением святоотеческого опыта нашей Церкви, между тем как в психологии существует огромное количество вопросов и проблем, решение которых может предложить только богословие.

Собственно говоря, тема взаимодействия богословия и практической психологии для нашего времени нова, но все же можно отметить некоторые труды. Со стороны богословия можно назвать книгу митрополита Иерофея (Влахоса) «Православная психотерапия: святоотеческий курс врачевания души»²⁵, книгу замечательную, но которая все-таки гораздо ближе к антологии святоотеческой аскетике, чем непосредственно к психологии. Со стороны психологии можно отметить, например, труды священника Андрея Лоргуса и Федора Ефимовича Василюка²⁶, которые, в свою очередь, ближе к психологии.

Взаимодействие между богословием и практической психологией, наверное, необходимо. Известны слова отца Андрея Лоргуса: «Только если священник святой, он может обойтись без знания психологии»²⁷. Действительно, в человеке есть душа и дух, и порой проблемы души требуют работы именно душевной, ведущейся психологическими методами. Также практикующему психологу необходимо знание научной психологии, знание законов развития мышления, восприятия и т.п. Но, как мы показали, употребление психологии без богословской базы нередко приводит к ее «выхолащиванию», к тому, что вместо помощи психотерапевт приносит своему клиенту вред.

Вдобавок психотерапия не может дать человеку полноту жизни, не может дать ему цель — это возможно только в духовной жизни, и, помимо всего прочего, это именно наша задача сделать богословское наследие доступным для людей. Но хоть психотерапевт и не может дать предельный смысл, хорошая психотерапия может сделать душу восприимчивой к жизни Духа, отзывчивой и открытой, свободной от психологических проблем. В этом и заключается, на наш взгляд, задача психотерапии, и именно во взаимодействии с богословием она достижима.

¹ Приказ Государственного комитета СССР по народному образованию от 19.09.90 №616. Об утверждении Положения о психологической службе в системе народного образования. Действителен до сих пор.

² Александров А.А. Современная психотерапия. Курс лекций. Лекция 1.

³ Московский психологический журнал. №12.

⁴ Bernstein D. A., Roy E. J., Srull Th. K., Wickens Ch. D. Psychology.

⁵ Александров А.А. Современная психотерапия.

⁶ Фрейд З. Психология бессознательного.

⁷ Там же.

⁸ Александров А.А. Современная психотерапия.

⁹ Прп. Максим Исповедник. Диспут с Пирром и др.

¹⁰ Василюк Ф.Е. «Переживание и молитва». М.: Смысл, 2005. 192 с.

¹¹ Александров А.А. Современная психотерапия. Лекция 1.

¹² Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 5.

¹³ Adler A. The practice and theory of individual psychology.

¹⁴ Цит. по: Александров А.А. Современная психотерапия. Лекция 1.

¹⁵ D. Bernstein, E. Roy et al. 1988.

¹⁶ Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека и др.

- ¹⁷ Перлз Ф. Опыты психологии самопознания.
- ¹⁸ Прп. Максим Исповедник. Творения.
- ¹⁹ Прп. Авва Дорофей. Прп. Иоанн Лествичник и др.
- ²⁰ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. 23.4.
- ²¹ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Слова 4 и 25 и др.
- ²² Wilson G.T. Behavior Therapy.
- ²³ Цит. по: Зацепицкий Р.А. Психологические аспекты психотерапии больных неврозами.
- ²⁴ Преподобный и богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский, и устав его о скитской жизни, изложенный архимандритом Иустином.
- ²⁵ Иерофей (Влахос), митр. Православная психотерапия: святоотеческий курс врачевания души. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2004.
- ²⁶ Василюк Ф.Е. Переживание и молитва.
- ²⁷ Он-лайн конференция сайта «Труд».

БИБЛИОГРАФИЯ

Святоотеческая литература и произведения отцов Церкви:

1. Иерофей (Влахос), митр. Православная психотерапия: святоотеческий курс врачевания души. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2004.
2. Прп. Авва Дорофей. Душеполезные поучения. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002.
3. Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002.
4. Прп. Максим Исповедник. Творения. // Электронный ресурс. <http://www.pagez.ru/lsn/0541.php> [посл. проверка 12.04.2011].
5. Преподобный и богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский, и устав его о скитской жизни, изложенный архимандритом Иустином. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1991.

Психологическая литература:

6. Александров А.А. Современная психотерапия. Курс лекций. СПб.: Академический проект, 1997.
7. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва. М.: Смысл, 2005.
8. Зацепицкий Р.А. Психологические аспекты психотерапии больных неврозами. В кн.: Актуальные вопросы медицинской психологии. Л., 1974. С. 54–69.
9. Лоргус Андрей, свящ. Только если священник святой, он может обойтись без знания психологии. Он-лайн-конференция // Электронный ресурс. <http://www.online.trud.ru/onlineconf/5045/1> [посл. проверка 12.04.2011.].
10. Московский психологический журнал. №12. // Электронный ресурс. <http://magazine.mospsy.ru/nomer12/s07.shtml> [посл. проверка 12.04.2011].

Труды Коломенской Духовной семинарии

11. *Перлз Ф.* Опыты психологии самопознания. М., 1993.
12. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
13. *Фрейд З.* Психология бессознательного. Сборник произведений. М., 1989.
14. *Adler A.* The practice and theory of individual psychology. N.-Y.: Humanities, 1929.
15. *Bernstein D.A., Roy E.J., Srull Th.K., Wickens Ch.D.* Psychology. Boston: Houghton Mifflin Co, 1988.
16. *Wilson G.T.* Behavior Therapy. In: *Corsini R.J.* Current psychotherapies (4th ed.). Itasca, Ill.: Peacock, 1989. P. 241–282.

Протоиерей Павел Карташев

МИССИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОЗЫ: особенности и перспективы (О вкусах не спорят, их изучают)

«Православные авторы», «современная православная проза» — читающая публика, если специально не заострять ее внимания на некоторой новизне (всего 20 лет в речи) таких словосочетаний, принимает их без сомнений: ясно же, что они означают. Между тем проблема понимания и оценки феномена «православной литературы» в свете общелитературных категорий и критериев все чаще обсуждается в православной периодической печати, в блогах и на сайтах. Относительно недавняя дискуссия в журнале «Фома» (январь 2010 г.), посвященная «иерейской прозе», выдвинула на первый план, среди прочих частных наблюдений, одну общую для всех выступавших мысль: литература, ориентированная на Православие, создаваемая священниками и мирянами, не должна умышленно выделять себя в особый мир «для своих» (возвещаемая ею, косвенно, неотмирная особая реальность не дает ей не то что права, а прямых и адекватных средств поведать о невыразимом), ей не следует преднамеренно и усиленно огораживаться в своем «культурном заповеднике», и судить ее или о ней надлежит по общепринятым, а не по специальным меркам.

Остроумно и всерьез издатели, редакторы и коллеги-писатели, публикующиеся в светских издательствах и «толстых журналах», говорили о бессмысленности и нецелесообразности классификации литературы по профессиональному признаку. В самом деле, дипломатической поэзии не существует, несмотря на творчество Тютчева и Клоделя; нет чиновничьей прозы, хотя Салтыков-Щедрин служил вице-губернатором; Чехов был доктором, Филдинг — мировым судьей, а Сент-Экзюпери — летчиком. Ну и что, что христиане пишут о самом важном? У нас, скажем честно, порой это получается так неловко, что за графоманию стыдно, а если и возникает желание объявить что-либо заповедным, то тогда уж — использование благочестивых тем.

Мнения экспертов, прозвучавшие в вышеупомянутой дискуссии в «Фоме», ценны и не оторваны от жизни. Они подтверждаются высказываниями опрошенных нами непрофессиональных читателей, прихожан нескольких московских и подмосковных храмов. Многодетная мама, в прошлом бухгалтер, заметила, что ни православной химии, ни подобного бухучета в природе нет, а к стоматологу, пошутила она, объявляющему себя православным, точно не пойдет, опасаясь, что у него сверла аскетические, большого диаметра. Врачу нужен больной, пациенту — врач, а христианин любого звания сокровенно предстоит Тому, Кто «видит втайне».

И все же, как бы ни иронизировать или недоумевать по поводу пререкаемых словосочетаний и стоящей за ними особенной литературы, но культурный заповедник, возникший без указов и планов из гущи церковной жизни в начале 90-х годов прошлого века, сегодня продолжает развиваться. У православных писателей все свое: и издательства с редакторами и рецензентами, и маркетинговая сеть со складами, экспедициями, оптовой и розничной торговлей, и свое рекламное сопровождение. Главное — свои читатели. Многие из них с литературой как таковой знакомы только по школьной программе, что уже неплохо — изучали ведь классику. Но вот снова, а иные вовсе впервые, к художественному слову приобщились в той его версии, что связана с Православием.

Приходится иногда слышать слова: православные отделяются вынужденно, отчасти сознательно, но всегда потому, что литература их слаба. Другие остро-слы слышат свои объяснения обособленности: «православный» является условным знаком, извещающим как минимум о двух вещах: читатель может погрузиться в художественный текст без риска встречи с эротикой, матом, жестоким цинизмом, с той пресловутой голимой правдой жизни, под благородной вывеской которой плещется уже привычная, но от этого не менее отвратительная чернуха. Во-вторых, «православный» значит благочестивый, значит читателю предлагается душеполезный досуг, а так как без отдыха нельзя даже самым серьезным верующим, то, чтобы они не чувствовали себя обделенными в атмосфере всемирного стремления к *dolce farniente*, к сладкому безделью, их приглашают передохнуть в соответствии с их вкусами.

Есть и еще один взгляд на «заповедность». Церковь представляет в мире земном мир иной, и все, что в Церкви или в ее перспективе создается, несет на себе печать инаковости. И это печать духовного свойства, иной природы. А средства и формы выражения мыслей, убеждений, настроений, то есть то, что вмещает язык, речь — они общие для всех людей — и они проникаются другими настроениями, духом эпохи, например.

Какое это имеет отношение к православной литературе? Непосредственное. Первые христианские авторы говорили и писали на языке иудеев, или греков, или римлян, на языке многовековой Церкви Израиля или на языке языческих культур. Другими они не владели, их не было. Еще не сложился язык молодой веры во Христа. Были воспоминания о Нем, мысли и чувства, любовь и новый — в смысле открывший Себя человечеству — Дух. Дух Святой, побуждавший христиан возвещать нечто совершенно небывалое — воскресшего Христа. Но старыми словами. Дух новый, обновляющий, а слова медлительные, отстающие, косные. И происходило замечательное преображение языка, расширение и углубление значений слов. Слова, попадая в плавильную печь христианского творчества, освобождались от некоторых давних ассоциаций и изменялись в новом контексте, молодели, оживали.

Это один из классических случаев плодотворного столкновения нового содержания и традиционной формы. Речь — чуткая квинтэссенция традиции, и поэтому она — универсальное средство общения людей во времени и в пространстве. Она изрешечена шрамами войны добра и зла. Низменное, вульгарное,

агрессивно-пошлое содержание ранит язык, уродует его и засоряет. И напротив, глубоко искренние, светлые и чистые, выстраданные переживания, когда это без дешевой стилизации под возвышенность, рождает живые и единственные слова, далекие не от злобы дня, не от «проклятых вопросов», а от карикатур на современность, и сусальных, и чернушных. Нам сегодня очень не хватает таких слов.

И если в некоторых произведениях современной православной прозы внятно слышится фальшь, если видятся вместо неоднородных становящихся образов правильные манекены, изрекающие пламенные или задушевные монологи о спасительной жизни, то о чем ином это может свидетельствовать, как не о том, что духовное здесь не оживило плоть произведения, что эта плоть напоминает литературный конструктор: набор штампов и готовых реплик, вообще набор... Вот так былинно-сказительно подобает велеречить настоятелю собора, вот так неотразимо обязана голосить персонифицированная совесть, а вот таким миром, золотой осенью должно веять от слов благочестивой старушки.

Мы придаем излишнее значение форме? Разве не правильное содержание, темы и проблемы — главное в христианстве? В учебнике по догматическому богословию или в статье, в катехизисе и в докладе — бесспорно. Да и то, как важно, чтобы было написано ярко и зримо. Но если перед нами рассказ, стихотворение, роман, тогда следует вспомнить, что в литературе язык — это материальная оболочка образа, а образ — вот что главное в поэзии и прозе, хотя в той и другой природа образов различна. «В художественном произведении, — писал И.А.Гончаров, — один образ умен — и чем строже он, тем умнее».

Итак, художественное сочинение нельзя судить иначе, как только в свете основных эстетических категорий. Главнейшую мы назвали. Поэтому первое требование или пожелание автору касается создания живого и емкого образа, освещающего и согревающего его произведение. Здесь особо значима цельность и правдивость образа, ведь само слово несет в себе идею меры, отрезанного и завершенного в себе целого, избранного из неразграниченной природы.

Произведения поверяются также наличием или отсутствием в них внутренней гармонии, единственно верного в каждом отдельном случае сочетания формы и содержания. Здесь также имеется в виду некая цельность, которой должны соответствовать все элементы произведения и формальные — фигуры речи, ритм, композиция; и содержательные — художественно освоенная идея, тема, фабула.

Нравится или не нравится, покупают или лежит — удовлетворительность подобных оценок в отношении искусства и литературы спорна. С массовой «субъективностью» трудно вести вдумчивый разговор, на ее стороне всем приятная легкость. Имей свое мнение: выбери пепси-колу! Многие понимают, что торжество ложной субъективности ведет к порабощению не умеющих рассуждать субъектов: этими «прикольно» или «лажа» легко управляют манипуляторы общественных мнений и экономических рынков.

О вкусах не спорят, не тратят время зря. Лучше пытаться их понимать, изучать, чтобы, сверяя нынешние уровни вкуса и безвкусы с наполняющими куль-

туру образцами и идеалами, стараться прививать хорошие. Задача огромная и быстро ее не решить. Настоящий краткий обзор отдельных произведений современных православных авторов вызван назревшей необходимостью: вспомнить о классической системе координат, о высоте и глубине, богатстве и многообразии, мысленно увидеть себя на фоне мировых вершин. Православному восприятию мира это должно быть особенно полезно, мы же о высшем говорим. Когда не можем молчать.

Именно об этом размышляет, и как всегда у него лаконично и точно, протоиерей Андрей Ткачев: «... гениальная прозорливость Оптинских старцев. Они до революции предсказывали время крайнего смещения понятий и советовали привить молодым людям вкус к хорошей музыке, живописи, литературе для того, чтобы хороший вкус стал противоядием против грядущей пошлости.

Пошлость пришла, нагрянула. А с противоядием — проблемы. Миллионы людей научили читать, но не научили выбирать чтиво, для миллионов людей видеокассеты доступны, но умения выбирать из навоза жемчужину — нет. Как ни была страшна безграмотность, нынешняя грамотность при отсутствии веры и вкуса — еще страшней.

Это, может быть, для XIX в. чтение Тургенева или Вальтера Скотта могло не поощряться духовниками и быть признаком духовного упадка человека. Сегодня это признак подъема и знак того, что внутренний мир человека обогащается и шлифуется. Думающим трудней манипулировать, знающего труднее обмануть»¹.

Отец Андрей служит в киевском храме прп. Агапита Печерского, ведет православные телепередачи и печатается в популярном на Украине журнале для молодежи «Отрок.ua». Статьи и интервью, опубликованные в журнале, легли в основу его книги «Мы вечны! Даже если этого не хотим», она издана в Симферополе в 2009 г., и другая вышла в Москве в нынешнем, 2010-м — «Письмо к Богу». Отец Андрей — отрадное явление в современной, если хотите — православной, словесности. Он, впрочем, не нуждается в защитной наклейке и «православный» для него не прикрытие, а украшение и «незаслуженное счастье».

Последние заковыченные слова мы взяли из его рецензии на книгу Майи Кучерской «Бог дождя», одной из трезвых и нелюбимых рецензий среди множества восторженных. Цитату из нее мы приводим здесь не только для того, чтобы начать знакомство (кто еще незнаком) с отцом Андреем, но и с желанием всецело разделить его оценку книги молодой писательницы. Отец Андрей прав, и как священник, и как тонкий ценитель изящного и обличитель дурного, когда пытается защитить Церковь и литературу от популистских тем и беспринципных приемов. Он пишет: «Для меня очевидно, что роман «Бог дождя» вырос из личной драмы... Я думаю, что свои падения и преткновения нужно исповедовать, а не превращать в тему литературного произведения. Свои порезы и ушибы нужно показывать только врачу, а не всему честному народу. Иногда на уродстве и личной трагедии можно зарабатывать. Так зарабатывают карлики в цирке. Но это единственный или почти единственный, наряду с калеками, просящими подаяния, случай, когда личную трагедию можно тиражировать... А вот с писа-

тельским трудом вопрос серьезней»². Раздеться на людях и личную боль сделать темой для обсуждения миллионов, это очень, конечно, по-современному.

Вот только к церковным ли людям, как думает отец Андрей, обращена книга Кучерской в первую очередь? Церковные, те из них, что жадно проглатывают романы и рассказы, эту-то почти и не заметили, за исключением некоторой части образованной церковной молодежи. Зато она задела за живое определенный слой интеллигентов — неширокую, но энергичную прослойку всеядных и неразборчивых интеллектуалов, неизменно проявляющих повышенный интерес к закулисной правде жизни. Интеллектуалы в этом плане близки обывателям: те и другие потребляют много соответствующей их вкусам пищи — тем и другим хочется «клубнички». Всем скучно.

Протоиерей Андрей Ткачев наиболее плодотворен в жанре очерка, который можно было назвать краткой лирико-публицистической проповедью, стилистически и композиционно безупречно выстроенной. Есть у него и рассказы, но это не беллетристика в чистом виде — скорее художественные этюды с авторскими комментариями. Что замечательно в его письме и так редко сейчас в литературе — он немногословен. Нет, слог его выразителен, красив, иногда сжато-афористичен, но в нем нет самоупоенной риторики — он умеет сказать многое малыми средствами. Как правило, это требует больших усилий, необязательно в работе над каждой фразой, текстом — жизненных.

Вообще труд самоограничения необходим, первичен как начальное условие. А родится или нет что-то настоящее, вызывающее доверие — тайна. Чтобы костер разгорелся, хвороста нужно не очень мало, но и не слишком много, в меру. А без того, чтобы его в поте натаскать, — никак. И еще одно — он должен быть сухим. Не соглашаясь с теми, кто назвал сочинение Юлии Вознесенской «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами» книгой «простоватой, лишенной примет произведения «высокой» литературы», Е.А.Павликова в послесловии к очередному бестселлеру писательницы эти суетные приметы перечисляет. К ним относятся, по мнению критика, следующие: переплетения сюжетных линий, усложненная стилистика, изощренная игра слов, скрытые цитаты, глубоко-мысленная ирония... «Все это характерно для современной словесности, — считает критик, — а книги Вознесенской можно назвать простодушными в исконном значении этого слова».

Допустим, даже согласимся с приметами современности. Признаем, что по части виртуозного жонглирования словами, легкости в речах необыкновенной современная литература достигла многого. Но начитавшись ее, влечется душа к прозрачной глубине и сдержанной ясности Чехова, к высокому горному воздуху Достоевского, к необременительной подробности и искусной простоте Толстого. Нет, изощренность и усложненность сами по себе еще не возводят текст в ранг произведения искусства, а безыскусной простоты в мире и так много. Мастеровитости в Вознесенской нет, Павликова права. Есть приметы другого современного явления, и не в прозе самой, а вокруг нее: раскрутки. Как-то не по-православному, нескромно называть серию сочинений автора: «Бестселлеры Ю.Вознесенской». А что касается прозы, то опять верно: в ней есть простоду-

шие плаката. В.Капкан в отзыве на последнюю, кажется, книгу Вознесенской «Жила-была старушка в зеленых башмаках...» сказал, что она написана акварелью. Сколько людей, столько представлений о живописной технике. Все-таки это больше походит на плакатную гуашь, наложенную пусть не большой, но щетинной кистью. Вот живут себе, дружат три старушки, благочестивые, правильные, благополучные. Вот они спасают бомжей, а те спасаются, начинают жить по-человечески, правильно. Вот они с бывшими бомжами побеждают экстрасенса Магилиани, безоттеночно плохого, «воскрешавшего» собачек (прототипом его является, вероятно, шарлатан по фамилии Гробовой), и прохиндей «только злобно сверкнул глазами», и сдался, и т. п. Уютная литература, удобная, как эти велюровые домашние туфли — зеленые башмаки, нигде не жмет.

В жанре плаката работает и другой художник слова, протоиерей Александр Торик. Надо отдать ему должное, его литературные полотна не слишком объемные, последняя книга, сказка «Димон», составляет всего 250 страниц. Повествование динамичное, можно увлечься. Хотя прекрасно понимаешь, что все кончится прекрасно, и во время чтения отмечаешь, что борьба с грехом и преодоление страстей старшеклассника Димки, выдержавшего мытарства и спустившегося до ада, до предания себя на вечную муку ради спасения своей возлюбленной (пока еще своей безответной любви) одноклассницы Маринки, изображается грубо, выпукло, схематично — впрочем — сказка! — а интерес не пропадает: чем же все это разрешится? В литературной, в писательской сказке некоторая прямолинейность допустима, естественна, генетически оправданна — связь с фольклором заложена в законы жанра. Но и сказки бывают разные. Гениальные, сдержанные и изящные Андерсена, великолепные и монументальные К.С.Льюиса...

Отец Александр пишет энергично и доходчиво, догадываться ни о чем не надо. Его сказка — краткий справочник по молодежному сленгу. Изображение с выражением и нравочением у него часто совмещаются до полного совпадения, так что сочувствию и размышлению втиснуться порой некуда. Литература готовых решений.

Сложно из непосредственных жизненных впечатлений извлекать уроки, делать выводы, систематизировать мелочи. Такая жизнь — трудная, но творческая. Со стереотипами легче. А можно в творчество прийти с готовыми установками: «Правильно — это вот так! И я заставлю тебя, грешная реальность, быть послушной!» Послушание инерции, выверенному и безопасному курсу в православной литературе часто оказывается выше самоограничения и постановки беспокойных вопросов.

Но ведь и в так называемом «современном искусстве», как будто рвущем традиции, новаторском, побеждают стереотипы. Инсталляции с многозначительными намеками в названиях, где без словесных подсказок не обойтись, потому что без них не произойдет сочетания в целое разнородных предметов: к примеру, кучи яблок и на них макета храма — свидетельствуют о том, что труда, школы, формы, органично рождающейся в содержании и одновременно с ним, одним словом именно искусства — нет. Неумирающий образ ложной многозначительности — «новое платье короля» великого Андерсена. Бедные зрители го-

лого короля восхищались пустотой, а лентяи заработали и удалились. Сегодня бы раскрутили свой проект.

Искусство в классическом смысле слова поясняется понятиями искусности, кропотливости, одаренности с ответственностью. Цветаевский «легкий огонь, над кудрями пляшущий, — дуновение — вдохновения!» вспыхивает над пашущими и пишущими в поте. И опять же, не к случаю вспотевшими, а по жизни. Проблема современной культуры — это ориентированность творческой личности на быстрый отклик, на интенсивность и эффективность, на успех, удостоверяемый и материально.

Достоевский, с трудом выслушав стихи юного Мережковского, отозвался: «Слабо, плохо... Чтoб хорошо писать — страдать надо, страдать!»

Недавно высокой патриаршей награды был удостоен фильм Владимира Хотиненко «Поп». Он снят по роману и сценарию (совместно с Хотиненко) Александра Сегеня. На волне успеха киноленты может ожидать популярности и книга. Но книга и картина — разные. Прежде всего, в силу объективных причин: кинематограф и литература разговаривают на разных языках. Изобразительные возможности в кино — особой, властной природы. Кино воздействует неотразимо, «гипнотически»: глаза героев, музыка, панорамные съемки родной земли «объединяют усилия», чтобы захватить, эмоционально пленить воображение зрителя. Литература, конечно же, не обладает таким диапазоном ярких и громких средств, она говорит изнутри читателя, и значит, близость ее к сокровенной человеческой глубине предопределена ее природой. Отсюда участь литературы может быть и печальной, и счастливой: ее слабости музыка не заглушит, от ее неумелости не отвлечет игра актеров; зато ее вероятные достоинства сулят ей прочность и долгое жительство.

Книга А.Сегеня «Поп» легка. По-своейски просто на ее страницах о самых разных вещах — от глобальных до бытовых — беседуют самые разные люди: Гитлер, Розенберг, Сталин, Берия, крестьяне, партизаны... Даже Орлеанская дева, святая Жанна д'Арк является во сне герою книги и, клеветца на Францию, просится на почитание в Россию. История-лайт, непринужденный, лубочно-задорный рассказ на трагическую и сложную тему: историю псковской православной миссии. В книге много юмора, и заканчивается она фарсом. Два исповедника, два старых священника — герой повествования и всем известный протоиерей Николай Гурьянов с острова Залита рассуждают о Промысле Божиим: о полете Гагарина в космос в день Иоанна Лествичника, написавшего книгу о лестнице в небо; о победе над Германией прямо на Пасху...

И все было бы, судя по тону беседующих, вообще прекрасно, потому что руководят нами «молодцы, как ни крути!» Одно досадное обстоятельство омрачает «неописуемую красоту гармонии Божиего Промысла»: «Вот только лагеря эти... Сколько мук люди приняли!» Но, согласно мнению одного из собеседников, «ничего не бывает незаслуженно», и лагерь — это тот же монастырь строгого устава. Зато гармония убедительно подтверждается судьбами Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина. Первый «руки на себя наложил», а второй «скончался непостыдно, мирно».

Разве? Сталин, насколько известно, умирал мучительно, одиноко.

При Сталине, напоминает автор через героев, вернулось патриаршество, одержали колоссальную победу и, в чем его личная заслуга, «он страшную изначальную большевизацию прикончил».

Можно было бы оспорить это последнее, которое в кавычках, частное мнение автора, но наш обзор посвящен не историко-политическим концепциям, а литературе. Оспаривать не будем, но и не оставим совсем без комментария заявления писателя, так как «упакованы» они все же в искусство — в блестящую литературу, с песнями. Итак, два протоиерея, воскликнув «Да простит Господь Бог Иосифа», декламируют по ролям строки из стихотворения Пушкина «19 октября»: «Ура, наш царь! так! выпьем за царя» и т. д. Они прощают ему, великодушно, по-пушкински, «неправое гоненье», ведь «он взял Париж», то есть Берлин, и «основал лицей»... Что основал Сталин? Александру I далеко до него. Отец народов основал не лицей, а целый архипелаг. В выживших узниках Гулага, с которыми доводилось общаться, не чувствовалось ни ненависти к гонителям, ни шутивого благодушия. А вот когда они вспоминали о тюрьмах, карцерах, пытках и лагерях, их лица становились сосредоточенными, целомудрием скорби веяло от их слов. У Сегеня же протоиереи напевают в финале апологии романс: «Не пробуждай воспоминаний минувших дней, минувших дней...» Опереттой Сталина, кажется, еще не пытались оправдать.

И война в романе фрагментами балаганная. Пьяный немецкий офицерик открывает стрельбу по матушкиному полосатому коту — тот «возвращался домой со своей ночной вечеринки, на которой вряд ли отмечалось взятие немцами Москвы». Мелочь, казалось бы, коту, вечеринки — ну не держатся слова у автора, — но на селе-то ведь действительно горе: лютуют немцы.

Какой же благородной, на фоне романа А.Сегеня, предстает книга Н.Сухининой «Прощание славянки». Она посвящена судьбе одного из многих детей войны, деревенского мальчишки, сироты. Книга эта — документальная повесть о жизни Виктора Гладышева: рассказанные автору воспоминания героя повести о детстве в родной Березовке и в занятой немцами деревне Смолино, о жестокости фашистов и о тех немцах, которые не теряли человеческого облика. О тех, кто бестрепетно убивал, между делом, и о тех, кто сострадал. О страшном перегоне матерей и детей через заснеженные поля и сожженные деревни в сторону Германии, и о сорокоградусных морозных ночах в разоренном храме в Боровске, откуда детские заледеневшие трупы выносили утром... И, наконец, о послевоенном возрождении, о возвращении к тишине и музыке (Виктор стал музыкантом), о любви. Сухинина пишет тепло, образно и, в этом не приходится сомневаться ни разу, непридуманно, честно.

И поэтому книги ее, и предыдущая — «Какого цвета боль?» — о женщинах, попавших нелепо, по преступной глупости, под суд и отбывающих наказание, — явления серьезные и самобытные, и по отзывам любителей чтения, которое заставляет думать и переживать, утешительные и светлые, радостные.

Среди читающих людей ширится сегодня круг любителей документальных книг. Объяснить это можно протестом или усталостью от примитивной,

а также если бойкой, то скабрешной и даже какой-то тревожно-разрушительной прозы.

Николай Блохин опубликовал собрание автобиографических рассказов «Из колодца памяти», и сложилось у писателя не просто занимательное чтение, но воспоминания яркие и живые, мудрые и невычурные, без нарочитой литературности. Например, рассказик-зарисовка «Радость»: хорошее и опасное дело срывается — распространение духовных книг в стране Советов — и «злость начинает расpirать. Тошно и плохо». Промокнув до нитки, автор засыпает в лесу, а когда просыпается, в холодине, видит «утреннее солнышко сквозь листву. И изумительный восход. И мне вдруг стало хорошо-хорошо. Нам даются такие минуты, и ничто не сравнится с душевным покоем и равновесием, непонятно откуда взявшимся». Покой этот и радость передаются, непонятно как, читателям; ими хочется поделиться, дать почитать книгу.

Увы, в сравнении с этой сдержанной правдой повести Блохина «Перенесение на камне» и «Царское дело» навязчиво дидактичны, аморфны, несмотря на жаргон и пламенные речи «материализовавшейся» совести подростка-хулигана, и на горячие мольбы царя Феодора Иоанновича. «Проза» такая шита белыми нитками, ее содержание — идеи и проблемы — успешней реализовались бы другими способами передачи информации: докладом или статьей.

«Непридуманные истории» популярного православного писателя протоиерея Николая Агафонова написаны с искусной простотой, задушевно и ласково. И множество других рассказов, вошедших в сборник «Отшельник поневоле», как и сама повесть, давшая название сборнику, отличают те же достоинства: добродушие и уравновешенность. У отца Николая гармония внутреннего и внешнего является стилеобразующей мировоззренческой доминантой. Но иной раз внутреннее перевешивает, и тогда правильная идея тучнеет, вылезает наружу. Впечатление от чтения святочного рассказа «Молитва алтарника» несколько странное: будто это не протодиакон, настоятель и алтарник разговаривают, а актеры, которым разъяснили, како подобает «глаголати» и «поступати» по всей церковной правде. Добрый рассказ, многим, нет сомнений, нравится. Но если бы он был еще непредсказуемым, шершавым! Стилизация под умильную церковность беспроегрышна, но она делает православный литературный продукт быстропротящимся.

Идеи и темы поэзии, как справедливо, на наш взгляд, пишет известный филолог С.Г.Бочаров в заметках «О религиозной филологии» — «в сердце самой поэзии». У поэзии, у литературы и искусства свое собственное знание. Поэзия ничего буквально не иллюстрирует и не служит рупором аскетики, догматики, философии, политики. Знание, которое в сердце поэзии, ставит вопросы по-чеховски. Чтобы побудить читателя искать ответы.

Именно в таком ключе написана сказочно-фантастическая повесть «Первая заповедь блаженства» Людмилы Дунаевой. Ни о первой заповеди, ни о последующих в повести нет ни слова, внешние приметы религиозной жизни вынесены за скобки сюжета, но по смыслу и духу — это сочинение христианское. В нем рассказывается о будущем, но это не фантастика и не фэнтези, скорее вероятные

перспективы прогрессирующей в человечестве гордыни, эгоцентризма. В этом «завтрашнем дне» каждый ребенок обязан становиться выше, гениальнее всех окружающих. Если у него не получится — родители безжалостно сдадут его в интернат, как хлам. И вот в бесчеловечном мире находится остров спасения — психбольница, а в ней дети, смиряясь и нищая, теряя свои мнимые богатства, постепенно преображаются в существа, выше которых только Небо — они делаются людьми. Повесть Дунаевой дарит читателям маленький праздник хорошего вкуса и чувства меры. Не менее замечательна, оригинальна и свежа ее сказка «Эльфрин».

Пушкинское «цель поэзии — поэзия» напоминает о том, что изложением вероучения литература, какой бы православной она себя ни называла, быть не должна. Иначе она растворится в посторонних целях и исчезнет, и тогда мир станет еще проще, безвкусней и однозвучней. Литература с ее возможностями, своим взглядом, языком, с ее платоновской «заразительностью» и аристотелевским «подражанием», составляет особую область жизни, корнями уходящую в замысел Божий о целом, о всем мироздании. Об этом замысле литература, не изменяя себе, сообщает только литературно, поэтически, то есть непрямо, недидактично, прикровенно, образно.

¹ *Ткачев Андрей, протоиерей.* Мы вечны! Даже если этого не хотим. Симферополь, 2009.

² Отрок.ua — Православный журнал для молодежи. №4, 2007. С. 58–59.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.М. Самохвалов</i> ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ церкви Успения Божией Матери села Гжель с XVII века до наших дней (продолжение)	3
<i>Протоиерей Михаил Щепетков</i> ЗАКРЫТИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ХРАМОВ в XIX – начале XX века	29
<i>Священник Александр Ионов</i> КОМИССИЯ ПО ОПИСАНИЮ Архива Святейшего Синода (1865–1923 гг.): основные научные и практические результаты работы к 1917 г. и деятельность в 1917–1923 гг.	35
<i>Священник Вадим Суворов</i> К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ 34-го Апостольского правила и 9-го правила Антиохийского Собора.....	98
<i>Священник Илья Ничипоров</i> ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ святителя Филарета (Дроздова) как школа духовного воспитания	113
<i>А. Ситало</i> АВВА ЕВАГРИЙ ПОНТИЙСКИЙ: возможно ли православное прочтение?	118
<i>А. Лунев</i> ТРАНСГУМАНИЗМ как следствие неверия в XXI веке	131
<i>Священник Димитрий Шаповалов</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БОГОСЛОВИЯ и практической психологии	139
<i>Протоиерей Павел Карташов</i> МИССИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОЗЫ: особенности и перспективы	149

ТРУДЫ
КОЛОМЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Выпуск 7

Подписано в печать 08.10.2012. Формат 70 x 90 1/16.
Печ. л. 10. Тираж 500 экз. Заказ №1318.

Издательско-производственный центр «Русский раритет».
119002 Москва, Денежный пер., 22.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»».
105005 Москва, ул. Фр. Энгельса, 46